

 Дстонцы
в Пермском крае:
очерки истории и этнографии

Александр Черных

**Эстонцы в Пермском крае:
очерки истории и этнографии**

«Маматов»

2010

Черных А. В.

Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии /
А. В. Черных — «Маматов», 2010

В монографии на основе архивных, опубликованных в печати и полученных в результате полевых исследований этнографических источников рассматриваются особенности формирования и этнокультурные процессы у эстонцев в Пермском крае на протяжении конца XIX – начала XXI в. Впервые в коллективной монографии авторами рассмотрены основные этапы формирования и миграций эстонского населения в Прикамье, его численность и расселение, особенности функционирования языка и этнической культуры как в прошлом, так и настоящем. Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии, но будет интересно и широкому кругу неравнодушных к истории и этнической культуре читателей.

© Черных А. В., 2010
© Маматов, 2010

Содержание

Введение	6
Глава I	17
Общие сведения об эстонцах	17
Эстонцы в России	19
Эстонцы на Урале	22
Эстонцы в Пермском крае	24
Эстонские хутора Даго (Новопетровка)	26
Эстонские поселения в Сивинском имении Оханского уезда	31
Пермской губернии	
Эстонцы в Ершовской волости Осинского уезда Пермской	37
губернии	
Глава II	45
Земледелие	45
Животноводство	51
Другие хозяйственные занятия	54
Промыслы и ремесла	55
Глава III	62
Поселения	62
Усадьбы и жилища	64
Интерьер жилища	67
Одежда	70
Этнические традиции питания и утварь	73
Праздники и обряды семейного цикла	77
Календарные праздники и обряды	82
Этноконфессиональные процессы	87
Межэтническое взаимодействие	90
Глава IV	101
Эстонцы в Прикамье в первые годы советской власти	102
Эстонцы в спецсылке в Прикамье (1930–1936)	111
Эстонцы в годы массовых репрессий (1937–1938)	116
Вторая мировая война в судьбах эстонцев	120
Глава V	132
Расселение и численность	132
Особенности сохранения и владения родным языком	137
Сохранение комплексов этнической культуры	139
Общественные институты и связи с метрополией	140
Заключение	142
Список источников и литературы	144
Источники	144
Литература и опубликованные источники	146
Электронные ресурсы	151

**Александр Васильевич Черных,
Татьяна Геннадьевна Голева,
Сергей Андреевич Шевырин
Эстонцы в Прикамье: очерки
истории и этнографии**

© Черных А. В., 2010

Голева Т. Г., 2010

Шевырин С. А., текст, 2010.

© ООО «Издательство «Маматов», оформление, 2010.

* * *

Monograafias on kasutatud peamiselt arhiivide materjale, samuti trüki avaldatud materjale, mis on kogutud ja avaldatud etnograafiauringute välitöödel. Teoses vaadatakse Kama jõe ääres elavate eestlaste kogukonna formeerumist ja eestlaste etnokultuurilisi protsesse 19. sajandi lõpust 21. sajandi alguseni.

Kollektiivse monograafia autorid käsitlevad eelkõige eestlaste Kama jõe aladele jõudmise, formeerumise ja migratsiooni peamisi etappe; sh eestlaste arvukust ja paiknemist Kama jõe äärsedel aladel. Vaatluse all on keele ja etnilise kultuuri funktsioneerimine nii minevikus kui kaasajal. Väljaanne on mõeldud eelkõige ajaloo ja etnograafia spetsialistidele, ent samas pakub see huvi laiale lugejaringile, kes on huvitatud ajaloo protsessidest ja etnilise kultuuri arengust.

Введение

Многонациональность населения Пермского края всегда привлекала внимание ученых – историков, этнографов, фольклористов. Продолжается серия исследований, посвященных этнодисперсным группам Среднего Урала, формирование которых приходится на период XIX – начала XX в. В рамках проекта вышли в свет издания «Немецкие хутора Прикамья»¹, «Поляки в Пермском крае»². Предлагаемая читателю коллективная монография «Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии», как и предшествующие ей книги, рассматривает проблемы формирования населения края, складывания этнолокальных групп, их социокультурной адаптации на новой территории, сохранения этнической идентичности и самобытных черт культуры, формы взаимодействия и результаты межэтнических отношений. Численность эстонцев, проживающих в Пермском крае, невелика. История формирования и этнокультурного развития эстонской общности во многом перекликается с этническими процессами, происходящими с другими локальными этнокультурными группами Прикамья, сформировавшимися в результате переселения представителей народов западных территорий Российской империи, а позже – СССР, на восточные земли. Переселение эстонцев на территорию Прикамья происходило как добровольным, так и насильственным путем. В первом случае представители этноса изначально были заинтересованы в освоении новых земель и «оседании» на новых территориях. Именно их поселения послужили основой формирования эстонской диаспоры в Прикамье. Вторая форма переселения подразумевала совершенно иные условия пребывания и жизнедеятельности эстонцев, мало содействовала сохранению их этнокультурных черт и самосознания. Тем не менее, те и другие миграционные потоки влияли на этнический состав населения и межкультурную коммуникацию края в разные исторические периоды. Несмотря на общие с другими диаспорами черты развития, эстонцы имеют свою, отличную от других этносов судьбу, обусловленную историческими процессами и этнической спецификой народа: менталитетом и особенностями сложившихся культурно-бытовых, социально-экономических навыков.

Интерес к поставленной проблеме обусловлен слабым освещением ее в научной литературе, отсутствием последовательных или обобщающих работ, посвященных истории и этнографии эстонцев как Пермского края, так и Урало-Поволжского региона в целом. Изучение истории эстонцев Пермского края позволяет дополнить уже известные исследования и раскрыть новые историко-этнографические факты об этом народе, о социально-культурных и этнических процессах на территории Урало-Поволжья. Малочисленность рассматриваемой этнической общности не исключает, а наоборот, актуализирует вопросы, касающиеся идентичности народа, факторов сохранения исторической памяти, ассимиляции группы и трансформации национальных культурно-бытовых признаков в поликультурной среде Пермского Прикамья. Информация о самобытных чертах этноса, которые проявляются в разных сферах его деятельности, обогащает общий культурный фонд Пермского края.

История формирования и развития этнолокальных групп эстонцев на территории России не нова в историографии, ей посвящены труды разных авторов. Исследованной представляется и сама историография вопроса³. Наиболее изученными при этом являются проблемы формирования эстонских поселений, в меньшей степени – особенности традиционной культуры. Среди значительных работ следует назвать исследования как российских, так и эстонских ученых⁴: Й. Меомутеля⁵, А. А. Кауфмана⁶, А. Ниголя⁷, В. Маамяги⁸, Х. Кулу⁹, А. Вассара¹⁰, А. В. Горнуховой¹¹, И. В. Тынуриста¹² и др.¹³

Отметим, что вместе с интересом к общей истории эстонцев в России сформировались направления по изучению отдельных территориальных групп народа. Целая плеяда исследо-

вателей освещает историко-этнографические и этносоциологические вопросы возникновения, расселения и жизнедеятельности эстонской диаспоры в Сибири, часто вместе с исследованием других этнических групп (финнов, латышей, немцев). Среди исследований, посвященных эстонцам Сибири, следует назвать работы Л. В. Малиновского, который рассмотрел экономическое развитие прибалтийских колоний в годы нэпа¹⁴, М. Н. Колоткина¹⁵, осветившего политическую, экономическую и культурную историю до 1930-х годов. Таллинский лингвист Ю. Вийкберг в 1980-х годах провел среди национальных меньшинств Сибири социолингвистический и этнолингвистический анализ¹⁶. Характеристика этнических процессов и качественных изменений в языковой, культурно-бытовой и социальной сферах эстонцев Сибири дана в трудах И. В. Лоткина и Д. Г. Коровушкина¹⁷. Новосибирский исследователь А. Ю. Майничева на основе полевых исследований реконструирует и анализирует особенности материальной культуры эстонских поселений Сибири¹⁸. Ряд работ по традиционной культуре и фольклору эстонцев Сибири подготовили эстонские исследователи А. Корб, А. Юргенсон, А. Туйск, М. Пихо, М. Хийемяэ и др.¹⁹

Также серия трудов посвящена эстонцам северо-западных областей России, среди которых выделяются работы по городской диаспоре и этнографии эстонцев Санкт-Петербурга. Этносоциологические сведения и исторические факты формирования эстонской общности в Ленинградской области отражены в статье Л. В. Выскочкова²⁰, в Петербурге – в публикациях Н. В. Юхневой²¹ и М. Л. Засецкой²². Вопросы досуга, культурной и общественной жизни эстонцев в Петербурге, а также биографии выдающихся представителей народа изучали А. Д. Дриздо, Г. В. Старовойтова, В. А. Самойлов²³.

Многие исследователи обращались к проблемам истории и культуры сету. Ю. Трусман²⁴, Я. Гурт²⁵, Х. А. Моора²⁶, Е. В. Рихтер²⁷ и другие авторы поднимали вопрос об этнической идентичности сету. Своеобразие их духовной и материальной культуры, кроме названных авторов, рассматривали П. С. Хагу²⁸, К. М. Плоткин²⁹. Современные этнические процессы в среде сету исследовали А. Г. Манаков³⁰ и Н. К. Трошина³¹.

История и этнография эстонских поселений других территорий России, Кавказа, Поволжья, Украины изучены в меньшей степени, однако по ним также имеются публикации, раскрывающие особенности формирования и расселения эстонцев на данных территориях, особенности их этнокультурных традиций³².

Вопросы истории расселения и этнокультурного развития эстонцев на территории Урала, наоборот, освещены крайне фрагментарно. Впервые эстонская тематика Пермского Прикамья поднимается на страницах периодической печати и в отдельных работах в период формирования эстонских поселений на Урале в конце XIX – начале XX в. Главное внимание в них уделено вопросам переселения эстонцев на Урал, основания ими поселений, развития хозяйства и адаптации в новых природно-климатических условиях. Именно этим вопросам посвящена работа Н. Ф. Смирнова «Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии»³³, а также сборник «Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии»³⁴, раскрывающие особенности становления эстонских хуторов Даго в Бирском уезде Уфимской губернии. Сведения об эстонских хуторах Сивинского имения, особенностях их обустройства в Прикамье содержатся в записках «Поездка в Сивинское имение...» неизвестного автора, опубликованных в Пермских губернских ведомостях³⁵. Ценность этих первых исследований в том, что их авторы основывались на личных наблюдениях за эстонскими переселенцами в первые годы основания их хуторских поселений, поэтому во всех работах приводятся достаточно полные сведения о датах осно-

вания поселений, особенностях становления хуторского хозяйства, а приводимые сведения невосполнимы никакими другими источниками и публикациями.

Достаточно полные данные об эстонских поселениях Урала: Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний содержатся в обобщающей монографии пастора А. Ниголя «Эстонские поселения и места нахождения в России», вышедшей в г. Тарту в 1918 г., посвященной эстонским колониям России³⁶. Несмотря на полноту обобщенного материала – в работе отмечены все эстонские поселения региона, – сведения о них крайне фрагментарны. Автор указывает год основания, название колонии и количество поселенцев или семей и географическое и административное расположение поселения. Среди колоний Уфимской губернии А. Ниголь отмечает и колонию Хийу (Даго) в Бирском уезде. Поселения эстонцев Сивинского имения Оханского уезда Пермской губернии отмечены в работе как поселение Катарина, происходящее, скорее всего, от названия волостного села Екатерининское. Однако сведения о поселениях Оханского уезда предельно фрагментарны, так как эстонцы селились в нескольких волостях и составляли несколько компактных поселений. В то же время ни в одном из других источников эстонские колонии Сивинского имения не известны под таким названием. Автор впервые указывает на эстонское городское население губернии, сосредоточенное в городах Перми и Екатеринбурге, а также на эстонских переселенцев в Ершовской волости Осинского уезда, обосновавшихся на помещичьих землях Сведомских в нескольких километрах от Завода Михайловского³⁷. Значимость исследования А. Ниголя в том, что он впервые собрал сведения обо всех эстонских поселениях региона, рассмотрел их в общероссийском контексте среди описанных им 347 эстонских поселений России. В монографии эстонские поселения распределены по регионам, кроме того, дана их природная и географическая характеристика, а также некоторые особенности культурной жизни переселенцев. И если Пермская губерния отнесена авторами в отдельную группу вместе с поселениями Ярославской, Вологодской, Костромской, Оренбургской и Вятской губерний, то колония Даго Бирского уезда Уфимской губернии рассмотрена в разделе о поволжских колониях вместе с Симбирской и Саратовской губерниями.

Нам не известно, посещал ли Август Ниголь эстонские поселения Пермского Прикамья, однако он был в Перми, и с городом связана трагическая страница в биографии исследователя. В 1918 г. приехавший в Пермь «для совершения богослужения, организации и устройства культурно-просветительных учреждений» в эстонских колониях Пермской, Вятской, Волжской губерний пастор А. Ниголь был арестован и 17 августа 1918 г. расстрелян³⁸.

В советский период исследование истории и культуры пермских эстонцев не проводилось, правда, отдельные сведения об эстонских поселениях региона, основанные, как правило, на источниках предыдущего периода, содержатся в обобщающих работах по истории эстонских поселений России, в частности в работе об эстонцах России В. Маамяги отмечены колонии Катарина и Хийу³⁹.

Следующий этап в изучении эстонских поселений в Прикамье приходится на конец 1980-х – 2000-е годы. В конце 1980-х годов одними из первых к проблеме истории хуторского хозяйства Прикамья обратились сотрудники Пермского краевого музея. В ходе полевых исследований на территории Сивинского района была собрана коллекция предметов традиционной культуры эстонцев и документальные материалы семейных архивов. Предметы одежды, ткацкий стан, бытовые ткани, фотоматериалы, собранные в ходе экспедиции, были представлены на выставке «Традиционная культура народов Прикамья», открывшейся в Пермском краевом музее в 1993 г.⁴⁰ К сожалению, материалы, полученные в ходе экспедиций музея, не были обобщены и опубликованы.

Активизация исследовательского интереса к эстонцам Урала отмечается в последние годы. В этот период исследуются история формирования и этнокультурные комплексы эстонцев Урала, в научный оборот вводятся новые источники. Сведения о численности и расселении

эстонцев в Пермском Прикамье в первой половине XX в. содержатся в монографии «Народы Прикамья», однако приводимые сведения приведены в контексте обзора всего этнического состава населения края и не дают представления о формировании, расселении и этнокультурных особенностях эстонцев региона⁴¹. Одной из первых работ, посвященных непосредственно эстонцам Урала, следует назвать статью уфимского исследователя Р. Р. Садикова об эстонцах Башкортостана, в которой рассматриваются особенности формирования эстонских колоний Уфимской губернии, дается обзор имеющихся архивных источников по данной проблеме. Так как деревня Новопетровка Пермского края в начале XX в. относилась к Бирскому уезду Уфимской губернии, в статье приведены материалы и по данной эстонской колонии⁴². Отдельные сведения о появлении и расселении эстонцев на Урале в начале XX в. на основе анализа статистического материала приводит в своей статье екатеринбургский исследователь Л. Н. Мазур⁴³.

В 2006 г. в рамках исследовательского проекта по этнодисперсным группам народов Пермского края авторы настоящей монографии начали экспедиционное изучение эстонских поселений региона. Проведение полевых этнографических исследований в районах компактного проживания эстонцев в Пермском крае, архивные изыскания позволили подготовить несколько исследовательских материалов об эстонцах региона. Общие сведения об эстонцах, особенностях их формирования и этнокультурных комплексов содержатся в статье Т. Г. Голевой «Эстонцы», подготовленной для энциклопедии Пермского края⁴⁴. Проблемы межэтнического взаимодействия эстонцев с немецким населением отражены в монографии Д. И. Ваймана и А. В. Черных о немецких хуторах Прикамья⁴⁵. Обстоятельное исследование традиций и технологий земледелия эстонских поселений юга Пермского края предпринято А. В. Черных⁴⁶. Одной из последних публикаций стал раздел «Эстонцы» об истории и культуре эстонцев деревни Новопетровки в книге о народах Октябрьского района Пермского края⁴⁷.

Как видим, историография эстонского населения Урала ограничивается несколькими разрозненными работами, относящимися к разным историческим периодам. Более исследованными представляются вопросы формирования эстонских колоний на Урале, в то время как вопросы сохранения и развития этнокультурных комплексов, современной этнокультурной ситуации и процессов, особенности языка и его функционирования в новой этнокультурной среде у эстонцев Урала остаются неисследованными до настоящего времени. Предпринятая авторами работа, таким образом, является первым комплексным историко-этнографическим монографическим исследованием эстонского населения одного из регионов Урала.

Целью настоящего исследования является изучение истории формирования эстонской общности Пермского Прикамья и особенностей ее этнокультурного развития. Осуществление поставленной проблемы предпринято через выявление факторов и характеристику миграционных и адаптационных процессов, добровольного и принудительного переселения, проследивание численности и границ расселения эстонцев в разные исторические периоды, исследование сохранения этничности и комплексов материальной и духовной культуры народа.

Территориальные рамки исследования определены современными административными границами Пермского края. В прошлом эта территория составляла западные уезды Пермской губернии (Чердынский, Соликамский, Пермский, Оханский, Осинский, Кунгурский, частично Красноуфимский), ряд южных районов относился к Бирскому уезду Уфимской губернии.

История эстонской общности в Пермском Прикамье прослеживается в монографии с конца XIX в. – времени начала миграционного потока и формирования основных очагов расселения, до начала XXI в. Вторая хронологическая граница определена датировкой последних источников.

При подготовке данного издания был привлечен широкий круг материалов, извлеченных из опубликованных источников, архивных собраний, музейных коллекций, полученных в ходе полевых исследований авторов.

Основу для подготовки работы составили полевые материалы, полученные в ходе полевых исследований 2006–2009 гг. в Октябрьском, Сивинском, а также Чайковском районах Пермского края, в территориях, где в прошлом существовали компактные эстонские поселения. В Октябрьском районе эстонское население изучалось в течение нескольких экспедиционных выездов в сохранившейся эстонской деревне Новопетровке. Кроме этого, работа проводилась в соседних населенных пунктах (Тюинск, Щучье Озеро) с выходцами из названной деревни и контактировавшими с эстонским населением представителями других народов. В Сивинском районе не сохранилось территорий и поселений с компактным поселением эстонцев, для сбора информации был избран метод «точечных» опросов эстонского населения, проживающего в окрестных селах и деревнях района, соседних с территориями, в которых в прошлом находились эстонские хутора. Полевые исследования проводились в селах Сива, Екатерининское, поселке Северный Коммунар. Во время полевой работы проводились опросы старожилов на основе этнографических вопросников, также изучались личные архивы, предметы быта, фонды местных архивов, производилась фотофиксация элементов материальной культуры и праздничной традиции⁴⁸. Полевые материалы стали основой для подготовки раздела о традиционной культуре эстонцев Прикамья, современных этнокультурных процессах, а также в комплексе с архивными и опубликованными источниками использовались при написании исторических разделов работы и главы о хуторском хозяйстве.

Существенная часть информации по истории эстонцев Пермского края хранится в архивных фондах. При написании данной книги были использованы материалы: Государственного архива Пермского края (ГАПК, г. Пермь), Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ, г. Пермь), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ, г. Уфа), Центрального государственного архива общественных организаций Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ, г. Уфа), архивного отдела администрации Сивинского района (АОАСР, с. Сива Пермского края), а также архивные материалы Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» (МЦИПР, г. Пермь), документального собрания и коллекций Пермского краевого музея (ПКМ, г. Пермь), Сивинского районного краеведческого музея (СРКМ, с. Сива), школьных и поселенческих музеев Сивинского (п. Северный Коммунар) и Октябрьского (с. Тюинск) районов.

Наиболее ценными и информативными представляются материалы Пермского и Уфимского отделений Крестьянского поземельного банка⁴⁹, раскрывающие особенности формирования эстонских хуторов региона, условия и обстоятельства приобретения ими земельных наделов. Особенности этноконфессиональной жизни эстонских переселенцев в некоторой степени раскрывают метрические книги православных церквей сел Сива и Екатерининское, изученные в архивном отделе администрации Сивинского района⁵⁰. Существенным подспорьем для исследования заявленной темы послужили материалы следственных дел, хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории, в которых отмечены время, причины и обстоятельства приезда на Урал эстонцев на протяжении всей первой половины XX в., а также сообщены биографические данные. Использование этого вида источников значительно расширило базу исследования, дополнило материалы о формировании эстонского населения Пермского Прикамья в начале XX в. и позволило детально изучить миграционные процессы 1920–1940-х годов, особенности и обстоятельства пребывания эстонцев в Пермском крае на протяжении советского периода⁵¹. Кроме названных документов, несомненную ценность представляют административная и статистическая документация⁵², картографические материалы⁵³, письма и воспоминания людей, коллекции фотографий и аудиозаписей с воспоминаниями очевидцев о высланных и репрессированных эстонцах в середине XX в., хранящиеся в Мемориальном центре истории политических репрессий⁵⁴.

Для изучения особенностей этнокультурных комплексов эстонцев Прикамья использовались также коллекции предметов быта из собрания Пермского краевого музея (бытовые ткани, ткацкий стан, предметы одежды)⁵⁵, а также Сивинского районного краеведческого музея (кантеле (гусли), бытовые ткани). Особую ценность представляют фотоматериалы начала XX в., запечатлевшие эстонские хутора, жилые и хозяйственные постройки первопоселенцев на сивинских землях⁵⁶. Музейные собрания стали существенным дополнением к материалам, собранным во время экспедиционной работы, так как комплексы предметов быта, особенно у эстонцев Сивинского района, к моменту экспедиционного исследования были утрачены.

К группе опубликованных источников относятся статистические материалы переписей, списки населенных пунктов Уральского региона⁵⁷. Отраженные в сборниках факты позволяют проследить динамику численности и характер расселения эстонцев в Прикамье на протяжении всего периода их пребывания в регионе – с конца XIX в. до настоящего времени. Целый ряд статистических источников начала XX в. свидетельствует о хозяйственных занятиях, количестве обрабатываемых поселенцами земель, видах высеваемых сельскохозяйственных культур и разводимых домашних животных. Данные об экономических и социальных условиях жизнедеятельности первых эстонских колонистов на Урале содержат сборники «Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии»⁵⁸; «Сборник статистических сведений по Уфимской губернии»⁵⁹; «Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии...»⁶⁰; «Справка о положении инопоселенцев и инопоселенческих переселенцев в Сивинском имении...»⁶¹. Более поздние сборники документов дают информацию о политических процессах, затронувших национальные меньшинства России в середине XX в., в том числе эстонцев⁶².

Вспомогательный характер имеют материалы публицистических заметок и статей местных периодических изданий, в которых упоминается о переселенческих процессах, земельных отношениях на территории Прикамья⁶³, о коммунистическом движении в среде эстонского населения⁶⁴.

Использование разных видов источников дало возможность проследить этно-исторические процессы в среде эстонской группы Пермского Прикамья на протяжении более ста лет, определить качественные этнокультурные и социальные изменения, факторы адаптации к новым условиям и сохранения этнической идентичности. Большая часть источникового материала выявлена авторами в архивных и музейных собраниях, получена в ходе полевых исследований и вводится в научный оборот впервые.

В исследовании для обозначения эстонцев, проживавших и проживающих на территории Пермского края в его современных административных границах, в равнозначном значении используются названия «пермские эстонцы», «эстонцы Пермского Прикамья» и «эстонцы Пермского края».

Структура работы определена основными проблемно-тематическими блоками исследования. Предложенные главы последовательно отражают историю эстонцев в Пермском крае, специфику традиционной культуры и этнокультурных процессов на протяжении конца XIX – начала XXI в. В первой главе дается исторический обзор расселения эстонцев на территории России, исследуются основные вехи формирования эстонского населения Пермского края на рубеже XIX–XX вв., особое внимание уделено истории появления и развития эстонских хуторских поселений. Вторая глава исследования посвящена анализу сложившихся хозяйственных комплексов, социально-экономического развития эстонцев. Культурно-бытовые традиции народа, их специфика, сохранение и трансформация на протяжении XX столетия разбираются в третьей главе издания. В четвертой главе книги рассматриваются процессы, характерные для первой половины и середины XX в., связанные с революциями и Гражданской вой-

ной, первыми годами советского строительства, репрессиями 1930-х годов, событиями Второй мировой войны. Историко-политические изменения в этот период стали причиной новых миграционных потоков эстонского населения, отразились на судьбах сложившихся эстонских территориальных этнокультурных комплексов. В пятой главе анализируются особенности и тенденции современных этнических процессов среди эстонцев Прикамья, в том числе изменение численности, характер расселения, функционирование элементов этнической культуры.

Работа содержит несколько приложений, в которых публикуются архивные материалы, карты, а также иллюстративный материал, отражающий историю, явления материальной и духовной культуры эстонцев Пермского края.

Авторы искренне благодарят всех жителей Сивинского и Октябрьского районов, с которыми мы встречались во время полевой работы и без воспоминаний которых подготовка настоящей книги оказалась бы невозможной. Пусть это исследование станет для них своеобразным подарком – в память об истории их малой родины и всех эстонцах, судьба которых в разные исторические периоды была связана с Пермским Прикамьем. Особая благодарность администрациям, учреждениям образования и культуры Октябрьского и Сивинского районов, оказавшим организационную поддержку в проведении этнографических экспедиций. Авторы благодарят рецензентов и редактора книги и всех, кто принимал участие в ее подготовке. Особые слова благодарности нашим коллегам И. А. Подюкову и Д. И. Вайману, принимавшим активное участие в проведении полевых исследований и сборе материала.

Примечания

¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008.

² Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / Под ред. А. В. Черных. СПб., 2009.

³ Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга (60–80-е годы XIX в.) // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. М., 1982. С. 70–79; Лоткин И. В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 4. С. 207–211; Он же. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: Учебное пособие. Омск, 2003.

⁴ Более подробный анализ работ см. в публикациях: Лоткин И. В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири...; Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга...

⁵ Meomuttel J. Eesti asunikud lailises Vene riigis. Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. Jurjevis (Tartus), 1900.

⁶ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

⁷ Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918.

⁸ Маамяги В. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. Таллин, 1977; М., 1990.

⁹ Kulu H. Eestlased maailmas. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest. Tartu, 1992; Kulu H. Eestlaste tagasiranne 1940–1989: Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Helsinki, 1997.

¹⁰ Vassar A. Uut maad otsimas. Agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863 aastani. Tallinn, 1975.

¹¹ Горнухова А. В. Миграционные процессы в республиках Прибалтики в XX веке: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08. 00. 05. [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: <http://www.diplomnie.com/publ/118-1-0-28321>

- ¹² Тынурист И. В. Эстонцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 423.
- ¹³ Более подробный анализ работ см. в публикациях: Лоткин И. В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири...; Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга...
- ¹⁴ Малиновский Л. В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 202–213.
- ¹⁵ Колоткин М. Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994.
- ¹⁶ Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты). Таллин, 1986. Другие труды автора см. в публикации: Лоткин И. В. Исследования прибалтийской диаспоры Сибири...
- ¹⁷ Лоткин И. В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М., 1996; Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: формирование и этнокультурная адаптация. Новосибирск, 2003; Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора Сибири... и др.
- ¹⁸ Майничева А. Ю. Эстонцы в Верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Сибирская заимка». [2001. № 5]. URL: <http://www.zaimka.ru/culture/mainicheva13.shtml>; Она же. Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Диаспоры. 2002. № 3. С. 153–164.
- ¹⁹ Korb A. Seitse kula Siberis. Tartu, 1998; Jürgenson A. Siberi eestlaste territoriaalsus ja identiteet. Tallinn, 2002; Piho M. Siperian setukaiset. Saarinen, Tuija & Suhonen, Seppo (toim.) // Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Pienet kansat maailmojen rajoilla. Kuopio, 1995. S. 200–219. См. также материал: Tuisk Astrid. The place folklore of Siberian Estonians today. Reflections of adaptation. (Estonian Literary Museum). [Электронный ресурс]. URL: <http://lepo.it.da.ut.ee/~lehti/Oralhistory/1.7.Astrid.htm>.
- ²⁰ Выскочков Л. В. Об этническом составе населения северо-запада России (вторая половина XVIII–XIX в.) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989.
- ²¹ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Статистический анализ. Л., 1984; Она же. Этнический состав населения Петербурга в конце XIX – начале XX в. // Этнографические исследования северо-запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 192–216.
- ²² Засецкая М. Л. Система социализации у эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) Из истории Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997; Она же. Сету. История, культура, современные этнические процессы // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1998; Она же. К вопросу об истории формирования «петербургской группы» эстонцев-переселенцев (опыт периодизации эстонской миграции) // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 55–70.
- ²³ Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга... С. 70–79; Он же. Из истории Петербургского эстонского просветительского общества // Этнография Петербурга – Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 13–20; Старовойтова Г. В. Эстонские молодежные общества в Петербурге в начале XX века // Этнография Петербурга – Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 21–25; Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. М., 1982. С. 80–97.

²⁴ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печорского края // Живая старина. 1890. Вып. 1. СПб. С. 31–62; *Он же*. О происхождении псково-печорских полуверцев // Живая старина. 1897. Вып. 1. СПб. С. 37–47.

²⁵ Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия Императорского русского общества. Т. XLI. 1905. СПб., 1906. С. 1–22.

²⁶ Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132; *Он же*. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (Новая серия.) Т. XXIII. М., 1954.

²⁷ Рихтер Е. В. Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г. // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (Новая серия.) Т. XXIII. М., 1954. С. 183–193; *Он же*. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti palu rahva maj anduse ja olme arengu-jooni 19. ja 20. saj. Tallinn, 1979. С. 90–119.

²⁸ Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; *Он же*. Календарная обрядность русских и сету Печорского края // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1983. С. 51–52.

²⁹ Плоткин К. М. Ареал сету: жертвоприношения и границы // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 197–209.

³⁰ Манакова А. Г. Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографического исследования летом 1999 г.) // «Псков»: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2001. № 14. С. 189–199; Алексеев Ю. В., Манаков А. Г. Народ Сету: между Россией и Эстонией. М., 2005.

³¹ Трошина Н. К. Особенности национальной самоидентификации сету в русскоэстонской этноконтактной зоне // Геосистемы Севера. Тезисы научно-практической конференции. Петрозаводск, 1998. С. 35–36.

³² Барашиков В. Ф. Топонимия эстонских селений Ульяновской области // Ученые записки УГПИ. Т. 27. Вып. 3. Ульяновск, 1973; Выйме Л. Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа (вторая половина XIX в. – 1929 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1975; Рябов В. Хутора // Волжские зори. 1992. № 137, 141, 145, 150, 151; Шабалина Л. П. Эстонцы Ульяновского Поволжья // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986; Эстонская община Абхазии [Электронный ресурс] // Сайт «Абхазия». URL: <http://www.apsny.ru/ethnic/ethnic.php?page=content/estonci/estonci.htm>; Eestlased suhhumis. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.erm.ee/html/suhhumis/>; Эстонцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. Симферополь, 2008.

³³ Смирнов Н. Ф. Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1908.

³⁴ Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1898.

³⁵ Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909, 12 сент.

³⁶ Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918.

³⁷ Nigol A. Указ. соч. Lk. 34, 37–38.

³⁸ ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11919. Л. 1.

³⁹ *Маамяги В.* Эстонцы в СССР...; *Он же.* Эстонские поселенцы в СССР...

⁴⁰ *Димухаметова С. А.* Коллекция Пермского областного краеведческого музея как источник изучения народной культуры старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья (Мир старообрядчества. Вып. 6). Ярославль, 2005. С. 82–93.

⁴¹ *Чагин Г. Н., Черных А. В.* Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX – XX вв. Пермь, 2002. С. 37–47.

⁴² *Садиков Р. Р.* Эстонцы Башкортостана: Обзор архивных источников // Археография Южного Урала. Материалы IV Межрегиональной науч. – практ. конференции 16 сентября 2004 года. Уфа, 2004. С. 174–184.

⁴³ *Мазур Л. Н.* Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 180–196.

⁴⁴ *Голева Т. Г.* Эстонцы. [Электронный ресурс]. // Пермский край. Энциклопедия. URL: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803974742&idParentObject=1803974726>.

⁴⁵ *Вайман Д. И., Черных А. В.* Немецкие хутора Прикамья.... С. 195–196.

⁴⁶ *Черных А. В.* Традиции и технологии земледелия в эстонских хуторах Прикамья // Хлеб-батюшка: Хлеб в традиционной культуре народов Октябрьского района. Пермь, 2010. С. 77–84.

⁴⁷ *Голева Т. Г., Черных А. В.* Эстонцы // Разноцветный ковер: Пермский край, Октябрьский район / Сост. А. В. Черных. Пермь, 2010. С. 74–81.

⁴⁸ Собранные в ходе экспедиционных исследований экспонаты были переданы на хранение в Пермский краевой музей.

⁴⁹ ЦГИА РБ. Ф. 336; ГАПК. Ф. 204.

⁵⁰ АОАСР. Ф. 75.

⁵¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, 641/2.

⁵² ЦГАОО РБ. Ф. 122, оп. 4, д. 156.

⁵³ ЦГИА РБ. Ф. 351, оп. 1, д. 3544; ПКМ. № 18672/2. Карта Сивинского имения Крестьянского поземельного банка.

⁵⁴ Архив Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» (далее – Архив МЦИПР). Кассета «Shadrina». Записано в 1999 г. в г. Перми.

⁵⁵ ПКМ. Коллекция № 18380. Материалы экспедиции в Сивинский район Пермской области (1988).

⁵⁶ СРКМ. Разные коллекции.

⁵⁷ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899; Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928; Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911.

⁵⁸ Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии...

⁵⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии...

⁶⁰ Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250–253.

⁶¹ Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении... С. 22.

⁶² История сталинского ГУЛАГа. Массовые репрессии в СССР. Т. 1; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004.

⁶³ Давыдов Л. Биография края Тюменского // За коммунизм (газета Сивинского района). 1968. 20 янв. С. 3.

⁶⁴ Эстонские коммунисты // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. 1918. 17 июля.

Глава I

Эстонцы в Прикамье в конце XIX – начале XX века

Общие сведения об эстонцах

Эстонцы – один из народов Прибалтики, основное население Эстонии. Общая численность эстонцев в мире составляет около 1, 1 млн. человек. Из них большая часть проживает на исторической родине – 920 885 человек (2008)¹. Крупные группы эстонцев проживают за пределами страны. Наибольшее их число насчитывается: в России – более 28 тыс. человек (2002), Швеции – 25, 5 тыс. (2007), США – 25 тыс. (2000), Финляндии – 22, 5 тыс. (2008) и Канаде – более 20 тыс. человек (2008)².

В настоящее время эстонцы используют этноним *ээстласед* (по названию страны *Ээсти* – Эстонии), распространение которого активно происходит с середины XIX в.³ Исследователи указывают на его заимствование из германских языков. Происхождение этнонима одни лингвисты связывают с германским корнем в значении «восток» и считают, что сначала оно использовалось для обозначения страны, а затем и народа⁴. Другие этимологи предполагают, что этноним восходит к балтийским языкам: *auēist* – «жители у воды»⁵. До XIX в. эстонцы себя называли чаще *маарахвас* (букв. «народ своей земли»)⁶. В русских летописях эстонцы вместе с другими западно-финскими племенами именуются чудью, позже – чухонцами, и только с XVIII в. в русском языке распространяется название эсты, эстонцы⁷. Большинство верующих эстонцев – лютеране, есть небольшое число православных.

Эстонский язык относится к западно-финской (прибалтийско-финской) ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Дialectы эстонского языка объединяются в группы: северный, южный и северо-восточно-прибрежный. В основу литературного языка положен северный диалект. Письменность у эстонцев существует с XVI в., создана на основе латинской графики⁸.

Эстонский этнос сформировался в результате смешения древнего населения Восточной Прибалтики и пришедших с востока в III тысячелетии до н. э. финно-угорских племен. Позднее они вобрали восточно-финно-угорские, балтские, германские и славянские элементы. К I тысячелетию н. э. сложились основные группы эстских племен, а к XIII столетию сформировалось несколько крупных территориальных объединений – *маакондов* (земель). В начале XIII в. на территорию расселения эстонцев с юга началась экспансия Ливонского ордена, с севера – Дании, в итоге эстонские земли были поделены между ними. Тогда же эстонцы были обращены в католичество, в 1523–1526 гг. распространяется лютеранство⁹. После Ливонской войны (1558–1583) южная часть Эстонии отошла к Речи Посполитой, северная – к Швеции, о. Сааремаа – к Дании. К середине XVII в. вся территория стала принадлежать Шведскому государству. Постоянные перераспределения эстонских земель и значительное скандинавско-финско-немецкое влияние замедляли консолидационные этнические процессы. Тем не менее в ходе реформации появляются печатные издания на эстонском языке, открываются школы, обучающие на родном языке. Все это способствовало зарождению национальной культуры. В результате поражения Швеции в Северной войне (1700–1721) Эстония отошла к Российскому государству. Северная ее территория составила Эстляндскую губернию, а южная вошла в состав Лифляндской (вместе с частью Латвии). До конца XVIII в. на новоприсоединенных территориях существовал «особый прибалтийский порядок», упраздненный Екатериной II в

1782–1783 гг., после чего на Прибалтику распространилась общероссийская административная и судебная система¹⁰. В начале XIX в. (1816, 1819) прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. События первой половины XIX в. способствовали социально-экономическому развитию, росту городов и просвещения, зарождению национальной литературы и искусства. Население эстонских городов, сильно онемеченное к тому времени, начинает обращаться к собственному языку, города обретают более национальный характер¹¹. В 1860-х годах издан эстонский эпос «Калевипоэг», появляются эстонские газеты, создаются национальные кружки и общества, проводятся всеэстонские праздники песни¹². Вторая половина XIX в. оценивается историками как эпоха «национального пробуждения»¹³.

В феврале 1918 г. после Октябрьской революции была провозглашена независимая Эстонская Республика. С 1940 г. Эстония включена в состав СССР на правах союзной республики. С 1991 г. она стала независимым государством.

Современное государство Эстония состоит из континентальной и островной части. 1521 остров составляют 9,1 % территории страны¹⁴. Самые крупные из них – Сааремаа (Сарема, Эзель), Хийумаа (Хиума, Даго) и Муху. Острова отличаются суровыми природно-климатическими условиями, они небогаты пахотными угодьями, слабо заселены, в отличие от материковой части.

Территория традиционного расселения эстонцев, большей частью входящая в границы современного государства Эстония, делится на несколько историко-этнографических районов, каждый из которых имеет свои характерные особенности традиционной культуры. Обычно выделяют Северную, Южную и Западную Эстонию. Северная и Южная части, в отличие от Западной, испытали большее влияние со стороны восточных соседей. Их этнокультурные различия в некоторой степени обусловлены разным административным подчинением в составе России (Северная часть Эстонии относилась к Эстляндской губернии, Южная – к Лифляндской). Основным занятием населения этих территорий было сельское хозяйство¹⁵.

Особый историко-этнографический регион Западной Эстонии составляют районы северо-запада страны с прилегающими островами. На этих землях сильное влияние на эстонские традиции оказали народы соседних стран Центральной Европы и Скандинавии (немцы, датчане, шведы). Главным занятием населения островов является рыболовство, мореплавание и отхожие промыслы, лишь небольшая часть занимается сельским хозяйством¹⁶.

Особой родственной группой эстонцев считаются сету. Ученые расходятся в этническом определении сету. Одни называют сету этнической (этнографической) группой эстонского народа, сформировавшейся к середине XIX в. на основе древних прибалтийских племен и более поздних эстонских переселенцев, принявших православную религию; другие полагают, что это самостоятельный этнос¹⁷. От остальных эстонцев сету отличает сохранение архаичных древнеэстонских черт в культуре, восприятие восточно-славянских элементов, приверженность православному вероисповеданию и особенности языка. Язык сету близок к южным диалектам эстонского, которые почти исчезли в самой Эстонии из-за распространения литературного варианта¹⁸. Сету проживают в Печорском районе Псковской области России, в юго-восточной части Эстонии, которая до 1917 г. входила в состав Псковской губернии. До середины XVI в. сету оставались язычниками, затем они были христианизированы, при этом сохраняли древние элементы культуры, поэтому их называли «полуверцами». В 1920-е и в 1990-е годы, при вхождении территорий сету в состав Эстонской Республики, наблюдалась их эстонизация¹⁹. На рубеже XX–XXI вв. произошло резкое сокращение численности сету в Печорском районе, которое можно считать следствием миграций в Эстонию и процессов ассимиляции народа²⁰.

Эстонцы в России

В настоящее время в Российской Федерации эстонцы проживают почти по всей территории страны. Из общего числа 28 113 человек (по переписи 2002 г.) наиболее значительные группы сосредоточены в западных районах: г. Санкт-Петербург – 2 266 человек, Ленинградская область – 1 409, Псковская область – 1 122; в центральных: г. Москва – 1 247; в Сибири: Красноярский край – 4 111, Омская область – 3 029, Новосибирская область – 1 399 человек. Сету в России в 2002 г. насчитывалось 197 человек, 172 из них проживали на своей исторической территории – в Псковской области. На территории Урала и Поволжья численность эстонцев намного уступает вышеназванным территориям. Наибольшее их число, по данным 2002 г., насчитывалось в Челябинской области – 504 человека, в Свердловской области – 438, в Республике Башкортостан – 301, в Пермском крае – 196, в Республике Татарстан – 127, в Оренбургской области – 93, в Курганской области – 51 человек²¹. Большая часть эстонцев России расселена дисперсно, однако можно выделить территории с их компактным проживанием. Исторические поселения эстонцев в настоящее время сохраняются в Сибири, на Кавказе и на Урале.

Первые контакты эстских племен с восточными славянами складываются в I тысячелетии н. э., когда у славян развиваются торговые отношения с западными землями. В начале II тысячелетия русские князья предпринимали несколько походов, пытаясь присоединить западные территории к древнерусскому государству, но безуспешно²². Более тесные отношения развивались уже в период вхождения Эстонии в состав Российской империи и СССР, насчитывавший около трехсот лет. Начало позитивного взаимодействия народов, влияния русской культуры относится к рубежу XIX–XX вв.²³

Переселение эстонцев на восточные земли России началось еще до вхождения их территории в Российское государство. В основном это были бежавшие крестьяне. В XVI–XVII вв. в период шведского владычества в Эстонии небольшая группа эстонского населения сложилась на территории Витебской губернии в Люцинском уезде, отчего в литературе эту группу называли *люцинскими эстонцами*²⁴. Считается, что в XVIII в. эстонцы поселились в Псковской губернии в районе пос. Красногородское бывшей Середкинской волости – так называемые *красненские эстонцы* – и на восточном побережье Псковского озера²⁵. Помещики были недовольны оттоком крестьян и просили российскую власть возвращать беглецов. В 1744 г. была принята специальная инструкция, по которой прибалтийским крестьянам, принявшим греческое вероисповедание, разрешалось оставаться на новых местах. Данная административная мера способствовала переходу мигрировавшего населения в православие²⁶. Многие перекрестившиеся эстонцы в скором времени ассимилировались среди местного славянского населения. В начале XIX в. возникают первые поселения эстонцев, каторжников и ссыльнопоселенцев, в Сибири²⁷. Исследователи называют разные даты появления их первого селения (д. Рыжково Томской губернии) и расходятся в определении его этнического состава, поскольку тогда же в Сибири возникали поселения и других прибалтийских народов (финнов, латышей)²⁸. До середины XIX в. за пределами своей территории эстонское население было сосредоточено главным образом на западных землях России. К 1850 г. в Петербургской и Псковской губерниях насчитывалось почти 20 000 эстонцев²⁹.

Массовые миграции с территории Эстонии в восточном направлении, в глубь России, начались во второй половине XIX столетия, когда продолжился распад феодальной системы и переход на земельную ренту³⁰, крестьяне получили паспорта (1863) и вместе с ними – право передвигаться по территории империи. Главной причиной переселения послужила нехватка

земель. В миграционном процессе участвовало в основном сельское население, которое в большинстве своем состояло из беднейших слоев³¹. Первые потоки переселенцев шли в соседние западные губернии России, а также в Крым, на Кавказ, в Поволжье, на Урал, в Сибирь³². Первое поселение в Крыму появилось в 1861 г., в последующие годы возникло еще девять эстонских центров³³. По данным переписи 1897 г., в Таврической губернии проживало 2 210 эстонцев³⁴. На Кавказе эстонцы начали основывать свои поселения тоже в 1860-е годы. Наибольшее их число сосредоточилось в Ставропольской губернии. Значительные по численности селения появились на Кубани, в Черноморской и Кутаисской губерниях. Всего на Кавказе было десять крупных поселений с общей численностью 4 281 человек³⁵. Территорию Поволжья и Урала эстонцы начали заселять в 1880-е годы. Более всего их проживало в Самарской губернии, где к 1897 г. насчитывалось 13 эстонских деревень. В Симбирской губернии зафиксировано четыре поселения³⁶. В Сибири в 1860–1880-е годы приток эстонского населения был небольшим. Этот процесс усилился после открытия в 1894 г. Сибирской железной дороги³⁷. К 1897 г. эстонцев в Сибири насчитывалось уже 4202 человека³⁸. Исследователь эстонских поселений в России В. А. Маамяги отмечает также появление в этот период эстонских колоний в Средней Азии, всего в 1897 г. там проживало 440 эстонцев³⁹.

Перепись 1897 г. отметила в Российской империи 1 002 738⁴⁰ эстонцев, из которых значительная часть по-прежнему проживала в районах традиционного расселения – в прибалтийских Эстляндской (365 959 человек) и Лифляндской (518 594 человека)⁴¹ губерниях, за пределами этих губерний проживало 118 185 эстонцев, что составляло 11, 8 % от общей численности народа⁴².

Волна миграций продолжилась в начале XX в., ей способствовало проведение аграрной столыпинской реформы и постройка Транссибирской железнодорожной магистрали. Новым потокам эстонцев пришлось осваивать уже менее плодородные и более отдаленные земли – территории Северо-Запада России, Урала, таежной полосы Сибири⁴³, Дальнего Востока. Всего за первое десятилетие XX в. появилось 75 новых крупных эстонских поселений, 44 из них было в Сибири⁴⁴. В дальнейшем эстонцы образовывали новые поселения в Сибири, но одновременно увеличился удельный вес обратного переселения. Причиной отъезда И. В. Лоткин называет неразвитую инфраструктуру края и тяжелые бытовые условия⁴⁵.

Исследователь А. В. Горнухова, изучая переселенческие процессы в прибалтийских республиках, выделяет четыре условных этапа миграции эстонцев на территорию России до 1914 г.:

1) 1860-е годы – основные потоки направляются в Крым и Самару; 2) 1870–1880-е годы – небольшие по численности потоки идут на Кавказ, в южные и центральные районы России, в Сибирь; 3) 1890-е годы – два крупных потока в Сибирь (Акмолинская, Томская, Тобольская губернии) и Вологду; 4) первое десятилетие XX в. – значительно больший поток в Сибирь⁴⁶.

Перечисленные факты свидетельствуют о многочисленной миграции эстонского населения с их исторической родины во второй половине XIX – начале XX в., что было обусловлено реформаторской политикой Российского государства и другими возникшими благоприятными для переселения условиями. В это время эстонцы расселились в разных местах страны, создав новые этнотерриториальные центры.

Во время Первой мировой войны на восток из Эстонии эвакуировали часть промышленных предприятий и вместе с ними – некоторое число эстонцев⁴⁷. Тогда же происходило добровольное самостоятельное переселение мирного населения на более отдаленные от военных действий территории.

После образования независимой Эстонской Республики в 1918 г. эстонцам, проживавшим вне ее границ на территории России, было дано право на оптацию. На исторической родине им обещали благоприятные социально-экономические и хозяйственно-производственные условия. По оптации за период 1920–1924 гг. в Эстонию вернулось около 37, 6 тысячи человек⁴⁸, или почти 25 %⁴⁹. Правда, некоторые из них, неудовлетворенные условиями в новой республике, уезжали обратно в Россию⁵⁰.

Последний значительный приток эстонского населения на территорию России приходится на 1941-й и 1944–1945 гг., связан он с раскулачиванием крестьян и насильственной депортацией. Всего было депортировано более 40 тысяч человек, большинство из них вернулось на родину в конце 1950-х годов⁵¹.

Таким образом, в переселенческих процессах эстонского населения на территорию России можно отметить четыре волны, различающиеся по целям, масштабам и формам миграции:

1) стихийное немногочисленное переселение крестьян в западные губернии России до конца XVIII в.; 2) появление поселений ссыльных и каторжных эстонцев в первой половине XIX в.; 3) крупные по численности потоки эстонцев в поисках земель во второй половине XIX – начале XX в.; 4) насильственная депортация эстонского населения в середине XX в. Результатом всех миграционных потоков стало изменение этнического состава страны и формирование эстонской диаспоры в России.

Крестьяне, менявшие место жительства по собственной воле, образовывали поселения, преимущественно хуторского типа, и занимались традиционными для них занятиями – земледелием и животноводством, на Дальнем Востоке – рыболовством. В новых природно-климатических зонах они развивали знакомые и осваивали новые для них промыслы и ремесла⁵². Как отмечают исследователи, среди эстонцев было много ремесленников разного профиля: кузнецов, сапожников, портных⁵³. В городах в XIX в. (больше всего в Петербурге) почти половина эстонского населения была занята в промышленной сфере, четверть – в сфере обслуживания, также было много представителей интеллигенции⁵⁴. Н. В. Юхнева отмечает, что по данным 1869 г. в Петербурге многие эстонцы принадлежали к военному сословию, это были преимущественно отставные нижние чины и их семьи⁵⁵. До середины XX столетия в местах компактного расселения, в сельской местности, эстонцы жили замкнуто, многие из них слабо владели русским языком, что способствовало сохранению их национально-культурных черт.

Во второй половине XX в. процессы межэтнического взаимодействия, урбанизации, интеграции эстонского населения в России усилились, следствием чего стало размывание многих этнических черт, уменьшение ареалов компактного и традиционного проживания⁵⁶. В конце XX – начале XXI в. в городах и сельских территориях расселения эстонцев появились национальные общества, фольклорные коллективы, которые сохраняют народную культуру, поддерживают традиции, язык, налаживают связи с исторической родиной⁵⁷.

Эстонцы на Урале

Первые эстонские поселения на Урале появляются в конце XIX в. на территории современной Республики Башкортостан – в Уфимской губернии. Одно из первых эстонских поселений Урала – хутор Панга (Панковка, Банковка) Стерлитамакского уезда, основанный выходцами с острова Эзель (Сааремаа) в 1890 г.⁵⁸ В 1892 г. переселенцами второй волны, из эстонских колоний Самары и Крыма, было основано поселение Крымский хутор Белебеевского уезда⁵⁹. Как и в других регионах России, появление эстонских поселений на Урале происходило в русле общих миграционных процессов. Уфимская губерния заметно лидировала среди уральских районов как по числу основанных поселений, так и численному составу эстонцев. В 1897 г. в Уфимской губернии уже проживало 617 эстонцев, в то время как в других уральских губерниях, Пермской и Оренбургской, их численность была невелика – 25 и 24 человека соответственно⁶⁰.

Миграции эстонцев на территорию Урала активизировались в начале XX в. Однако в этот период большая их часть была направлена в районы Среднего Урала – в Пермскую губернию. Продолжает осваиваться эстонцами и Уфимская губерния, где в начале XX в. возникают еще несколько эстонских колоний – хутор Абдрезак (1910) Златоустовского уезда, поселения Линда (1902), Эстонка (1902), Сакала (1902) в Белебеевском уезде в непосредственной близости от колонии Крымский хутор⁶¹. Исследователи отмечают в Уфимской губернии и колонию Тигазинскую (Зигазинскую)⁶². Характерной чертой этого периода стало и формирование эстонского городского населения в губернских и уездных городах Урала. По сведениям А. Ниголя, городское эстонское население было представлено жителями Перми (300 человек), Екатеринбурга (300), Златоуста (100), Верхнеуральска (более 60 человек)⁶³.

Эстонские поселения в конце XIX – начале XX в. возникают и на смежных территориях Приуралья, в пограничных с Пермской губернией Сарапульском и Глазовском уездах Вятской губернии. В Вятской губернии первая деревня возникла в 1894 г. в Сарапульском уезде (Казекюла, она же Березовка), вторая – КнязевоЭстония – в 1907 г. в Глазовском уезде⁶⁴. Таким образом, районы Среднего и Южного Урала стали одними из регионов России, куда в ходе миграционного движения на восток устремились эстонские крестьяне. Большая часть поселений была основана в более благоприятных территориях Южного Урала – в Уфимской губернии, в меньшей степени – в губернии Пермской. Эстонцами осваивались территории преимущественно западной части Урала.

По данным переписи 1926 г., на Среднем и Южном Урале отмечено в Башкирской АССР 1 190 эстонцев, среди которых 115 городских жителей и значительное большинство – 1 075 – сельских, в Оренбургской области в этот период проживало 53 эстонца. В 16 округах огромной Уральской области насчитывалось 2 177 эстонцев⁶⁵, при этом за исключением западносибирских Тюменского, Тобольского и Ишимского округов, где численность эстонцев составила 70 человек, в уральских округах области проживало 1 476 человек. События 1920–1930-х годов, связанные с индустриализацией, раскулачиванием и репрессиями 1930-х годов, добровольные и принудительные переселения привели к новым миграционным потокам и увеличению эстонского населения в регионе. Согласно данным переписи 1939 г. по-прежнему значительная часть эстонцев зафиксирована в местах традиционного проживания в Башкирской АССР (1 302 человека) и Молотовской (Пермской) области (1 120 человек). Однако численность эстонского населения значительно увеличилась в Чкаловской (Оренбургской) области – до 238 человек, в Свердловской – до 862, Челябинской – до 1 152 человек⁶⁶.

Миграции эстонцев на Урал, в том числе с территории Эстонии, были отмечены как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенные годы. Первая послевоенная перепись показала, с одной стороны, значительное снижение числа эстонцев в районах их традиционного и компактного проживания, с другой – увеличение их числа в других районах Урала, прежде всего, восточных, промышленных – Свердловской и Челябинской областях. В Башкирской АССР в 1959 г. перепись учла 762 эстонца, в Пермской области – 1 128, в Свердловской – 1 329, в Челябинской – 1 390⁶⁷.

Перепись 1959 г. зафиксировала наибольшее число эстонского населения в регионе за весь период пребывания эстонцев на Урале. С 1960-х годов происходило постепенное сокращение численности эстонцев, и причин этому несколько. Во-первых, уменьшение численности населения в районах компактного проживания эстонцев в Башкирии и Пермской области, прежде всего, за счет миграционного оттока – в города и в другие регионы. Во-вторых, за счет ассимиляционных процессов, активно проходящих в этот период в эстонской диаспоре Урала. В-третьих, за счет снижения миграционного притока из Эстонии. И, хотя на Урал по-прежнему приезжали эстонцы, – специалисты, попавшие по распределению на промышленные предприятия, приехавшие по семейным обстоятельствам или по другим причинам оказавшиеся в районах Урала, – миграционный приток этого периода не покрывал убыли эстонского населения, вызванного миграционным оттоком и ассимиляционными процессами. К 1970 г. на Урале общая численность эстонцев составила 3 465 человек, к 1989 г. – 2 699 человек, из которых в Курганской области проживало 104 эстонца, в Оренбургской – 155, в Пермской – 496, Свердловской – 706, Челябинской – 791, Башкирской АССР – 447⁶⁸.

Эстонцы в Пермском крае

Формирование групп эстонцев на территории Пермского Прикамья происходило в контексте общих закономерностей их миграционного движения на восток России во второй половине XIX в.⁶⁹ Приток эстонцев на прикамские земли начинается с середины XIX в. и особенно активизируется на рубеже XIX – XX веков.

Когда на территории современного Пермского края появились первые эстонцы, не известно. Первое их компактное место жительства в южных районах современного Пермского края зафиксировано в 1895 г., когда эстонцы основывают хутор Даго (Новопетровка). В тот период эти земли относились к Аскинской волости Бирского уезда Уфимской губернии. Поэтому численность жителей этих хуторов не была учтена в составе эстонского населения Пермской губернии во Всероссийской переписи населения 1897 г., дающей наиболее полные сведения о численности и расселении эстонцев в этот период на Урале.

Названная выше перепись отметила в Пермской губернии 25 человек⁷⁰, показавших на эстонский язык в качестве родного. Все они проживали в западных уездах Пермской губернии (территория современного Пермского края). В Зауралье, в восточных уездах Пермской губернии, перепись не учла ни одного эстонца. В западной части губернии эстонцы отмечены во всех уездах, кроме Чердынского. Из 25 человек большую часть составляли мужчины (18 человек, или 72 %), меньшую – женщины (7 человек, или 28 %). Такую же пропорцию составляло среди эстонцев сельское и городское население. В городах проживало 7 эстонцев (28 %), в сельской местности – 18 (72 %). Большая часть всех городских эстонцев проживала в г. Перми, сельских – в Пермском уезде (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение эстонского населения по родному языку в уездах Пермской губернии

Уезды и города в них	По родному языку (эстонский)		
	Муж.	Жен.	Всего
По губернии	18	7	25
в городах	6	1	7
в уездах без городов	12	6	18
Пермский уезд	14	4	18
в г. Перми	5	1	6
в уезде без города	9	3	12
Кунгурский уезд	1	-	1
в г. Кунгуре	1	-	1
в уезде без города	-	-	-
Осинский уезд	2	2	4
в г. Осе	-	-	-
в уезде без города	2	2	4
Оханский уезд	-	1	1
в г. Оханске	-	-	-
в уезде без города	-	1	1
Соликамский уезд	1	-	1
в г. Соликамске	-	-	-
в г. Дедюхине	-	-	-
в уезде без города	1	-	1
Чердынский уезд	-	-	-
в г. Чердыни	-	-	-
в уезде без города	-	-	-
Всего в 6 уездах	18	7	25

Рубеж XIX – XX вв. охарактеризовался новым притоком эстонского населения. В этот период компактные сельские поселения эстонцев возникают в Оханском и Осинском уездах Пермской губернии. В отличие от сельских эстонцев, расселенных компактно в хуторских поселениях Бирского уезда Уфимской губернии, Сивинского имения Оханского уезда, Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии, достаточно сложно представить, кто составлял основу эстонского населения Прикамья, расселенного дисперсно, составляя ничтожно малый процент в составе основного населения региона. Лишь только отдельные отрывочные сведения позволяют в какой-то мере представить эстонское население городов и сельских территорий Прикамья в начале XX в., а также выявить некоторые особенности их формирования.

Среди немногочисленных эстонцев города Перми – торговец Кен, специализировавшийся на продаже сельскохозяйственных машин⁷¹. В приказчиках у торговца также находился эстонец Парм Август Янович, а в прислуге – его сестра Парм Елена Яновна, после выхода замуж которой в 1911 г. ей на смену из Эстонии приехала другая сестра Августа Яновича – Алида Яновна. После событий 1917 г. Кен в 1918 г. покинул г. Пермь, а торговлю стал продолжать Август Янович Парм⁷².

Среди эстонцев г. Перми известен и Кахар Август Янович, 1882 г. р. – поденный рабочий 2-го участка пути железной дороги. Из автобиографических сведений узнаем, что родился Август Янович в г. Верро Лифляндской губернии, «из Эстонии был вывезен родителями 6 лет, и до 1914 г. проживал в Ленинградской области ст. Новоселье, на хуторах в местечке Пусто-перта, а затем в 1914 г. прибыл в Пермь...»⁷³.

На Пермском пушечном заводе в качестве токаря по металлу работал Карлсберг Петр Иванович, он вместе с семьей прибыл в Россию в 1899 г., его жена Эльвина Яковлевна была домохозяйкой⁷⁴. Большая часть эстонцев Прикамья, расселенных дисперсно, в силу различного рода обстоятельств добровольно приехала и обосновалась на территории региона.

Другой причиной, другим обстоятельством, заставившим эстонцев оказаться в Прикамье, была ссылка. Общеизвестно, что Пермская губерния была одним из мест исполнения этого вида наказания⁷⁵. Среди сосланных в Чердынский уезд в начале XX в. значатся крестьяне Феллинского уезда Лифляндской губернии, высланные по приговорам сельских обществ. Места их поселения в Чердынском уезде – села Ныроб, Вильгорт и деревня Бахари⁷⁶.

Один из значительных притоков эстонцев в Прикамье связан с Первой мировой войной. Линия русско-германского фронта проходила, в том числе, и по Эстляндской губернии Российской империи, что вызвало не только добровольные миграции, но и вынудило власти провести эвакуацию фабрик и рабочих в глубь страны. Так, в Пермь были эвакуированы целлюлозно-бумажная фабрика «Вальдгоф» из Пярну, завод электромоторов и др.⁷⁷ Эти факторы также привели к увеличению эстонского населения г. Перми и губернии.

Эстонские хутора Даго (Новопетровка)

Первое эстонское поселение на территории региона – деревня Новопетровка современного Октябрьского района Пермского края. История деревни начинается с 1895 г., когда на земли Аскинской волости Бирского уезда Уфимской губернии впервые прибыли эстонские переселенцы⁷⁸.

В конце XIX – начале XX в. осваиваемые эстонцами земли относились к Уфимской губернии и находились в крайней северо-восточной части Бирского уезда, значительная площадь которой была занята лесами и оставалась мало освоенной. Территория пограничья, находящаяся на стыке Уфимской и Пермской губерний, начала активно осваиваться только с конца XVIII – начала XIX в., после размежевания земель и определения границ губерний⁷⁹. На этой территории за счет приобретения башкирских вотчинных земель появляются частновладельческие имения, в том числе имения Зеленцова и Жуковского. Начало освоения этих земель крестьянами связано с тем, что земельные наделы имений вышеназванных помещиков в этот период сдаются в аренду и распродаются в собственность крестьянам⁸⁰. Первоначально эти территории осваивают русские крестьяне Вятской и Пермской губерний, как показывают документы, «арендовав землю» в имениях И. Г. Жуковского и П. А. Зеленцова и «скупившие землю... после долгосрочной аренды»⁸¹. В конце XIX в. кроме русского населения в освоении этих территорий принимают участие также другие народы, например марийцы, основавшие деревни⁸². В начале XX в. на этих землях возникают и немецкие хуторские поселения⁸³.

Как утверждают эстонские предания, информация о возможности переселения и получения земли была получена из газетных объявлений: «Здесь был помещик Жуковский, он дал объявление. Этот помещик дал объявление в газету, что он продает землю тут. Он сам купил когда-то эту землю. А тут когда-то башкиры были начальством, командовали. Потом земли остались пустыми, продавали эту землю. Приехал какой-нибудь русский человек и покупал. У нас тут Жуковский был, за Туйным озером другой помещик – Зеленцовский. Потом Жуковский дал объявление в газету, дескать, продает землю, какой ценой. Эстонцы, кто маленько зажиточные были, те собрались, приехали сюда посмотреть сперва, понравилась местность. Правда, местность у нас неплохая тут, хорошая. Всё было лес. Так же они тут устроились жить...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁸⁴. Об этом факте, сохранившемся в исторических преданиях, свидетельствуют и письменные источники, отмечая, что «...эстонцы прибыли по газетным объявлениям к Жуковскому»⁸⁵. В этом факте информаторы часто усматривают случайность появления эстонских хуторов в Прикамье. Однако в контексте появления подобных эстонских поселений в этот период на огромных пространствах Восточной России появление эстонских хуторов Даго выглядит вполне закономерным.

Как отмечают документы, первые эстонские переселенцы, приехавшие 12 домохозяевами, были выходцами «...из Эстляндской губернии – 11 домохозяев и из Лифляндской губернии – 1»⁸⁶. Эстляндская губерния была представлена выходцами с острова Даго (Хийумаа) – Гапсальский уезд губернии, большей частью – Киргасарская волость, а Лифляндская губерния – выходцами соседнего с Даго острова Эзель (Сааремаа) – Эзельский уезд, преимущественно Перзамаской волости. Сохранились названия и некоторых населенных пунктов, откуда выехали эстонцы в Прикамье: д. Энго⁸⁷, д. Пихла⁸⁸, д. Гомба⁸⁹, д. Витта⁹⁰. Известны и имена первых поселенцев, глав семей, обосновавшихся на северо-востоке Бирского уезда.

№ 1

Список товарищества Даго

Тюинской волости Бирского уезда

1899

Уфимское отделение

Крестьянского поземельного банка

Дело № 1331
Ссуда № 88343

	Имена	Число душ мужского пола	Куплено земли (паев и десятин)
1	Ганс Мартов Теор	3	30/300
2	Петр Якобов Кестер	4	14/300
3	Видас Томасов Мянд	4	31
4	Вдова Мина Мартовна Баум	2	29/800
5	Павел Андрусович Сиккель	1	16
6	Ян Оттович Янов	4	25
7	Сим Петров Мецвахт	1	16
8	Карл Якобов (Кирилл Яковлев) Кестер	3	15
9	Карл Эндриков Рясса	3	17
10	Анна Густавова с сыновьями Алексеем, Иваном и Рихардом Михкелевы Гехвик	3	13
11	Кирилл Михкелев Лайд	1	16

Итого: 222 десятины 1400 сажень⁹¹.

Главной причиной переселения эстонцев в Прикамье, как и всего миграционного движения эстонцев на восточные земли России⁹², явилось малоземелье и безземелье на старой родине, а также каменистая и малопродуктивная почва островов Хийумаа и Сааремаа. Наглядно причины переезда также раскрывают записанные в Новопетровке исторические предания: «А там сильно каменна земля была. И земли мало было. У отца в семье 12 человек было, что ли. Не хватало земли. Пришлось выехать... Они сюда приехали, сразу дали им землю» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁹³; «Наши жили на острове Хийумаа. Но там гольно камень. Там питаться-то нечем было, кроме рыбы. Коров даже кормили рыбой. Вот за то оттуда и уезжали. Так они там за то уехали, что не было пахотной земли, кормиться нечем было. Вся Эстония бедная была насчет земли» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁹⁴. Известно в Новопетровке и другое предание, согласно которому в числе причин, вызвавших переселение, наряду со скуд-

ностью и малым количеством земли, называют и близость моря: «Старики рассказывали, что женщины все были недовольны, что море близко, даже к самым крыльцам вода подходила, даже скотина тонула. Вот женщины и боялись, что дети утонут, поэтому и подговаривали мужиков. Так говорили» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁹⁵.

По приезду в Прикамье эстонцы обосновались в имении Жуковского, по объявлению о продаже и аренде земельных участков которого переселенцы и прибыли в Бирский уезд Уфимской губернии. Однако «...жить там не понравилось...»⁹⁶, и уже в 1897 г. эстонцы обосновались в соседнем имении Зеленцова, арендовав участок земли сроком на 6 лет. О новом поселении сообщается: «...земля в одном участке, разделена пропорционально сумме взноса арендного условия...»⁹⁷. Согласно документам Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка, в 1899 г. эстонские переселенцы получают в банке ссуду и выкупают арендованную прежде землю в собственность⁹⁸. Для приобретения земли и получения ссуды эстонцы создают «банковское товарищество», с целью приобретения и закрепления земли в личном пользовании через кооперацию нескольких землевладельцев⁹⁹. Товарищество было известно под названием Даго. Таким же путем создания товариществ приобреталась земля и русскими и немецкими крестьянами соседних поселений, возникших и возникающих в округе¹⁰⁰.

Эстонское поселение Бирского уезда было известно под разными названиями. В материалах 1898 г. оно отмечено как поселок Эстонский, получивший название по этническому составу его жителей¹⁰¹. В документах конца XIX – начала XX в. наиболее распространено название Даго¹⁰², связываемое с тем, что «более число колонистов прибыло из острова Даго, откуда и взято название колонии»¹⁰³. В народной памяти жителей современной Новопетровки также сохраняются предания о перенесении названия родного острова на новое поселение: «Я слышала, тут так говорили, есть остров, Хийумаа по-эстонски, в документах Даго называли этот остров. По этому острову и назвали эту деревню – Даго – здесь...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁰⁴. В эстонской литературе колония Даго Уфимской губернии известна и как Хийумаа (эстонский вариант названия острова)¹⁰⁵. В некоторых случаях поселение известно под двойным названием Даго (Новопетровка)¹⁰⁶. Однако уже в послереволюционный период за эстонскими хуторскими поселениями прочно закрепляется название Новопетровка. Происхождение названия Новопетровка сегодня также объясняется несколькими преданиями, по одному из которых поселение назвали так по одному из первых обосновавшихся здесь эстонцев. В документах среди первых жителей деревни, действительно, значится Петр Яковов Кестер¹⁰⁷. Об этом рассказывается и в одном из преданий: «Пошли регистрировать хутор. «Как назовете?» – спрашивают. А кто его знает, как называть? «Как твоя фамилия?» – «Кестер». Ну, деревню Кестер не назовешь. Говорит: «А как тебя звать?» – «Петро». – «Ну, давай Петровка пусть будет». А потом стали вот съезжаться» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁰⁸. В другом варианте название поселению было дано по имени первого родившегося в новом поселении младенца: «А, может, и так: там в конце один был Петро, из первых младенцев, кто уже здесь родился, может, по его имени назвали...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁰⁹.

Скорее всего, обосновавшись на землях помещика Жуковского, эстонцы назвали свое поселение Петровкой. Эстонское поселение не единственное в округе, образованное от имени, соседние немецкие поселения также большей частью названы аналогично – Романовка, Нижняя Григорьевка, Сергеевка, Николаевка, как и соседние русские деревни Евгеньевка, Андреевка, Дмитриевка, Владимировка, Ивановка¹¹⁰. Название же Новопетровка связано с возникновением эстонского хуторского поселения на новом месте – в соседнем имении помещика Зеленцова, куда эстонцы, как мы отмечали, переселились спустя два года из имения Жуковского.

В описаниях переселенческих хозяйств конца XIX в. отмечалось, что «в местность эту издавна охотно направляются переселенцы... последнее время из Прибалтийского края, которые здесь отлично устраиваются и живут в полном достатке, не зная, благодаря свежести и хорошему качеству почвы, неурожаев»¹¹¹; эстонцы «на землях Зеленцовых устроились хорошо, так что полагают, что еще приедут из Прибалтийских губерний»¹¹². Вслед за первыми переселенцами последовали новые миграции эстонских крестьян в частновладельческие имения северо-востока Бирского уезда.

В начале XX в. наблюдается второй приток переселенцев-эстонцев в северо-восточные районы Бирского уезда. В непосредственной близости от эстонских хуторов Даго (Новопетровка) возникают несколько новых поселений, известные как Зеленцовский, Линдовка, Эстонский, Эстляндия. О хуторских поселениях Линдовка отмечали: «Деревня Линдовка называлась. Там девять домов стояли, каждый на своем хуторе. Все они были эстонцы...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹¹³. Новые хутора были основаны в непосредственной близости от хуторов Даго (Новопетровка), однако в документах получали другие названия, часто даже не известные местному населению, так как с первопоселенцами хуторов Даго, выкупившими землю с помощью Крестьянского банка и платившими ежегодные платежи, новопоселенцы составляли свои арендные условия либо создавали банковские товарищества для приобретения земли.

Так, 1904 годом датируется арендное обязательство крестьян Эстляндской губернии Гапсальского уезда Киргасарской волости Дениса Кириллова Лайта, Якова Константинова Леппера, Андрея Петрова Тахка, Юрия Петрова Реммеля, Густава Густава Воленса об аренде участка земли в 50 десятин¹¹⁴.

В документах сохранились сведения о времени и обстоятельствах приезда новых семей эстонцев на прикамские земли. Семья Воленс с острова Даго Эстляндской губернии приехала в Россию и окончательно поселилась на место в 1902 г.¹¹⁵ Семья Леппер приехала в Прикамье в 1903 г. «Причиной приезда послужило приглашение Кестерова Петра и других ранее приехавших в быв. Уфимскую губернию Бирский уезд Аскинскую волость...»¹¹⁶. Семья М. Лякка обосновалась в Линдовке в 1906 г.¹¹⁷ Были среди переселенцев и выходцы из эстонских колоний других областей России: из Алтайской губернии, Покровского уезда, с. Комиссаровка; из Самарской губернии, Самарского уезда, д. Балтика¹¹⁸. Большая часть второй волны переселенцев была выходцами с тех же мест, что и жители первых эстонских хуторов – из Гапсальского уезда Эстляндской губернии, с острова Хийумаа (Даго).

Эстонцы, отважившись на переселение, имели мало представлений о далекой пермской земле. До настоящего времени в некоторых семьях Новопетровки хранятся старинные эстонские гарпуны, привезенные с островов Хийумаа и Сааремаа, на которых морской промысел являлся одним из основных занятий мужского населения. Эстонцы полагали, что и здесь, на реке Тую, они смогут также заниматься рыболовством и охотой на тюленей, как и на старой родине. Однако основными занятиями хуторян стали земледелие, животноводство и домашние промыслы...

В памяти старшего поколения жителей Новопетровки и сегодня живы рассказы их отцов и дедов о долгом и трудном пути на Урал и обустройстве на новых землях. «Она рассказывала, как они приехали. На пароходе ехали. Их было восемь человек. Мать – ей было восемь лет, когда она приехала сюда. Восемь человек пришли. Такой густой лес. (Я недавно кому-то рассказывала.) В Баймурзино [пришли], в ту сторону, к лесу. Там они чистили. Их восемь человек, девки все были, один парень. Вычистили. Один год маленько картошку посадили. Потом корову завели. Потом – овцы. Потом тихонько, тихонько... Некоторые люди уже жили тут. Чистили большую площадь там, за Набережной. [– Из Эстонии они откуда приехали?] Сааре-

маа остров. Там одна каменна земля была. А тут кто приехал, хвалили, что тут земля хорошая. У них семья большая, кормить-то нечем было, и надумали сюда приехать. Так-то ничё, они начали жить хорошо у своих-то. Они же богато жили, и хлеба было, и всё. И молоко, и коровы были у них. Держали потом по три коровы, четыре коровы даже. Поросят сколько держали. Мой отец-то сильно богатый был. Через Уфу они приехали. Кто-то лошадей дал...»¹¹⁹.

«Когда они приехали, в каком году, точно я не скажу. А приехали они, наши вот дедушка с бабушкой, из Эстонии в Башкирию. Здесь земли продавали. Они купили землю и приехали сюда жить. А землю-то какую они купили? Один лес. Намеряли им лес, и вот этот лес они раскорчёвывали, возили на реку сюда, на Атер, и отправляли, зарабатывали себе деньги. Наши там возле моря жили, и не было земли, на острове жили. Пришлось им переселяться, сюда ехать. Из Хийумаа. Много ведь этих островов. Здесь поселились они хуторами все. Сначала одна семья приехала. Деревня Даго называлась, а хутора – у каждого по своему имени. Например, Кестеровский хутор, Баумовский. Так и они назывались, сами дворы, по фамилии...»¹²⁰.

«Наши предки сами приехали сюда. Мои-то, наша группа-то, последней, наверно, приехали. В 1905 году мои родители приехали сюда. Последними, да. Первыми Ляндовские приехали да Кестерские, там, с конца деревни-то которые первые-то поселились. Но они лет на десять, наверно, раньше приехали, самые первые-то. Точно-то я не могу сказать. Но последними наша группа приехала. Десять мужиков. По хуторам. В Эстонии так жили, и здесь в России так стали жить. Тайга была здесь. Наши в Эстонии жили на острове Хийумаа, Сааремаа – тоже остров. Расстояние у них там маленькое, не знаю, километр или два ли, примерно. Так они там за то уехали, что не было пахотной земли, кормиться нечем было. Мы ведь тоже приехали в Уфу. Тут железной дороги еще не было, это уже при нас ее здесь построили. А до Уфы поездом ехали. А тут, с Уфы, на лошадях. У нас только один с самой Эстонии приехал на лошади. Рассказывали пацаны, как пешком шли. Семья-то большая была. На лошаде приехал, долго эта телега валялась. Потому что я помню эту телегу, на которой приехали они. Износились она крепко по дороге, так они ее забросили...»¹²¹.

Итоги освоения эстонцами земель Южного Прикамья показывают материалы 1917 г., в которых отмечено в хуторах Даго (Новопетровка) 36 эстонских хозяйств с населением в 214 человек, кроме того, во вновь образованной Тюинской волости Бирского уезда Уфимской губернии, куда относились эстонские хутора Даго (Новопетровка), отмечено еще эстонское поселение Эстляндия, состоявшее из двух эстонских хозяйств с восемью жителями эстонцами и одним русским хозяйством. Одно эстонское хозяйство (11 человек) располагалось в Самарских хуторах, две эстонские семьи проживали в Никольском заводе. Общая численность эстонцев в волости, таким образом, составила 41 хозяйство с населением 241 человек¹²².

Эстонские поселения в Сивинском имении Оханского уезда Пермской губернии

Другая территория, активно осваиваемая эстонцами в этот период, – земли современного Сивинского района Пермского края. История их освоения связана с именем дворянского рода Всеволожских. В 1773 г. Всеволод Алексеевич Всеволожский, действительный статский советник и обер-прокурор Сената, приобретает часть строгановских имений в Пермском Прикамье¹²³. В 1790-е годы возникает село Сива как центр Сивинских имений Всеволожских¹²⁴. В 1882 г. пермские земли Всеволожских были разделены между очередными наследниками. Жена гвардейского полковника Елизавета Никитична Сатина, урожденная Всеволожская, получила на свою часть из Сивинского имения в Оханском уезде – в Бубинской волости 13 898 десятин 1776 сажен и в Екатерининской волости – 6106 десятин 624 сажени. Общее количество земли, доставшееся по разделу Елизавете Никитичне, составляло 25 953 десятины 1453 квадратных сажени. Егермейстер Высочайшего Двора, действительный статский советник Всеволод Никитич Всеволожский получил в пожизненное свое владение «участок земли в 30 000 десятин, расположенный в Екатерининской волости смежно с участком, выделявшимся по разделу Екатерине Никитичне Сатиной». Но это «пожизненное владение» было, в сущности, довольно условным, и действительное владение, по формальному арендному договору оставалось за братом Никитой Никитичем. Отставной ротмистр лейб-гвардии конного полка Никита Никитич Всеволожский получил на свою часть в Оханском уезде из Сивинского имения волости: Сивинскую, Бубинскую и Екатерининскую (за исключением наделенной и отходившей по разделу к госпоже Сатиной земли). В этих волостях значилось свободных земель 97 943 десятины 55 квадратных сажен, а, в общем, в Оханском уезде 98 137 десятин 297 квадратных сажен¹²⁵.

В 1886 г., главным образом ввиду необходимости произвести срочные расчеты с сонаследниками, Н. Н. Всеволожский заложил свое имение в Нижегородско-Самарском Земельном банке. Сивинское имение было оценено в 800 000 рублей, под него была выдана ссуда в 480 000 рублей, целиком ушедшая на покрытие старых долгов и на расчеты с сонаследниками¹²⁶. В 1889 г. Никита Никитич Всеволожский был объявлен несостоятельным должником, по делам его было учреждено конкурсное управление¹²⁷. Н. Н. Всеволожский умер в 1896 г. Согласно завещанию все свое имущество он завещал бывшей жене, Марии Гавриловне Савиной, но она не воспользовалась своими правами, «очевидно, потому что с получением «наследства» соединялось более хлопот и дразг, чем какой-либо выгоды»¹²⁸.

В 1898 г. Сивинское имение было приобретено от конкурсного управления Крестьянским поземельным банком¹²⁹. В 1900 г. банк приобретает земли в северо-западной части имения, принадлежавшие к тому времени нижегородским купцам Максимовым¹³⁰. В 1904 г. к Сивинскому имению банком было куплено и смежное с ним имение Е. Н. Сатиной в количестве 8 011 десятин¹³¹. Таким образом, во владении Крестьянского поземельного банка оказалось почти все Сивинское имение Всеволожских. Сивинское имение Крестьянского поземельного банка состояло из Бубинской, Екатерининской, Сивинской и Сатинской дач, а в административном отношении состояло из трех волостей: Бубинской, Екатерининской и Сивинской¹³². Несмотря на то что в имении уже проживало русское старожильческое население, численность которого составляла в трех волостях 11 518 человек¹³³, оставался значительный фонд неосвоенных земель.

Для плана ликвидации имения и распродажи свободных земельных угодий в 1899 г. было предпринято межевание Сивинского имения на крупные земельные участки, которое было закончено к 1901 г.¹³⁴ С 1900 г. в Сивинском имении стали приобретать земли переселенцы из разных губерний России, в том числе и из прибалтийских губерний. В освоении Сивинской дачи принимали участие русские, белорусы, украинцы, коми-пермяки, латыши, поляки, представленные выходцами из более чем 25 губерний России, в том числе Виленской, Витебской, Волынской, Вятской, Гродненской, Каменец-Подольской, Казанской, Киевской, Ковенской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Орловской, Пермской, Полтавской, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской, Уфимской, Херсонской, Черниговской¹³⁵. Наибольшее число переселенцев в имение из других губерний дала Могилевская губерния, на втором месте по числу переселенцев следовала соседняя Вятская губерния, на третьем – Псковская; Лифляндская губерния стояла на четвертом месте¹³⁶. Среди этнических групп эстонцы составляли третью по численности группу переселенцев после русских и белорусов.

Эстонцы-переселенцы Сивинского имения были представлены выходцами из трех губерний – Псковской, Лифляндской и Эстляндской. За период с 1901 по 1910 г. в Сивинском имении обосновалось четыре семьи из Эстляндской губернии, 47 из губернии Лифляндской, 294 семьи из Псковской губернии¹³⁷. Среди выходцев из этих губерний были также русские и латыши, однако значительную часть составляли эстонцы. Переселение эстонцев в Пермскую губернию в первое десятилетие XX в. происходило на волне общих процессов усиления миграционного движения из прибалтийских губерний на восток России¹³⁸.

Основной поток переселенцев эстонцев в Сивинское имение шел из Псковской губернии. Значительную часть переселенцев составили эстонцы-сету, выходцы из Печерской и Паниковской волостей Псковского уезда Псковской губернии. В сохранившихся документах отмечены места рождения жителей эстонских хуторов, среди которых г. Печора¹³⁹, д. Кузнецово Псковского уезда Псковской губернии¹⁴⁰, Печерская волость Псковского уезда Псковской губернии¹⁴¹, д. Храмцова Паниковской волости Псковского уезда Псковской губернии¹⁴², с. Лазарево Печерской волости Псковского уезда Псковской губернии, с. Слободское Псковской губернии¹⁴³. Среди эстонцев-псковичей отмечены семьи Глазер, Иммис, Кирсберг, Петровы, Кроликовы, Воробьевы, Васильевы, Сидоровы, Степановы и др. Паниковская и Печерская волости Псковского уезда дали наибольшее число переселенцев из Псковской губернии в Сивинское имение. Приток переселенцев из этих волостей начался в 1901 г. и продолжался все первое десятилетие XX в. (см. табл. 2.).

Таблица 2

Динамика переселения выходцев Печерской и Паниковской волостей Псковской губернии в Сивинское имение (число семей /домохозяйств)¹⁴⁴

Волость/годы	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	Всего
Печерская	-	10	3	-	1	-	3	12	6	2	37
Паниковская	14	3	33	6	13	3	36	38	14	6	166
Итого:	14	13	36	6	14	3	39	50	20	8	203

Первая, наиболее значительная группа хуторов, основанных эстонцами Псковской губернии, возникла в Сивинской даче Сивинского имения в нескольких километрах от с. Сива. Эта группа хуторов позднее получила название д. Печера, или д. Печерская. Отдельные хутор-

ские участки были приобретены эстонцами Псковской губернии в Екатерининской и Сатинской даче Сивинского имения. Так, хутор выходца из с. Лазарево Псковской губернии Я. Глазера располагался недалеко от с. Серафимовского в Екатерининской даче, в этом же районе был основан хутор эстонцев, выходцев Панниковской волости Псковской губернии Кирсбергов¹⁴⁵.

Вторая группа эстонских переселенцев была представлена выходцами из разных уездов Лифляндской и Эстляндской губерний. В частности, среди мест выхода переселенцев были отмечены: местечко Игнасово Гапсальского уезда Эстляндской губернии, хутор Терли Соцарской волости Феллинского уезда Лифляндской губернии, Рябиновская волость Верроского уезда Лифляндской губернии¹⁴⁶. Выходцы из Лифляндской и Эстляндской губерний приобретали земельные участки, в основном, в Екатерининской даче имения.

Основной причиной, вызвавшей переселение эстонцев в Сивинское имение Пермской губернии, как уже указывалось, было безземелье и малоземелье на старой родине. В Эстонии в этот период 60–66 % крестьян не имели земли и кормились продажей рабочей силы¹⁴⁷. Во второй половине XIX в. процессы развития капитализма в Прибалтике, в том числе и в сельском хозяйстве, характеризовались бурным развитием, приводившим к дальнейшему социальному расслоению¹⁴⁸. Согласно материалам Крестьянского поземельного банка основной причиной переселения выходцы из Эстляндской и Лифляндской губерний указали безземелье. Переселенцы из Псковской губернии в качестве основных причин переселения отмечали безземелье, малоземелье, малоземелье и безлесье¹⁴⁹. Иммис Михаил Андреевич, 1873 г. р., выходец из д. Кузнецово Псковской губернии и Псковского уезда, отвечал на вопросы о причине переезда так: «Малоземелье в Псковском уезде, где развивать сельское хозяйство невозможно, заставило меня переехать на Урал, где условия для развития сельского хозяйства были вполне подходящи, в смысле земельной площади»¹⁵⁰. Костицына Зинаида Никитична из эстонских хуторов Каракулка также вспоминала: «На Урал они приехали, потому что здесь было много свободных земель и землю продавали очень дешево...»¹⁵¹.

Главным источником информации о Сивинском имении, весьма далеком от западных российских губерний, в первые годы освоения имения служили объявления Крестьянского поземельного банка в периодической печати. Именно так узнала о продаже земли в Сивинском имении эстонская семья Петровых из Панниковской волости: «Прибыли из Эстонии в 1905 или 1906 г., так как Крестьянский поземельный банк опубликовал в газетах о продаже земли в бывшей Пермской губернии, поэтому мы, три брата Степан, Николай и я, поехали покупать землю и остановились в д. Печера Сивинского района...»¹⁵². В дальнейшем большая часть информации поступала от родственников и земляков, уже переселившихся в Пермскую губернию: «По словам переселенцев, на их решимость перебраться на новые места большое влияние оказали письма их родственников и знакомых, купивших землю в Сивинском имении в первые годы ликвидации последнего...»¹⁵³.

Стратегия переселения и приобретения земли выглядела обычно таким образом: «ходоки» от одной семьи или нескольких семейных и родственных коллективов прибывали в Сивинское имение, где им предлагали осмотреть свободные участки. После осмотра выбранный участок можно было оставить за собой на некоторое время. По возвращении на родину можно было внести задаток, в таком случае участок считался проданным. Однако в ряде случаев и без внесения задатка участок закреплялся за заявившим на него права¹⁵⁴. Через некоторое время, как правило, весной, к началу земледельческого сезона, в имение на выбранный участок прибывала вся семья переселенцев. О таком характере переселения и сегодня вспоминают старожилы, основываясь на рассказах своих родителей: «Прежде чем переселиться, до этого они еще приезжали сюда, несколько человек, эту землю оформили, всё-всё сделали,

уехали обратно, а потом уже приехали сюда с хозяйством...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁵⁵.

Освоение имения и прибытие переселенцев из западных губерний было облегчено тем, что к этому времени в связи с завершением строительства железнодорожной ветки Пермь – Котлас районы Среднего Урала были соединены с северо-западными регионами России¹⁵⁶. Железнодорожная магистраль Вятка – Пермь проходила в непосредственной близости от Сивинского имения, и станции Бородулино и Очерская (Вознесенская) приняли основной поток переселенцев.

Исторические предания, сохранившиеся до настоящего времени у потомков переселенцев, эмоционально раскрывают особенности переселения и обоснования на новых землях эстонцев.

«В конце прошлого века в местечке Игнасово Гапсальского уезда, как и по всей Эстонии, господствовали помещики. Вся лучшая земля принадлежала им. Не более 50 соток земли-кормилицы сходилась крестьянской семье из восьми человек. Помню, как мои три брата и отец ходили почти повседневно работать на помещиков. И в те годы у нас в Эстонии пошли слухи, что русский царь Николай Второй дает беженцам бесплатно много земли. Вот и поехали мои родители вместе с нами искать на Руси счастья. Нашли мы его недалеко от Сатино, в деревне Пирогово, под елкой. Пока мужики рубили избу, семья наша ютилась в шалаше. Земли было много, но вся она под лесами, всей семьей рубили деревья, корчевали пни, расширяли поляны под пашню. Со временем семья наша увеличивалась, братья женились. А затем и я вышла замуж в деревушку, что находилась в те годы в пяти километрах от Сивы» (Сивинский район, с. Сива)¹⁵⁷.

«Сюда переезжали переселенцы из разных мест – из Псковской губернии, Украины, Белоруссии, Эстонии, Литвы, Вятки. Здесь на Урале были непроходимые леса. Люди покупали землю, начинали вырубать лес, корчевать пни, разрабатывать землю, строить дома. Сначала ставили жилье-землянку, или что-то типа чума, нарубленные бревна ставили стойками, как у чукчей чумы, а внутри ставили печку. Здесь и жили, пока не построили избушку. Сначала родственники селились вместе, они покупали большой участок земли и помогали друг другу в строительстве, расселялись на этих участках хуторами. Родители мои купили землю в д. Каракулке. В Каракулке поселились переселенцы разных национальностей, скобари, русские с Пскова, могли – с Могилевской губернии белорусы, эстонцы с Ладоги, вятские с Вятки и коренное население – кержаки» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁵⁸.

Ибиус Мартын Модестович, 1884 г. р., вспоминал: «Я родился в 1884 г. в Соцарской волости Лифляндской губернии, в местечке Терли, в поместье соцарского помещика немца Форе Сиверос. Отец мой у помещика служил лесным сторожем. До 1904 г. я учился на родине, сначала в начальной школе, а затем в городском училище. По окончании городского училища я в 1905 г. с родины уехал учиться в молочную школу в быв. Рязанскую губернию, г. Лебедянь, где и учился до 1907 г. По окончании молочной школы получил назначение в Пермскую губернию, в Камышловский уезд, на маслодельный завод, практикантом на мастера. Я прибыл в 1908 г. в Верещагинский район, где купил двадцать десятин земли и занимался крестьянством, а с 1910 г. до 1928 г. состоял членом артели, которая имела маслозавод, я был ее членом и руководителем»¹⁵⁹.

Итоги освоения эстонцами Сивинского имения наиболее полно показывают материалы 1926 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Расселение эстонцев в сельской местности Сивинского района Пермского округа Уральской области¹⁶⁰

Район, населенный пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них эстонцев (чел.)	Другое население (чел.)
<i>Пермский округ, Сивинский район</i>				
Бубинский с/с				
Хут. Борисова (Борисовка, Шаничи)	9	38	7	30, русские
Екатерининский с/с				
Хут. Зильберг Анны	2	5	2	3, латыши

Зотинский с/с				
Хут. Кайва	2	6	6	
Хут. Гакис Августа	1	7	7	
Хут. Гакис Владимира	1	5	5	
Хут. Гакис Петра	1	4	4	
Хут. Гакис Самуила	1	7	7	
Хут. Нагель Августы и Нагель Элизы	2	10	10	
Хут. Аркос Юган	1	5	5	
Хут. Кирсберг Алекс.	1	6	6	
Хут. Лосман (уч. № 179)	1	4	4	
Хут. Туш Альфреда	1	7	7	
Хут. Туш Карла	1	3	3	
Хут. Экс Ивана	1	7	7	
Хут. Кольцова Ильи и Семильсона	2	7	5	2, русские
Хут. Слюнко Павла и Урман Петра	2	13	13	
Серафимовский с/с				
Хут. Берг (уч. № 168б)	1	4	4	
Хут. Глазер (уч. № 168а)	1	9	9	

Район, населенный пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них эстонцев (чел.)	Другое население (чел.)
Северный Коммунар, зав.	176	540	66	399, русские
Уч. № 1756 (Урите)	2	2	2	
Участок № 1756 (Лац)	3	21	21	Написаны русскими
Сивинский с/с				
Хут. Васильева Ивана	1	5	5	
Хут. Воробьева Михаила (Медвежье)	1	8	8	
Хут. Иммис Алексея	1	2	2	
Хут. Иммис Дан.	1	6	6	
Хут. Иммис Дан.	1	4	4	
Хут. Иммис Ивана	1	6	6	
Хут. Иммис Михаила	1	6	6	
Хут. Иммис П.	1	5	5	
Хут. Иммис	1	6	6	
Д. Канцар	15	71	3	68, русские

Хут. Корнилова Василия	1	4	4	
Хут. Кроликова Евгения	1	7	7	
Хут. Лаюкс	1	3	3	
Хут. Матвеевой	1	6	6	
Хутор Николаевский, Клименко Алексея, Мухи- на Ивана	4	5	5	
Хут. Петрова Алексея	1	6	6	
Хут. Сидорова Алексея	1	4	4	
Хут. Сидорова Григория	1	3	3	
Хут. Сидорова Степана	1	4	4	
Хут. Сидорова Петра	1	10	10	
Хут. Степанова Семена	1	5	5	
Хут. Херм Игната	1	4	4	
Пос. Дубровский	3	15	5	10, русские
Хут. Раута	1	7	7	

Район, населенный пункт	Число хозяйств (ед.)	Численность населения (чел.)	Среди них эстонцев (чел.)	Другое население (чел.)
Черноусовский с/с (бывш. Сатинский)				
Хут. Изватского и Матвеева (уч. № 208)	1	7	3	4, русские
Хут. Савельева и Максимовой М. (уч. № 36)	1	5	5	
Шулыгинский с/с (бывш. Малосивинский)				
Поч. Бураковский (Каракульский)	4	21	13	8, белорусы
Хут. Красных и Круп	1	4	4	
Д. Круглое (Кругловское)	29	162	7	155, белорусы
Хут. Майцман	1	4	4	
Хут. Макарова и Якимова	2	9	9	
Хут. Мальцева и Цахны	2	5	5	
Хут. Павлова (Каракулка)	1	7	7	
Хут. Редов (Каракулка)	1	7	7	
Хут. Сергеева (Усть-Сива)	1	7	7	
Хут. Токарева и Федорова	6	37	35	2, русские
Поч. Федорова	3	16	3	13, русские
Хут. Цахны и Николаева (уч. № 60)	2	12	12	
Хут. Яковлева (Усть-Сива)	2	11	11	
<i>Итого</i>			456	

В этот период на территории Сивинского района существовало 49 эстонских хуторских поселений, состоящих из одного-двух крестьянских хозяйств. Всего в них числилось 60 хозяйств и проживало 282 эстонца. Кроме того, эстонцы проживали в 11 смешанных поселениях, по соседству с русскими (8 поселений), белорусами (2 поселения) и латышами (1 поселение). Общая численность эстонцев Сивинского района в этот период составляла 456 человек.

Эстонцы в Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии

Еще одно эстонское поселение в Прикамье возникает в южной части Осинского уезда – поселок Эстонцы, расположенный в нескольких километрах от села Завод Михайловский Ершовской волости Осинского уезда Пермской губернии. Информация о нем приводится в известной работе об эстонских поселениях в России пастора А. Ниголя, который отмечает проживание 10 эстонских семей близ села Завод Михайловский, но не приводит названия поселка. Датой переселения и основания поселка назван 1900 год¹⁶¹. В Списке населенных мест Осинского уезда 1926 г. поселение значится как поселок Эстонцы Заводо-Михайловской волости Осинского уезда¹⁶², под этим же названием он известен и в более поздних документах¹⁶³. К сожалению, мы не располагаем другими, более полными данными о времени и обстоятельствах возникновения поселения, особенностях расселения, местах выхода переселенцев. Перепись 1926 г. отметила в существующем поселке Эстонцы Заводо-Михайловского сельсовета Фокинского района Сарапульского округа Уральской области население 41 человек, из которых большую часть составляли русские и только 5 – эстонцы¹⁶⁴. Скорее всего, эстонцы по какой-то причине достаточно быстро покинули вновь осваиваемые места, возможно, это произошло в годы первых лет советской власти и Гражданской войны. Полевые исследования, проведенные в селе Завод Михайловский и окрестных деревнях в 1990-е годы, также показали отсутствие эстонского населения в районе бывшего поселения. Лишь старожилы отмечали существование бывшего населенного пункта с проживающими там выходцами из Прибалтики. В справочниках административно-территориального деления Пермской области более позднего времени населенный пункт Эстонцы уже не отмечен¹⁶⁵.

Таким образом, на рубеже XIX – начала XX в. в Пермском Прикамье на основе миграционных процессов происходит формирование эстонской этнодисперсной группы. Миграции эстонцев и формирование очагов их компактного расселения происходят в русле общих процессов миграционного притока в Пермскую губернию и усложнения этнического состава населения региона, с одной стороны, и, с другой стороны, миграционных процессов, характерных для эстонцев, активно осваивающих в этот период не только районы Прикамья, но и Южного Урала и Сибири. Пермское Прикамье становится лишь одним из районов, освоенных эстонцами на востоке России в этот период. Эстонские поселения возникают в Прикамье на частновладельческих землях, которые продаются как местным крестьянам, так и переселенцам. Приобретение земель происходит с помощью Крестьянского поземельного банка в русле общей аграрной переселенческой и земельной политики России рубежа XIX–XX вв.

В этот же период формируется и городская эстонская диаспора, представленная, в основном, жителями губернского города Перми и Кунгура. Однако, расселенные дисперсно, городские эстонцы не сохраняли комплексы этнической культуры и почти не проявляли себя в многонациональном городском сообществе.

В миграционных процессах принимали участие выходцы из различных территорий традиционного расселения эстонцев. Прикамье приняло переселенцев с Западной Эстонии – с островов Хийумаа и Сааремаа, с Южной Эстонии – с Феллинского и Верроского уездов Лифляндской губернии, эстонцев-сету с Псковщины и сопредельных территорий. Таким образом, в Прикамье были перенесены как разные региональные, конфессиональные и локальные элементы традиционной культуры.

Несмотря на то что земельные наделы приобретались в частное пользование и основной формой расселения эстонцев в Прикамье становились хутора, освоение пермских земель имело не индивидуальный, а коллективный характер. Осваивать новые земли ехали группы

родственников, односельчан, позднее к ним присоединялись новые группы. В итоге в Прикамье сложилось несколько ареалов эстонских хуторских поселений: хутора Даго (Новопетровка), основанные выходцами с островной части Эстонии на северо-востоке Бирского уезда Уфимской губернии, хутора эстонцев-сету Печера в Сивинском имении Оханского уезда, эстонские хутора Сивинского имения выходцев с различных уездов Эстляндской и Лифляндской губерний. Компактность и многочисленность эстонских хуторов в названных ареалах была важным условием сохранения, трансляции и развития языка и этнической культуры.

Примечания

¹ Эстонцы [Электронный ресурс] // Сайт «Академик». URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29556>

² Там же.

³ Большая энциклопедия народов. М., 2007. С. 615–617.

⁴ *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. С. 22.

⁵ Большая энциклопедия народов... С. 615–617.

⁶ *Тынурист И. В.* Эстонцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 423.

⁷ Народы Европейской части СССР. М., 1964. Ч. 2. С. 209; Большая энциклопедия народов... С. 615–617.

⁸ *Тынурист И. В.* Указ. соч. С. 423.

⁹ Страны мира. М., 2006. С. 624.

¹⁰ Все страны мира. Энциклопедический справочник. М., 2005. С. 211.

¹¹ *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Статистический анализ. Л., 1984. С. 191.

¹² *Напольских В. В.* Указ. соч. С. 24.

¹³ *Karjahärm T., Sirk V.* Eesti haritlaskonna kujunemine jai deed 1850–1917. Tallinn, 1997. Lk. 275–277; *Laar M.* Äratajad. Rahvuslik ärkamisaeg Eeestis 19. sajandil ja selle kandjad. Tartu, 2006. Lk. 136.

¹⁴ Страны мира... С. 624.

¹⁵ Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Эстония. М., 1967. С. 210–215; Эстония [Электронный ресурс] // Сайт «Единство непохожих». URL: http://europeanport.narod.ru/cul_estonia.htm

¹⁶ Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Эстония. М., 1967. С. 210–215; Эстония [Электронный ресурс] // Сайт «Единство непохожих». URL: http://europeanport.narod.ru/cul_estonia.htm

¹⁷ *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132; *Алексеев Ю. В., Манаков А. Г.* Народ Сету: между Россией и Эстонией. М.: Европа, 2005.

¹⁸ *Алексеев Ю. В., Манаков А. Г.* Указ. соч.; Народы европейской части СССР. М., 1964. Ч. 2. С. 210.

¹⁹ *Алексеев Ю. В., Манаков А. Г.* Указ. соч.

²⁰ Там же.

²¹ Цифры даются с учетом лиц, назвавших себя сету.

- ²² История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1958. С. 34.
- ²³ Большая энциклопедия народов... С. 617.
- ²⁴ Мамяги В. А. Эстонцы в СССР 1917–1940 гг. М., 1990. С. 10.
- ²⁵ Тынурист И. В. Указ. соч. С. 424.
- ²⁶ Выскочков Л. В. Об этническом составе населения северо-запада России (вторая половина XVIII–XIX в.) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 125.
- ²⁷ См.: Мамяги В. А. Указ. соч. С. 11; Майничева А. Ю. Эстонцы в Верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Сибирская заимка». [2001. № 5]. URL: <http://www.zaimka.ru/culture/mainicheva13.shtml>
- ²⁸ См.: Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: Учебное пособие. Омск, 2003.
- ²⁹ Горнухова А. В. Миграционные процессы в республиках Прибалтики в XX веке: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08. 00. 05. [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: <http://www.diplomnie.com/publ/118-1-0-28321>
- ³⁰ Юхнева Н. В. Указ. соч. С. 204.
- ³¹ См.: Мамяги В. А. Указ. соч. С. 8–10.
- ³² Там же. С. 9.
- ³³ Там же. С. 13.
- ³⁴ Там же. С. 11.
- ³⁵ Там же. С. 11–13.
- ³⁶ Там же. С. 13, 21.
- ³⁷ Лоткин И. В. Указ. соч. С. 33–38.
- ³⁸ Мамяги В. А. Указ. соч. С. 11.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.
- ⁴¹ Первая Всеобщая перепись населения... Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.
- ⁴² Первая Всеобщая перепись населения... Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.
- ⁴³ Мамяги В. А. Указ. соч. С. 12.
- ⁴⁴ Лоткин И. В. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁵ Там же. С. 42.
- ⁴⁶ Горнухова А. В. Указ. соч.
- ⁴⁷ Мамяги В. А. Указ. соч. С. 41; Лоткин И. В. Указ. соч. С. 42–43.
- ⁴⁸ Тынурист И. В. Указ. соч. С. 425.
- ⁴⁹ Лоткин И. В. Указ. соч. С. 45.
- ⁵⁰ Мамяги В. А. Указ. соч. С. 78–82.⁵¹ Тынурист И. В. Указ. соч. С. 425.

⁵² Там же.

⁵³ Бирюков А. М. Раскопки в районе исчезнувшего села Лифляндка [Электронный ресурс] // Сайт «Этноархеология на Алтае». URL: <http://www.seas.altnet.ru/library/articles/biruk.html>

⁵⁴ Маамяги В. А. Указ. соч. С. 33.

⁵⁵ Юхнева Н. В. Указ. соч. С. 195.

⁵⁶ Лоткин И. В. Указ. соч. С. 151–153.

⁵⁷ Тынурист И. В. Указ. соч. С. 425; Народы и народности, населяющие Красноярский край. Эстонцы [Электронный ресурс] // Официальный портал Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/krasnoyarskkray/narod/0/etno_id/34; Эстонцы в России [Электронный ресурс] // Сайт Генерального консульства Эстонской Республики в г. Санкт-Петербурге. URL: http://www.peterburg.estemb.ru/estonia_i_rossija/estontsi

⁵⁸ Садиков Р. Р. Эстонцы Башкортостана: Обзор архивных источников // Археография Южного Урала. Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конференции 16 сентября 2004 года. Уфа, 2004. С. 174; Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 34.

⁵⁹ Садиков Р. Р. Указ. соч. С. 174; Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 34.

⁶⁰ Первая Всеобщая перепись населения... Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

⁶¹ Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 34.

⁶² Садиков Р. Р. Указ. соч. С. 174.

⁶³ Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 34, 38–39.

⁶⁴ Маамяги В. А. Указ. соч.; Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 38.

⁶⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928–29. Т. 9. С. 34–51; Т. 10. С. 9–13; Т. 11. С. 8–17; Т. 14. С. 6–16; Т. 15. С. 8–13; Т. 16. С. 8–12; Т. 17. С. 8–25. Таблица VI. Население по полу, народности; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁶⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>; Всероссийская перепись населения 1989 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁶⁹ Маамяги В. А. Указ. соч. С. 11–54; Лоткин И. В. Указ. соч. С. 34–46.

⁷⁰ Здесь и далее материалы переписи приводятся по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904. С. 96.

⁷¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 7330, л. 10–12.

⁷² Там же.

- ⁷³ Там же. Д. 16622, л. 234.
- ⁷⁴ Там же. Д. 3569, л. 65.
- ⁷⁵ Терехин А. А. Ссылка в Пермской губернии в XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Пермь, 2003. С. 125.
- ⁷⁶ ГАПК. Ф. 165, оп. 1, д. 50. Переписка о Гендриксе, Векмане, Озолине и др. крестьянах...
- ⁷⁷ Маамяги В. А. Указ. соч. С. 41, 44.
- ⁷⁸ Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 82.
- ⁷⁹ Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. (По материалам южных районов Пермской области). Пермь, 2002. С. 66–68.
- ⁸⁰ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899. С. 38–39; ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 852, л. 1; Д. 2899, л. 1–21.
- ⁸¹ Сборник статистических сведений... С. 34–38.
- ⁸² В настоящее время д. Баймурзино Октябрьского и д. Текловка Чернушинского района Пермского края (См.: Черных А. В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь, 2007. С. 168).
- ⁸³ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008. С. 19–33.
- ⁸⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р., родилась в Кировской области.
- ⁸⁵ Переселенцы и переселенческое дело... С. 81–82.
- ⁸⁶ Сборник статистических сведений... С. 38.
- ⁸⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4039, л. 3–11.
- ⁸⁸ Там же. Д. 3569, л. 7–8.
- ⁸⁹ Там же. Д. 12329.
- ⁹⁰ ГАПК. Ф. 719, оп. 6, д. 205, л. 191.
- ⁹¹ ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 852, л. 1–1об.
- ⁹² Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: формирование и этнокультурная адаптация. Новосибирск, 2003. С. 57–76.
- ⁹³ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ⁹⁴ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ⁹⁵ Там же, то же.
- ⁹⁶ Переселенцы и переселенческое дело... С. 81–82.
- ⁹⁷ Сборник статистических сведений... С. 38.
- ⁹⁸ ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 852, л. 1, 1об.
- ⁹⁹ «Переселяясь на новые земли, крестьяне объединялись в артели и товарищества на основе взаимопомощи. Этому способствовал и порядок приобретения земель, установленный Крестьянским поземельным банком. Товарищества создавались не менее чем тремя домохозяевами. Членами товарищества могли быть лица обоего пола без различия возраста. Интересы малолетних и несовершеннолетних выражали и защищали опекуны. Земли покупали как за наличный расчет, так и в кредит по ссудам, выдаваемым Крестьянским банком под проценты

с рассрочкой до 55, 5 лет» (*Григорьев Д. В.* Немцы Башкортостана в конце XIX–XX вв.: Авто-реф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Уфа, 2002. С. 18–19).

¹⁰⁰ *Вайман Д. И., Черных А. В.* Указ. соч. С. 53–57; ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 877.

¹⁰¹ Переселенцы и переселенческое дело... С. 82.

¹⁰² Сборник статистических сведений... С. 38.

¹⁰³ ЦГИА РБ. Ф. 107, оп. 3, д. 42, л. 56об., 57.

¹⁰⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.

¹⁰⁵ *Nigol A.* Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 34.

¹⁰⁶ ЦГИА РБ. Ф. 107, оп. 3, д. 42, л. 56об., 57.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 336, оп. 1, д. 852, л. 1, 1об.

¹⁰⁸ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.

¹⁰⁹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.

¹¹⁰ Сборник статистических сведений... С. 34–38; *Вайман Д. И., Черных А. В.* Указ. соч. С. 23–24.

¹¹¹ ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 2899, л. 21об.

¹¹² Переселенцы и переселенческое дело... С. 81–82.

¹¹³ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.

¹¹⁴ ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 852, л. 14.

¹¹⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 3529, л. 14.

¹¹⁶ Там же. Д. 3355, л. 11.

¹¹⁷ Там же. Д. 3689, л. 7.

¹¹⁸ Там же. Д. 65, л. 8; Д. 8652, л. 5.

¹¹⁹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.

¹²⁰ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.

¹²¹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.

¹²² Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001. С. 577–578.

¹²³ *Мухин В. В.* Всеволожские // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 132.

¹²⁴ *Шумилов Е. Н.* Сива // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 477.

¹²⁵ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 314, л. 10–12.

¹²⁶ Там же. Л. 13.

¹²⁷ Там же. Л. 14.

¹²⁸ Там же. Л. 15.

¹²⁹ Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909, 12 сент.

¹³⁰ Эти земли также в прошлом входили в Сивинское имение Всеволожских, однако в 1889 г. они были куплены помещиком Басовым, а в 1890 г. владелец продает их нижегородским купцам братьям Максимовым, которые развернули в этом районе лесозаготовки. Часть земельных угодий, удаленных от сплавных рек, братья преподносят в качестве подарка владельцу соседнего имения Е. Н. Сатиной, которая также продает землю в 1904 г. банку. См.: *Давыдов Л.* Биография края Тюменского // За коммунизм (газета Сивинского района). 1968 20 янв. С. 3; Сивинский район: От истоков до наших дней. Сива, 2004. С. 62–63.

- ¹³¹ Поездка в Сивинское имение...
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 70.
- ¹³⁶ Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911. С. 2.
- ¹³⁷ Справка о положении... С. 2.
- ¹³⁸ *Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.* Указ. соч. С. 74–75.
- ¹³⁹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 5295, л. 12–20.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 1995, л. 1–13.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 49.
- ¹⁴² Там же. Д. 1629, л. 11.
- ¹⁴³ Там же. Д. 701.
- ¹⁴⁴ Справка о положении... С. 4.
- ¹⁴⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 1269, л. 20; ПКМ. Материалы экспедиции в Сивинский район Пермской области 1988 г. Рук. С. А. Димухаметова.
- ¹⁴⁶ АОАСР. Ф. 75, оп. 1, д. 49, л. 40об., 86об.
- ¹⁴⁷ История Эстонской ССР. Таллин, 1966. Т. 2. С. 362.
- ¹⁴⁸ *Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁴⁹ Справка о положении... С. 4.
- ¹⁵⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 1995, л. 1–13.
- ¹⁵¹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Костицына Зинаида Никитична, 1919 г. р., родом из д. Каракулка Сивинского района.
- ¹⁵² ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 1629, л. 11.
- ¹⁵³ Справка о положении... С. 4.
- ¹⁵⁴ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 11; 98.
- ¹⁵⁵ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹⁵⁶ *Алфёрова Е. Ю., Бакунин А. В., Иванов В. П., Крючков М. Т.* Железнодорожный транспорт // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 198.
- ¹⁵⁷ АОАСР. *Широков М.* Через годы и страдания.
- ¹⁵⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Костицына Зинаида Никитична, 1919 г. р.
- ¹⁵⁹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 7330, л. 19–25.
- ¹⁶⁰ Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ, Свердловск, 1928. В Списках населенных пунктов отмечена этническая принадлежность основного населения сел и деревень и указана вторая по численности этническая группа. Учитывая преимущественно моноэтнический состав сельских поселений, эти данные позволяют относительно показать населенные пункты, в которых эстонцы по численности находились на первом и втором местах.
- ¹⁶¹ *Nigol A.* Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918. Lk. 38.
- ¹⁶² ГАПК. Ф. 454, оп. 1, д. 12, л. 7об.

¹⁶³ Населенные пункты Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928.
С. 94.

¹⁶⁴ Населенные пункты Уральской области... С. 94.

¹⁶⁵ Пермская область: Административно-территориальное деление. Справочник. Пермь, 1963.

Глава II Хуторское хозяйство

Земледелие

Приобретение необходимого количества земли и развитие сельского хозяйства было основным мотивом переселения и обустройства на новых землях эстонских переселенцев. В Прикамье, где имелся обширный фонд неосвоенных земель, такая возможность существовала. Однако к началу XX в. свободные незаселенные земли региона представляли в основном лесные участки на водоразделах. Значительная часть земельного фонда Прикамья была уже освоена и использовалась старожильским населением Пермского края. Описание участков, на которых водворялись переселенцы, наглядно раскрывает особенности этих мест и те трудности, которые возникали с началом их освоения для развития земледелия. Сивинское имение в документах Крестьянского поземельного банка характеризовалось так: «В Сатинской даче, как и вообще в Сивинском имении, культурных мест нет, годных к немедленной распахке очень мало, и положение переселенцев в первые годы по покупке земли, в большинстве случаев представляющей сплошное лесное пространство, является очень тяжелым, так как с первых шагов они должны приниматься за трудную и медленную работу по раскорчевке земли и возведению необходимых построек»¹. Эстонцы, обосновавшиеся в Сатинской даче, также вспоминали, что «земли было много, но вся она под лесами. Всей семьей рубили деревья, корчевали пни, расширяли поляны под пашню»².

О земле в Южном Прикамье, где были основаны эстонские хутора, в источниках сказано: «...значительная часть ее была под лесом»³. Старожилы и сегодня вспоминают, что на месте будущих хуторов «был непроходимый лес, лесных полей почти не было. Выбрав подходящее место, они вырубали лес, ставили дома, выкорчевывали пни. Так появились хутора» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁴. Расчистка лесных угодий под пашню «велась колонистами каждый год понемногу...»⁵.

Установленная норма приобретаемых земельных участков была достаточно высока. В Бирском уезде Уфимской губернии она составляла 40 десятин на двор и 12 десятин на душу⁶. Однако реально отдельное хуторское хозяйство приобретало земли меньше установленной нормы, средний размер хутора в северной части уезда определялся в 17 десятин, величина хуторского участка могла колебаться с 12 до 40 десятин⁷. В среднем по эстонским хуторским хозяйствам на один хутор приходилось 26, 1 десятины земли. Большая часть хуторских хозяйств (45, 8 %) владела от 20 до 30 десятин земли, 4 (16, 7 %) – наделами от 30 до 40 десятин, число хозяйств с малыми наделами от 5 до 10 десятин составляло лишь 12, 5 %, столько же хозяйств владело участками более 40 десятин (см. таблицу 1)⁸.

Таблица 1

Обеспеченность хозяйств земельными наделами⁹ (общее число и удельный вес хозяйств, в %)

Товарищество	Число хозяйств	Число хозяйств с купчей землей	Кол-во земли (в дес.)	Без купчей земли	3–5 дес. купчей земли	5–10 дес. купчей земли	10–15 дес. купчей земли	15–20 дес. купчей земли	20–30 дес. купчей земли	30–40 дес. купчей земли	Свыше 40 дес. купчей земли
Даго	12	12	384,6	-	-	-	-	-	6	3	3
Эстонский	7	7	162,5	-	-	-	-	2	4	1	-
Эстляндия	5	5	80	-	-	3	-	1	1	-	-
Итого	24 / 100%	24 / 100%	627,1	-	-	3 / 12,5%	-	3 / 12,5%	11 / 45,8%	4 / 16,7%	3 / 12,5%

Подворная норма землевладения в Оханском уезде Пермской губернии была установлена в 45 десятин¹⁰, этой нормы и придерживалось управление Крестьянского поземельного банка. В Сивинском имении банка в среднем на хуторское хозяйство приходилось 28, 53 десятины, и на одну мужскую душу – 9, 40 десятины¹¹. Величина отдельного участка приобретаемой земли при этом колебалась от 10 до 68 десятин. В целом обеспеченность земель в Сивинском имении была выше приобретаемой земли в более южных районах. Банковские документы позволяют определить количество земли в отдельных хуторах на территории имения. В 1907 г. Вольдемар Яков Гакис покупает 17, 15 десятины земли в Екатерининской даче¹², в 1910 г. эстонец С. Гакис приобретает участок в 20, 35 десятины, Е. Лаюкс – 20, 25 десятины, И. Мансман – 15, 32 десятины, А. Лосман – 30, 61 десятины, Я. Лосман – 31, 10 десятины¹³. Как видно из примеров, размеры хуторских участков варьировались, что зависело от состоятельности домохозяев и состава их семей. Обеспеченность земельными наделами эстонских переселенцев как в Бирском уезде, так и в Сивинском имении была такой же, как и у соседей – русских, латышей, немцев и белорусов, также приобретавших землю и основывавших хуторские хозяйства.¹⁴ Следует отметить, что предлагаемые переселенцам земельные участки были выше, чем размеры крестьянских наделов в целом по Пермской губернии, которые составляли 9, 5 десятины¹⁵.

Цена земельных участков колебалась в зависимости от территории и времени приобретения. Земля в Бирском уезде Уфимской губернии (хутора Даго) стоила дороже, нежели в Сивинском имении Оханского уезда Пермской губернии. В первое время в Бирском уезде, в начале 1900-х годов, земля покупалась по цене 18 руб. за десятину, в дальнейшем ее цена увеличилась до 30 руб., а в 1906–1907 гг. цена земли доходила до 40–50 руб. за десятину¹⁶. Земли приобретались с помощью Крестьянского поземельного банка с рассрочкой платежа до 50 лет.

При начале ликвидации Сивинского имения цена десятины земли составляла в среднем 19 руб. 15 коп., при этом в Сивинской даче она доходила до 20 руб. 40 коп., в Бубинской – 15 руб. 80 коп., в Екатерининской – 20 руб. 43 коп.¹⁷ Разница в цене объясняется тем, «что в первых двух дачах намечалось обилие лесов, представляющих известную ценность»¹⁸. Цена земли в Сатинской даче была повышена по сравнению с остальной частью имения в связи с наличием большого числа угодий, годных для распашки, и составляла в среднем 26 руб. 39 коп. за десятину¹⁹. Оценка земли в имении Крестьянского поземельного банка в целом была несколько ниже, чем средняя стоимость частновладельческих земель в Оханском уезде в целом, которая составляла 21 руб. 90 коп.²⁰ Однако реальная цена приобретаемой земли достаточно значительно варьировалась. Намеченные в 1910 г. сделки показывают оценку приобретаемой земли от 16 руб. 30 коп. до 28 руб. за одну десятину. Однако средняя цена согласно документам о продаже была обычно не выше 21 руб. 30 коп. за десятину²¹. В справках Сивинского имения Крестьянского поземельного банка за этот период значилась средняя цена за десятину в 24, 46 руб.²²

Крестьянский поземельный банк, заинтересованный в ликвидации имения, предлагал льготные условия для приобретения земли: «При прибытии в имение переселенцам отводятся участки, в течение 1–1,5 годов пользуются участками бесплатно, для того чтобы была возможность обустроиться и обзавестись необходимым инвентарем. В последующие три года, когда идет раскорчевка и расчистка леса для обращения подлесной земли в пашню и луга, за аренду с них также фактически не берется, а взамен этого причитающаяся аренда начисляется на участок в размере платежей по будущей ссуде, с прибавлением земельных повинностей, и впоследствии присоединяется к первоначальной оценке участка. По истечении 4, 5–5 лет, когда переселенцы успели обстроиться, завели домашний скот, раскорчевали и распашали часть заторгованной земли, и когда выясняется, что новоселы уже привыкли к условиям местной земледельческой жизни, они становятся фактически арендаторами земли до назначения испрашиваемой ссуды... Наряду с предоставлением переселенцам льготных условий пользования землей до назначения ссуды банк практиковал выдачу им различного рода пособий и проводил вообще расходы, имеющие своей целью улучшение переселенческого быта... На домообзаведение выдается на семью до 50 руб., с обязательством возвратить их через 5 лет, на расчистки и выкорчевывания выдается почти такая же сумма, и при наличии такого же обстоятельства, причем переселенец, получивший деньги на расчистку первой десятины и не выполнивший эту работу, теряет право на получение для этой цели дальнейших пособий»²³.

При покупке земли банк требовал внесения 10 % от продажной цены участка, полугодовой платеж по ссуде и оплату товарного леса на участке. Остальная сумма может быть выдана под залог земли ссудой банка согласно его уставу²⁴. Крестьянский поземельный банк также предлагал рассрочку платежа на значительный срок, максимально до 55, 5 года²⁵. В зависимости от срока предоставления ссуды, ежегодные платежи составляли от 89 руб. 25 коп. до 100 руб. в год при 13 годах ссуды и 4 руб. 50 коп. – при рассрочке на 55, 5 лет²⁶.

Именно по такой схеме приобрел участок земли К. Лаюкс, семья которого прибыла в имение в 1906 г., а с 1 июля 1910 г. хозяйство уплачивало арендные платежи²⁷, с 1 января 1911 г. были оформлены документы на приобретение земли. Для покупки участка № 255 Екатерининской дачи в размере 20, 64 десятины, К. Лаюксу была предоставлена ссуда в размере 500 руб., с годовым платежом по ссуде 29 рублей²⁸.

Сохранившиеся документы другого хуторского хозяйства, семьи Якова Янова Глазер, переселенцев из с. Лазарево Печерской волости Псковского уезда Псковской губернии, показывают в общих чертах одну из стратегий приобретения земли и внесения платежей. Я. Я. Глазер запросил к покупке участок земли в 480 десятин. Скорее всего, такой большой участок приобретался совместно несколькими семьями родственников или земляков. В качестве задатка в Пермское отделение Крестьянского поземельного банка Я. Глазер выслал 100 руб., затем на оставшуюся сумму была оформлена ссуда, с ежегодными платежами в 40 руб. Однако платежные документы не раскрывают, за какое количество земли вносились ежегодные платежи и была ли внесена при оформлении сделки еще часть ее стоимости²⁹.

В 1908 г. Вольдемар Яков Гакис приобретает участок земли в Екатерининской даче, о чем в Книге журнальных постановлений Пермского отделения Крестьянского поземельного банка 7 февраля 1908 г. сделана запись: «Признать возможным продать из Сивинского имения Банка часть земли в участке № 203ж Екатерининской дачи в количестве 17, 15 дес. за цену 352 руб. 54 коп. крестьянину Вольдемару Якову Гакис и разрешить ему ссуду в сумме 310 руб. сроком на 55, 5 лет. Назначить к выдаче разрешенные ссуды на 55, 5 лет, считая с 1 января 1908 г. Выдать крестьянину Вольдемару Якову Гакис данную на продажу участка № 203ж Екатерининской дачи»³⁰.

Начало освоения новых земельных дач давало возможность не только приобретать дополнительные земельные участки, но и приглашать родственников и соотечественников для приобретения земли и поселения по соседству. Из документов банка узнаем, например, что смежные земли в участке № 203 Екатерининской дачи попадают во владение родственников В. Я. Гакиса, владельца участка № 203ж, приобретенного в 1908 г.³¹ В 1920-е годы на этих землях значатся четыре самостоятельных хуторских хозяйства Гакисов: Владимира, Петра, Августа и Самуила³².

Аренда земельных участков с последующим выкупом была характерна и для эстонских переселенцев в Бирском уезде. Эстонские крестьяне, переселившиеся вскоре после основания хуторов Даго в непосредственной близости от последних, заключили арендное соглашение с правом последующего выкупа арендуемых угодий: «Мы, нижеподписавшиеся, по доверенности землевладелицы Уфимской губернии Бирского уезда Веры Александровны Брусницыной дворянин Платон Александрович Зеленцов и крестьянин Лифляндской губернии Эзельского уезда Перзамаской волости Денис Михайлов Вагане и Эстляндской губернии Гапсальского уезда Киргасарской волости Томас Томасов Мяндр, Андрей Юганов Ульяс, Юрий Юганов Калласс, Андрей Константинов Кяер и Кейнской волости Тоам Петров Тикс заключили условие в следующем.

Я, Зеленцов, отдал... в арендное содержание участок земли в количестве 77 десятин в даче госпожи Брусницыной, с одной стороны, по смежности с землею выселков «Даго» ценою по 1 руб. 50 коп., кроме пяти десятин А. Кяера, цена которых за одну десятину по 1 руб. 80 коп. (на два года), а остальное на 4 года. За все же время ценою 440 руб. С 1. 01. 1903 по 1. 01. 1907. Арендная плата за каждый год в два срока – 2 мая и 10 декабря.

В арендуемом участке мы должны заниматься хлебопашеством и скотоводством, [создавать] фабричные и промышленные заведения, питейные дома и постоянные дворы и базары воспрещается.

Если в продолжение арендного срока мы, арендаторы, пожелаем приобрести арендуемый нами участок в собственность, то владелица г-жа Брусница обязана нам продать эту землю по 30 руб. за десятину и, в случае продажи нам земли, весь находящийся на участке лес еловый и пихтовый остается в пользу Брусницыной, который она имеет право вырубить без всякого вознаграждения нас, покупателей...»³³.

Арендуемая земля была разделена между хозяйствами пропорционально сумме взноса арендного условия³⁴.

Существующие хуторские земельные наделы вполне обеспечивали потребности в необходимом количестве земли для ведения комплексного сельскохозяйственного производства.

Из систем земледелия наиболее распространенным оставалось трехполье, с разделением пахотной земли на яровую, озимый и паровой клинья. «Севооборот – трехполье, с посевом обычных хлебов и, кроме того, – чечевицы»³⁵, «посевы распределяются по трехпольному севообороту, но без строгого чередования растений»³⁶, – так характеризовали земледелие в эстонских хуторах Даго. В Сивинском имении также преобладающей формой севооборота было трехполье³⁷.

В то же время хуторская форма расселения и землепользования давала широкие возможности для применения и более сложных систем севооборота, которые внедрялись по мере развития хозяйств. В хуторах Даго в 1900-е годы отдельные хозяйства применяли многопольные севообороты: «Применяются севообороты и травопольного типа, с использованием клеверным посевом в течение 3–4 лет. Так ведутся севообороты: у Д. И. Анц – 6–7-польный: 1– пар, 2 – рожь, 3 – овес, 4–7 – клевер; у Я. О. Янова – 9-польный: 1– пар, 2 – рожь, 3, 4 – яровое, 5– 8 – клевер, 9 – овес, лен и пшеница...»³⁸. В Сивинском имении многопольные севообороты

также вводились в хуторских хозяйствах. При многопольном севообороте чередование культур имело несколько вариантов: 1 – пар, 2 – рожь, 3 – овес с подсевом клевера, 4–6 – клевер, 7–8 – овес; 1 – пар, 2 – рожь, 3 – ячмень, 4–5 – клевер, 6 – пастбище, 7 – лен и картофель, 8 – овес³⁹. Основным удобрением земледельческих угодий был навоз. Унавоживание полей производилось ежегодно.

Из зерновых культур выращивали рожь, пшеницу, овес, ячмень, просо, гречу, сеяли горох, незначительными были посевы других культур⁴⁰. По площади посева первое место принадлежало ржи, затем шел овес, и далее – пшеница. Из технических культур высевали лен и коноплю. Набор зерновых и технических культур, сложившийся в эстонских хуторах, был схож с тем, что культивировали и в хозяйствах соседних народов, что в первую очередь было обусловлено природно-климатическими условиями региона. В среднем на одно хуторское хозяйство в Южном Прикамье приходилось 2, 62 десятины культивируемой земли, среди которых посевы зерновых и картофеля составляли: 1, 3 десятины ржи, 0, 9 – овса, 0, 15 – пшеницы, 0, 23 десятины картофеля. В сравнении с соседними немецкими хуторами площади возделываемой земли у эстонцев несколько выше, что объясняется более длительным сроком хозяйствования, в отличие от немецких хуторов, возникших в первое десятилетие XX в.⁴¹ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Площадь посева сельскохозяйственных культур⁴² (казенные десятины)

Населенный пункт / культура	Рожь	Овес	Пшеница	Горох	Картофель	Лен	Конопля	Ячмень	Проч.	Всего
Даго	20,75	16,75	2,87	1,25	3,00	0,50	–	–	1,38	46,50
Эстонский	4,75	1,99	0,48	0,24	1,36	–	–	0,48	–	9,30
Эстляндия	2,75	2,05	0,17	–	1,24	0,58	0,30	–	–	7,09
Итого	28,25	20,79	3,52	1,49	5,60	1,08	0,30	0,48	1,38	62,89

Технологии земледельческого производства были основаны на традиционных приемах: вспашки сохой, ручного сева и жатвы серпами. Более совершенные сельскохозяйственные орудия и машины, особенно в первые годы основания хуторов, широкого распространения не получили. Вспашку под яровые проводили осенью либо весной, в зависимости от состава почвы, под озимь – в середине лета. Особенности возделывания почвы в эстонских хуторах Даго передают материалы начала XX в.: «Заслуживают внимания следующие особенности здешней земледельческой техники. Паровое поле начинают обрабатывать только с конца июня и пахут два раза (после клевера – три раза). Унавоживают по 100 возов на десятину, не исключая и новой земли. Под яровые богатая перегноем (черная) земля пашется под зиму, серый же суглинок и подзолистые почвы, не обладая прочностью строения, после вспашки скоро припадают, оседают, а потому, чтобы не пахать два раза, их пахут перед посевом. Количество посевных семян велико: при ручном посеве ржи высевают 10 пудов, овса – 12 пудов. Семена заделывают бороной»⁴³.

В первые годы хозяйственного освоения Прикамья для возделывания земли использовались сохи, конструкции которых были характерны для эстонцев метрополии и традиции изготовления которых были перенесены при переселении. Информаторы отмечают разницу в эстонской сохе от тех пахотных орудий, которые использовало соседнее местное население, в том, что эстонская соха включала подрезные ножи-резаки, а также железные сошники. Лишь позднее получили распространение более усовершенствованные железные плуги с лемехами

с отвалом, часто фабричного или кустарного производства, которые уже в начале XX в. начинают вытеснять традиционные сохи. Вспаханную землю бороили, боронование проводили и после посева. Широкое распространение в эстонских хуторах получили рамные деревянные бороны с железными зубьями. Сев обычно проводили вручную из лукошка или сита.

Жатву также чаще всего проводили вручную серпами, низкие злаки скашивали также косой-литовкой с закрепленными в нижней части грабелями. Сжатые колосья собирали в снопы и ставили в баки или суслоны, затем скирдовали. Обмолот производили как вручную, цепами, так и с использованием механических машин – молотилок. Именно для молотбы часто использовались сельскохозяйственные машины – молотилки и веялки, обычно покупаемые в складчину несколькими хозяйствами и используемые поочередно. Распространение сельскохозяйственных машин в эстонских хуторах проходило медленно. При описании хуторов в конце XIX в. отмечалось, что «усовершенствованные орудия и машины, кроме молотилок, пока не употребляются»⁴⁴. С начала XX в. происходит более широкое распространение механических машин, не только веялок и молотилок, но и жнееклогобеек.

Особенностью хуторского хозяйства эстонцев Прикамья было культивирование клевера, использовавшегося как на сено, так и для получения семян на продажу. О посадках клевера в Сивинском имении отмечалось: «Из кормовых трав высевается, по преимуществу, клевер, посев которого вводится сейчас же, как только появляется некоторая обеспеченность расчищенной землей. Нет почти ни одного переселенческого хозяйства, где посев клевера еще не существует и которое не имело бы в виду пополнять запасы корма посевом этого злака в будущем...»⁴⁵. По сведениям подворной переписи крестьянских хозяйств Бирского уезда в эстонских хуторах Даго травосеянием занималось 6 из 12 хозяйств⁴⁶. В материалах начала XX в. сохранилось описание особенностей возделывания клевера в хуторах Даго: «Зато в высшей степени благоприятствуют естественные условия разведению клевера. В диком виде клевер встречается в здешней местности повсюду и иногда составляет преобладающую траву растительного покрова. Культура его здесь упрочилась и расширяется с каждым годом. Сеют клевер под овес, иногда в смеси с тимофеевкой. Семена заделывают боронованием, за которым следует укатывание. Траву высушивают в покосах, и лишь семенной клевер складывается для сушки на шесты и окончательно досушивается в риге. Сбор клеверного сена здесь достигает 400–450 пудов. При оставлении клевера на семена урожаи понижаются, и продолжительность пользования травяным участком сокращается до 3 лет (вместо 4–5)... В числе доходных статей колониста-хуторянина имеет известное значение продажа клеверных семян, которая иногда может дать хороший доход. Так, в прошлом году при 6 десятинах клеверного посева эстонец Деор Анц продал до 75 пудов клеверных семян на 450 руб.»⁴⁷.

В условиях сурового северного природно-климатического ландшафта эстонское хуторское хозяйство, хотя и представляло иную, несколько более совершенную форму организации сельскохозяйственного производства (хуторские земельные наделы, введение травосеяния), но оно также было «далекое от желательной более совершенной организации» и «может послужить разве первым начальным примером хозяйственного устройства местных крестьянских хуторов»⁴⁸. Адаптация к новым условиям шла не по пути появления существенных инноваций, а по пути сохранения традиционных навыков земледелия, особенно на первом этапе освоения эстонскими переселенцами земель Прикамья.

Животноводство

Животноводство также представляло одну из ведущих отраслей комплексного сельскохозяйственного производства хуторских хозяйств. В первую очередь оно удовлетворяло потребности в продуктах животноводства (мясо, молочные продукты). В значительной степени скот обеспечивал органическими удобрениями потребности земледельческого производства. Лишь в исключительных случаях животноводство было ориентировано на рынок. Исследование крестьянских хозяйств хуторов Даго показало развитие животноводства «для потребностей хозяйства»⁴⁹, такой же характер имело животноводство в эстонских хуторах Сивинского имения.

Обеспеченность скотом хуторских хозяйств была высокой, отчасти это компенсировало сложности с быстрым развитием земледельческого производства. Информаторы Сивинского района неоднократно отмечали, что в хуторах «скота держали много» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁵⁰. В хуторах Даго также указывали, «по три коровы, четыре коровы даже держали. Поросят сколько держали...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁵¹. По материалам 1908 г. отмечалось, что в эстонских хуторах Бирского уезда «среднее хозяйство держит 2 лошади, 4 коровы, 10 овец и 3 свиньи»⁵². Кроме мелкого и крупного домашнего скота, эстонцы разводили и домашнюю птицу, данные о которой не попадали в материалы по статистике крестьянских хозяйств. Почти в каждом хозяйстве содержались куры, некоторые информаторы указывали на разведение гусей.

Наиболее полные сведения об обеспеченности скотом крестьянских хозяйств эстонских хуторов отразились в Подворной переписи крестьянских хозяйств, проведенной в 1910 г. в Бирском уезде (см. таблицу 3).

Таблица 3

Наличие скота в эстонских хуторских хозяйствах⁵³

Населенный пункт	Численность скота										
	Лошадей (голов)			Крупного рогатого скота (голов)				Овец	Коз	Свиней	Всего хозяйств
	жеребцов и мерин	маток	подростков	быков и волов	коров и нетелей	подростков (1-2 года)	телят				
Даго	9	10	3	—	42	18	14	40	—	7	12
Эстонский	4	4	—	—	15	11	10	36	—	5	7

Из данных таблицы видна средняя обеспеченность скотом эстонского хозяйства. В хуторах Даго в среднем на одно хозяйство приходилось 1, 6 лошади без подростков, 3, 5 коровы, 2, 6 подростка и телят, 3, 9 головы мелкого скота. В возникших позднее эстонских хуторах, названных в переписи поселком Эстонский с 7 хозяйствами, обеспеченность скотом в среднем на хозяйство составляла 1, 1 лошади, 2, 1 коровы, 3 подростка и телят, 5, 8 мелкого скота. Эти показатели представляются достаточно высокими, так как в сравнении с соседними немецкими хуторами, в среднем в эстонском хозяйстве в 2 раза больше лошадей, в 2–3 раза больше мелкого скота, несколько больше коров и телят⁵⁴. В то же время данные в таблице цифры схожи

со средними показателями обеспеченности скотом хозяйств соседнего русского населения и опережают их только по количеству крупного рогатого скота⁵⁵.

Более подробные данные об обеспеченности скотом каждого из хозяйств показывают данные таблицы 4.

Таблица 4

Обеспеченность скотом эстонских хуторских хозяйств⁵⁶

Населенный пункт	Число наличных хозяйств с рабочими лошадьми					Число наличных хозяйств с коровами			Число наличных хозяйств с мелким и/или крупным скотом			Всего хозяйств	
	Безлошадные	1 голова	2 головы	3 головы	4 и более голов	Не имеющие	1 голова	2 головы	3 и более головы	Не имеющие	С одним мелким		С одним крупным
Даго	—	5	7	—	—	—	1	11	—	—	—	12	12
Эстонский	—	6	1	—	—	1	4	2	—	—	—	7	7
%	—	57,9	42,1	—	—	—	5,2	26,3	68,4	—	—	100	100

Материалы переписи показывают значительное обеспечение скотом эстонских хуторских хозяйств, они заметно выделяются на общем фоне развития хозяйства всей волости. Среди эстонских хозяйств не отмечено безлошадных, в то время как в немецких хуторах без лошадей находилось 50 % хозяйств, в русских деревнях – 11 %. Отмечается высокая обеспеченность крупным рогатым скотом. В среднем на хозяйство приходилось 2–3 коровы, в то время как в русских деревнях большая часть хозяйств (52, 4 %) имела одну голову крупного рогатого скота⁵⁷. Статистические материалы показывают значительную роль, которая отводилась развитию животноводства эстонцами хуторов Даго.

Несколько иная ситуация складывалась в Сивинском имении, где обеспеченность скотом выглядит в целом ниже, нежели в Бирском уезде. С одной стороны, это объясняется тем, что территории имения начали осваиваться несколько позже и крестьянские хозяйства находились на стадии формирования, с другой – тем, что в статистических материалах эстонские хутора не выделены среди других хуторских хозяйств района. В среднем в Сивинском имении из 355 хозяйств значительное большинство (62, 2 %) имело по одной рабочей лошади, 9, 6 % – две, 26, 8 % хозяйств были безлошадными. В большей части хозяйств (44, 4 %) имелась одна корова, в 24 (9 %) – две, 8, 4 – три коровы. Таким образом, среднее хозяйство имело одну рабочую лошадь и одну-две коровы. В то же время для хуторских хозяйств Сивинского имения в целом было характерно увеличение стоимости скота в сравнении с годом «водворения» на 57 %, что также свидетельствует о серьезном внимании, уделяемом хуторянами животноводству⁵⁸.

Часть выращенного скота шла на продажу. В Сивинском имении, как отмечают документы Крестьянского поземельного банка, годовая продажа скота на одно хозяйство составляла 6, 22 руб. ежегодно⁵⁹. На рынках в волостном селе Аскино мясной скот и мясо продавали и эстонцы хуторов Даго (Новопетровка)⁶⁰. Товарный характер в отдельных хуторских хозяйствах носило производство молочных продуктов, прежде всего масла, и это отмечалось в документах, например, об эстонских хозяйствах Даго Бирского уезда: «...для продажи на ближайшем рынке в с. Аскино, куда колонисты сбывают... топленое масло»⁶¹. Информаторы д. Новопетровки также отмечали, что при хуторском хозяйстве занимались изготовлением и

продажей масла, а семья Кестер была отмечена наградой на одной из губернских выставок в г. Уфе за высокое качество продукции⁶². Однако масштабы производства были небольшими, так как масло взбивалось домашними ручными маслобойками. Ориентация хозяйства на молочное производство и маслоделие в целом была присуща эстонским переселенцам и отмечается как характерная особенность эстонского хозяйства и в других регионах России⁶³.

Выпас скота каждое хозяйство организовывало самостоятельно. В одних случаях для выгона огораживался участок земли и скот пасся без пастуха, в других пастьбой скота занимался кто-либо из домашних. Обычно пастбища устраивали в неудобных местах, логах по берегам рек и ручьев, на опушках леса. В хуторах Даго «выгоном для скота служит лесной участок, отгороженный от остальных угодий, а также для этой цели эстонцы арендуют по 3–18 десятин лесного пастбища у казны и частных владельцев не дороже 1 руб. за десятину, скот пасется без пастуха»⁶⁴. В сивинских хуторах также отмечали, что «скот пасли сами. У нас в хуторе речушка, а около речки был лог. Коров и овец там пасли. Сюда выгоняли, тут и пасли» (Сивинский район, п. Северный Коммунар). Для выпаса скота использовали также паровые поля до посева на них озимых, а на озимых и яровых полях пасли осенью после жатвы. Индивидуальным выпасом скота хуторские хозяйства заметно отличались от русских и татарских деревень округи, в которых весь скот пасся на общем, специально отведенном участке.

Зимнее содержание скота в условиях Пермского Прикамья требовало заготовки кормов. Основой кормовой базы в стойловый период было сено. Сенокосы устраивали по краям полей, на лесных опушках⁶⁵. Однако своих сенокосов обычно не хватало, по этой причине была распространена аренда сенокосных угодий у соседей⁶⁶. Другим способом увеличения кормовой базы было культивирование клевера, которым занималась значительная часть хуторских хозяйств. Согласно материалам Сивинского имения в расчете на 1 десятину свои сенокосы давали 58 пудов сена, арендованные – 60 пудов, сбор клеверного сена составлял 104 пуда с десятины⁶⁷. Кроме сена на корм скоту использовалась также солома, в некоторых случаях, когда не хватало запасенных кормов, хуторяне вынуждены были покупать сено или солому. Статистические материалы того периода свидетельствуют о приобретении соломы эстонцами хуторов Даго как об обычном явлении⁶⁸.

Сено скашивали косами-литовками. В Сивинском имении сенокошение литовкой считалось необычным, характерным только для переселенцев, так как старожильское русское население пользовалось более архаичной косой-горбушей. Готовое высушенное сено обычно сразу отвозили на усадьбу: «У нас на поле солому и сено никогда не метали, а свозили в сарай. Или там дальше – как навес: тут столб, тут столб и тут – солома» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁶⁹. Хранение сена на усадьбе было характерно и для эстонцев хуторов Даго.

Другие хозяйственные занятия

За исключением земледелия и животноводства, другие хозяйственные занятия не получили широкого распространения у эстонских переселенцев. На вопросы о рыболовстве и охоте обычно информаторы отвечали: «Рыбачить и охотиться не было времени. Тут все с землей-то, с землей, со скотом...» (Сивинский район, с. Екатерининское)⁷⁰. Рыболовством занимались лишь единицы, а рыбалка носила любительский характер. Слабое развитие рыболовства отчасти объяснялось и отсутствием рек в непосредственной близости к хуторским поселениям как в Октябрьском, так и Сивинском районах. И, хотя ружья имелись во многих хуторских хозяйствах, они использовались, как правило, для защиты от зверей, выходивших к жилищу человека, поскольку хутора располагались поблизости от лесных массивов, и в редких случаях – собственно для охоты.

Отдельные семьи в эстонских хуторах занимались пчеловодством. Пасеки были небольшими, до десятка ульев, и обычно располагались на усадьбе. Мед использовался лишь для домашнего потребления. Пчеловодство получило большее развитие в хуторах Даго, нежели в хуторских хозяйствах Сивинского имения.

Сборы грибов, ягод и дикорастущих растений, особенно в тяжелые годы, были серьезным подспорьем крестьянскому хозяйству. Значительное влияние на формирование этого комплекса традиций оказало соседнее население. Собирали дикорастущие ягоды – землянику, клубнику, смородину, черемуху, малину. В д. Новопетровке и сегодня вспоминают, что эстонцы в прошлом не употребляли в пищу грибы, а стали использовать их в питании только в послевоенные годы: «Мамаша [мать мужа. – Авт.] у нас грибы вообще не ела, муж не ел. Они не собирали грибы. Коля научился грибы есть только от меня. Я начну грибы есть, они не едят. А потом муж стал есть грибы. А грибов столько ведь было, не ели дак. На хуторе жили, идешь возле леса, хоть пинай эти рыжики, никто их не собирал, раз не ели» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁷¹. В Сивинском районе, наоборот, как отмечают информаторы, эстонцы достаточно рано освоили местные лесные ресурсы и активно употребляли в пищу грибы: «У нас около хутора много грибов было. Я помню, сестры ходили, меня с собой брали тоже за грибами» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁷²; «В детстве мы, ребята, все грибы ели. Грибной год дак» (Сивинский район, п. С. Коммунар)⁷³. Из дикорастущих трав в пищу использовали щавель, горькую редьку, пиканы. В Сивинском районе весной собирали побеги хвоща полевого – пистики, которые также использовали для приготовления отдельных блюд. Сбор и употребление пистиков, несомненно, были восприняты от соседнего русского населения, активно использовавшего этот дикорос в питание.

Наличие значительных лесных массивов на хуторских участках требовало от переселенцев постоянно заниматься вырубкой леса. При этом срубленный лес шел как на нужды своего хозяйства, так и на продажу. Сельскохозяйственные статистики отмечали про хутора Даго, что «часть населения по зимам занимается рубкою леса»⁷⁴, «при этом крупный материал вырубался для себя и на продажу, мелкий – сжигался в кострах»⁷⁵. В Сивинском имении также утверждали, что, «отдавая лесу много труда и времени, переселенцы и берут от него немало: помимо пахотных угодий, они получают от него весь нужный им строительный и дровяной материал как для домашних потребностей, так и для продажи...»⁷⁶.

Промыслы и ремесла

Ориентация эстонского хуторского хозяйства на внутреннее производство и потребление, слабая покупательская способность обусловили сохранение и развитие домашних промыслов и ремесел. Необходимость самим изготавливать орудия труда, утварь, строить избы способствовала сохранению и передаче из поколения в поколение технологических знаний и навыков ткачества, обработки металла, дерева, шерсти, кожи, изготовления предметов одежды. Сами эстонцы отмечали высокое развитие домашних промыслов и ремесел в их хуторских хозяйствах: «Все мастеровые люди были, любое мастерство... Кузнецы были, чеботари были, бондари были» (д. Новопетровка)⁷⁷.

Работы, связанные с заготовкой и обработкой дерева, считались мужскими занятиями. Строительство жилых домов и хозяйственных построек производили своими силами, без привлечения плотников-мастеров, и это способствовало сохранению и передаче традиционных навыков плотницкого дела. Необходимые орудия труда (вилы, сохи, бороны, рукояти для кос, серпов, топоров и т. д.), транспортные средства (сани, телеги, лыжи и др.), утварь (ложки, корыта, деревянные тарелки и пр.) также большей частью изготавливались в каждом хозяйстве либо приобретались или заказывались у деревенских мастеров, лишь в отдельных случаях их покупали на ярмарках и базарах. Во многих хозяйствах имелся и разнообразный плотницкий и столярный инструмент (топоры, скребки, верстаки и др.). Особым спросом пользовалась в эстонских хуторах долбленая деревянная посуда – липовые бочки-кадушки, служившие для хранения меда, круп, других продуктов. Изготовлением мебели также занимались почти в каждом хозяйстве, в то время как более сложные изделия – шкафы, сундуки, кровати, комоды обычно делали лишь отдельные мастера на заказ. Получило распространение в эстонских хуторах бондарное дело, изготовление ведер, бочек и бочонков. Широкому использованию в хозяйстве деревянных изделий, а также распространению промыслов и ремесел, связанных с обработкой дерева, способствовали и наличие значительных лесных массивов, доступность и дешевизна сырья, сохранявшиеся традиции плотницкого, столярного, бондарного дела.

Навыки кузнечного дела также были принесены еще со старой родины. Как отмечали в д. Новопетровке, среди переселенцев были специалисты-кузнецы. При переселении были привезены и некоторые скобяные изделия, до сих пор хранящиеся и использующиеся в хозяйстве.

Были в эстонских хуторах и мастера, знающие технологии выделки овчин для изготовления шуб и тулупов, владевшие и секретами мастерства обработки кожи. Кожа домашней выделки использовалась для изготовления необходимых в хозяйстве ремней, конской упряжи, а также для изготовления ремней и обуви (поршней, сапог, ботинок).

Особым качеством отличалась конская упряжь, изготовленная эстонскими мастерами д. Новопетровки: «Сбруя все была такая же, как по-русски, но то, что покрепче, может, была. Эстонцы больше кожу делали, кожаную. Сбруя была очень хорошая» (д. Новопетровка). Нарядной и богато украшенной была праздничная выездная кожаная сбруя, которая и сегодня сохраняется и используется в некоторых эстонских хозяйствах. Несколько праздничных сбруй сохранилось в д. Новопетровке в семье И. Лякка, в прошлом одного из лучших мастеров конской упряжи всей округи. Его изделия и сегодня используются не только в Новопетровке, но и в марийских, татарских и русских деревнях округи. Упряжь, бытовавшая в д. Новопетровке, не отличалась от той, что использовалась в округе: на лошадь надевали уздечку, затем хомут, дугу и гужами закрепляли две оглобли. Праздничная упряжь богато украшалась. Хомут и шлея покрывались медными пластинами и бляшками, в форме круга, сердечек, более сложных фигур, с медными кольцами и застежками. Другим вариантом украшения была орнаментация черных кожаной шлеи и хомута белыми раковинами каури. Третья праздничная

сбруя И. Лякка была украшена бляшками из светлого металла. Такая нарядная сбруя была обязательным элементом праздничного выезда. Украшенная сбруя готовилась не только для одноконной запряжки, отдельные комплекты праздничной сбруи предназначались для выездных троек⁷⁸. Будничную упряжь обычно не украшали, готовили из кожи среднего и грубого качества выделки, а наиболее простым вариантом упряжи, характерным для бедных хозяйств и также, по воспоминаниям старожилов, использовавшимся в первые годы обустройства на новых землях, была лыковая упряжь: «Первые, кто приехал, они тоже из лыка упряжь всю делали, лыко все отвечало, и гужи и узды – все из лыка. Кожи взять негде было. В Эстонию потом в письмах писали, что за день можно сбрую сделать, там не знали, что такое кочечик [кочедык. – *Авт.*], они думали, что это такое и как им можно сбрую сделать и так быстро. Вот удивлялись» (д. Новопетровка)⁷⁹.

Одним из распространенных занятий в эстонских хозяйствах было мыловарение. Технология приготовления мыла в домашних условиях раскрывается в воспоминаниях информаторов: «Мыло обычно варили. Котел большой бывает, туда накладывают мясо разное, не нужное или подпорченное, всякие остатки и кишки. Обычно кишки собирали, мыли, морозили, не один месяц собирали, чтобы потом сварить, и негодное мясо, испорченное мясо.

Потом кладут туда каустик, каустик где-то находили. У Ивана Лякка целая кадца была, давал он по кусочку. Кости все изъест каустик. Внизу идет настоящее белое мыло, как сейчас хозяйственное. Поскольку оно было в котле, оно было кружками. Его разрезали и сушили. На три качества его делили. Самое нижнее – самое хорошее. Плохое остается, тоже не выбрасывали, оно черноватое, но не выбрасывали. Хоть что-нибудь да мыли. Они были экономные. Самоварка была даже... землянка выкопана, чтоб пожара не было. Но не все так, и дома варили в котле» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁸⁰. В сивинских хуторах также часто вспоминают о мыловарении: «Делали мыло для хозяйственных нужд, резали и на полатах сушили. Брали каустик. Ну и то, что оставалось от убоя скота. Овец там забивали, телят. Варили, и получалось мыло» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁸¹. Полученное домашнее мыло предназначалось только для употребления в своем хозяйстве, иногда раздавалось родственникам, знакомым, реже – обменивалось и продавалось.

Традиционными женскими занятиями считались все работы, связанные с обработкой льняного волокна и шерсти. Льняную кудель и шерсть пряли на механической самопрялке. В эстонских хуторах были известны разные варианты самопрялок, в д. Новопетровке использовали самопрялки-лежаки, а в эстонских хуторах Сивинского района были известны как самопрялки-лежаки, так и стояки. При прядении волокно и шерсть держали в руках и выдвигали нить, которую собирали на самопрялку. При прядении льняной кудели иногда к самопрялке в верхней части устанавливали небольшую лопасть, на которой закрепляли кудель. Прялка включалась в состав приданого невесты либо дарилась во время свадьбы: «Эта прялка от мамы, когда мама с папой поженились, бабушка сказала: «Теперь ты берешь себе жену, должно быть у нее орудие, чтоб она прядла». И вот им на свадьбу подарили эту прялку. Она по-эстонски прялка сделана, эстонец делал» (д. Новопетровка)⁸². По мнению самих эстонцев, обработка шерсти составляла значительное место среди домашних промыслов и ремесел. Как отмечают информаторы, «овец держали помногу». Часть обработанной шерсти шла на продажу, другая прялась и использовалась в хозяйстве для производства домашнего сукна и полусукна, вязания. Шерсть чесали не только вручную, в Сивинском районе некоторые хозяйства имели механические шерстобитки: «Овец держали, а надо же еще счесать шерсть, а ее ведь много бывало. Вот отец людям это и делал, чесал эту шерсть. Машина у него была, шерстобитка. Ее вручную крутят, шерсть бросают, она чешется, в конце выходят валки такие, снимают ее, шерсть, она такая мягкая, пушистая. Потом прядут нитки, вяжут. И валенки катают с этого...»⁸³. Чаще всего использовали шерсть естественных, неокрашенных цветов, нити пряли отдельно из чер-

ной или белой шерсти, для получения серого цвета уже при чесании смешивали черную и белую шерсть. В редких случаях, когда необходима была цветная шерсть, моты шерстяных нитей окрашивали.

Пимокатный промысел не получил широкого распространения в эстонских хозяйствах. Первоначально валенки обычно приобретали у соседнего русского населения, они считались дорогой, праздничной обувью. Часто заказывали изготовить валенки из своей шерсти, поэтому часть работы по обработке шерсти заказчик производил самостоятельно.

Необходимость в одежде и бытовых тканях обусловила развитие ткачества. Эстонские традиции и технологии ткачества сохранялись во всех хуторских поселениях Прикамья. Для ткачества эстонцы использовали традиционный ткацкий стан, часть деталей которого была привезена из Эстонии, например, медные берда для прибивания нитей. Другие элементы стана были изготовлены на месте. Эстонский ткацкий стан был значительно шире, нежели стан соседних народов, русских и татар: «Ткацкий станок, пожалуй, ничем не отличался. Так же, как у русских сделанный станок, только он был пошире, русский-то узкий» (д. Новопетровка)⁸⁴. Ширина ткацкого стана и полотна, вытканного на нем, варьировалась от полуметра до полутора – двух метров. При ткачестве широкого узорного полотна за ткацким станом могли работать одновременно две мастерицы. Для ткачества использовались как льняные и шерстяные нити домашнего изготовления, так и покупные хлопчатобумажные и шерстяные нити. Эстонцы изготавливали хлопчатобумажные, льняные, шерстяные и полушерстяные ткани. К сожалению, сохранилось очень немного образцов ткачества, для того чтобы в полной мере представить технологический и декоративный ассортимент тканых изделий. Эстонцы Новопетровки отмечают высокое качество домашнего сукна: вытканное в середине XX в., в некоторых семьях оно и сейчас сохраняется в предметах одежды и бытовых тканях. О черном домашнем ткачестве сукне в Новопетровке говорят: «Обрабатывали не хуже, чем сейчас фабричное сукно» (д. Новопетровка)⁸⁵. Бытуют разные житейские истории: «Ткали раньше сами. У нас бабушка очень хорошо ткала. Сукно так хорошо ткала. Сами-то шить не могли по-настоящему. Дядька один у меня работал на железной дороге в городе Красноуфимске, и отсюда они повезли сукно туда, в мастерскую, шить костюм. И мастер там говорит: «А вы где такой материал брали?» Дядя отвечает: «Как где брали, это мать выткала». – «Как мать выткала!? Такое сукно мать выткала? Не может быть! Это фабрика сделала». Дядя говорит: «Нет, это мать выткала» (д. Новопетровка)⁸⁶. У эстонцев Сивинского района до настоящего времени сохраняются домотканые льняные белые простыни, а также полушерстяные цветные одеяла. Домотканые одеяла представляли собой цельное широкое полотно, сотканное из льняных (основа) и шерстяных (уток) нитей. При этом нити утка заметно доминировали над нитями основы. Орнаментация одеял выполнялась в виде поперечных разноцветных полос естественных оттенков некрашеной шерсти (черные, белые, серые), в других случаях полосы выполнялись из цветной крашеной шерсти более ярких оттенков (красного, белого, черного и др.).

К традиционным женским занятиям следует отнести также и вязание. Обычно на пяти спицах вязали изделия из домашних шерстяных нитей – варежки, носки, чулки, а позднее также и шерстяные шали. Узорное двухцветное и многоцветное вязание, использовавшееся для орнаментации варежек и поголешек чулок ярко характеризует эстонскую традицию и свидетельствует о том, что технологические и декоративные навыки вязания были перенесены со старой родины и сохранены в Прикамье. Для орнаментации бытовых тканей использовалась также и вышивка. Вышивали полотенца, вензеля на простынях и наволочках, реже орнаментировали вышивкой женские кофты. Обычно использовали техники стебельчатого и тамбурного шва, вышивку гладью. К женским домашним ремеслам можно отнести также и технологии изготовления предметов одежды, бытовых тканей.

Ориентация хуторского хозяйства на сельскохозяйственное производство, изготовление орудий труда и утвари лишь для внутреннего потребления, слабое развитие рынков сбыта и товарно-денежных отношений не способствовали развитию в эстонских хуторах кустарных промыслов и ремесел.

Таким образом, домашние промыслы и ремесла обеспечивали крестьянское хуторское хозяйство необходимыми орудиями труда, транспортными средствами, утварью, предметами быта. Большая часть изделий производилась внутри эстонских хуторских поселений и была ориентирована на внутреннее потребление, что обеспечивало сохранение этнической специфики в созданных предметах. Технологические и декоративные традиции ткачества, вязания, создания и орнаментации конской упряжи, обработки дерева позволяли эстонским мастерам создавать высокохудожественные произведения народного декоративно-прикладного искусства.

* * *

Таким образом, хозяйство эстонских переселенцев в Пермском Прикамье имело ряд характерных особенностей, основной среди которых была сама форма организации крестьянского хозяйства – хуторская. Все эстонские переселенцы в регионе создали и развивали именно этот тип хозяйственной организации. Ведущие роли среди сельскохозяйственных занятий принадлежали земледелию и животноводству. Вспомогательные роли в хозяйственных занятиях играли пчеловодство, а также охота, собирательство, рыболовство. Ориентация хозяйства на внутреннее потребление, необходимость в производстве орудий труда и предметов быта обеспечили развитие домашних промыслов и ремесел. Обеспеченность хозяйств собственными земельными наделами, достаточными для земледельческого производства, способствовала динамичному развитию эстонских хуторов. Комплексный характер сельскохозяйственного производства, давние традиции земледелия и животноводства, относительная схожесть природно-климатических условий со старой родиной обеспечили высокую адаптивную способность эстонских крестьян в условиях вновь осваиваемого региона. Уже в начале XX в. наблюдавшие развитие эстонских хуторов Прикамья выделяли эстонских переселенцев как наиболее способных «акклиматизироваться» в условиях Прикамья⁸⁷.

Традиционные навыки ведения хозяйства, перенесенные на новую родину, сохранялись, адаптируясь к региональным природно-климатическим условиям, инновации в хозяйстве отмечались в первую очередь за счет внедрения новой техники, в меньшей степени – за счет включения иноэтнических инноваций.

Хуторские хозяйства как форма жизнеобеспечения и ведения сельского хозяйства у эстонцев сохранялись вплоть до начала 1940-х годов, когда они были принудительно ликвидированы в результате коллективизации.

Примечания

¹ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 68, л. 33.

² СРА. Широков М. Через годы и страдания.

³ Смирнов Н. Ф. Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1908. С. 25.

⁴ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.

⁵ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 25.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 972, л. 1–8.

- ⁷ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 25.
- ⁸ По материалам: Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250–253.
- ⁹ По материалам: Подворная перепись крестьянского хозяйства... С. 250–253.
- ¹⁰ Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909. 12 сент.
- ¹¹ Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911. С. 22.
- ¹² ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 11, л. 66.
- ¹³ Там же. Д. 98, л. 5.
- ¹⁴ Там же. Л. 66; Там же. Д. 11, 98, л. 250–253; Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008. С. 53–55.
- ¹⁵ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 286–287.
- ¹⁶ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁷ А. П. Поездка в Сивинское имение...
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 98, л. 5–8.
- ²² Справка о положении... С. 22.
- ²³ Поездка в Сивинское имение...
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 11, л. 13.
- ²⁶ Поездка в Сивинское имение...
- ²⁷ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 98, л. 123.
- ²⁸ Там же. Д. 12, л. 7об.
- ²⁹ ПКМ. Материалы экспедиции в Сивинский район Пермской области 1988 г. Рук. С. А. Димухаметова.
- ³⁰ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 11, л. 66, 79об.
- ³¹ Там же.
- ³² Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928.
- ³³ ЦГИАРБ. Ф. 336, оп. 1, д. 2899, л. 1–2.
- ³⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899. С. 38.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 26.
- ³⁷ Справка о положении... С. 24.
- ³⁸ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 26.
- ³⁹ Справка о положении... С. 24.
- ⁴⁰ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 25; Справка о положении... С. 26–28.
- ⁴¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Указ. соч. С. 56.
- ⁴² По материалам: Подворная перепись... С. 250–253.

- ⁴³ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 27.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Справка о положении... С. 24.
- ⁴⁶ По материалам: Подворная перепись... С. 250–253.
- ⁴⁷ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 27–28.
- ⁴⁸ Там же. С. 28.
- ⁴⁹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии... С. 38.
- ⁵⁰ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁵¹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ⁵² Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 27–28.
- ⁵³ По материалам: Подворная перепись... С. 254.
- ⁵⁴ Вайман Д. И., Черных А. В. Указ. соч. С. 63.
- ⁵⁵ По материалам: Подворная перепись... С. 254.
- ⁵⁶ Подворная перепись... С. 250–257.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Справка о положении... С. 19–20.
- ⁵⁹ Справка о положении... С. 19.
- ⁶⁰ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 26.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁶³ Коровушкин Д. Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири. Расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2008. С. 28–29.
- ⁶⁴ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 27–28.
- ⁶⁵ Сборник статистических сведений... С. 38.
- ⁶⁶ Справка о положении... С. 22–23.
- ⁶⁷ Справка о положении... С. 29.
- ⁶⁸ Сборник статистических сведений... С. 38.
- ⁶⁹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁷⁰ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.
- ⁷¹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ⁷² ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁷³ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ⁷⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии... С. 38.
- ⁷⁵ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 25.
- ⁷⁶ Справка о положении... С. 21.
- ⁷⁷ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ⁷⁸ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.

⁷⁹ Там же, он же.

⁸⁰ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.

⁸¹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.

⁸² ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.

⁸³ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.

⁸⁴ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.

⁸⁵ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.

⁸⁶ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.

⁸⁷ Поездка в Сивинское имение...

Глава III

Традиционная культура эстонцев Прикамья в конце XIX – первой половине XX в

Поселения

Этническая специфика проявляется в разной сфере жизнедеятельности этнических общностей, в том числе в планировке и организации поселений. Основным типом расселения эстонцев в Пермском Прикамье следует назвать хуторской, характерный как для колонии Даго, так и эстонских поселений Сивинского имения. Хутор представлял собой земельный участок с расположенной на нем усадьбой. В эстонских хуторах Даго отдельные земельные наделы находились смежно и граничили друг с другом. Группы хуторских хозяйств и образовывали поселения, получившие названия Даго, Линдовка, Эстонский и т. д. Схожий характер расселения отмечался у эстонцев и в Сивинском имении Оханского уезда. Хутора были характерны и для сету: «каждый ставил усадьбу на своем поле, на своих полях чистили и строили...» (Сивинский район, с. Сива)¹, соседние хутора сету располагались на смежных участках. Группа хуторов получила название Печера. Эстонские хутора в Екатерининской волости у села Серафимовского также представляли собой земельные участки со стоящими на них усадьбами, при этом эстонские хутора не всегда располагались на смежных земельных участках, в некоторых случаях они перемежались с хуторскими участками русских и белорусов². Эстонские хутора этой части Сивинского имения не имели своего общего названия и в большей части документов, в том числе и в Списках населенных пунктов, отмечены как хуторские поселения с названием по хозяину хутора³.

В хуторах Бирского уезда существенные проблемы были с обеспечением водой, так как приобретенная эстонцами земля находилась на водоразделе. Обычно в хозяйствах прибегали к сооружению верховых колодцев: в неглубокой яме с утрамбованным глиняным дном и стенами собирали талую и дождевую воду. Обычно такие колодцы успевали наполниться талой водой настолько, что воды в них хватало почти на весь летний период. О проблемах с водоснабжением неоднократно упоминали информаторы: «Воды-то нет, вообще воды не было. С открытых водоемов брали. Звали их *колодцы* – воду там накопляли, наливали туда. Когда я замуж вышла, ребята появились, стирать надо, нечем стирать даже...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁴; «Там были колодцы верховые выкопаны, верховые колодцы, не глубинные. Тут, видишь, провалы, и провалов очень много, уходит вода в провалы. Верховые колодцы – они неглубокие, в рост человека примерно. Весной из дождей вода попадает, ее и пользуешь» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁵. В случае, если воды в верховых колодцах не хватало в летнее время, воду привозили из небольшого ручья, текущего недалеко от хуторов: «У нас так там лог, сухой лог. Там пасалась вода, оттудова возили летом, если уйдет с колодцев уже, кончится. Видишь, лес был, дак и вода была, в низких местах вода стояла...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁶. В зимнее время использовали также талую снежную воду. Схожие проблемы с водоснабжением были характерны и для соседних немецких хуторов⁷. В то же время в Сивинском имении подобных проблем с водой не существовало, каждое хуторское хозяйство, как правило, заводило на своей усадьбе колодец.

Хуторская система расселения была ликвидирована в 1939–1940 гг., когда хутора были сселены в более крупные населенные пункты. В Октябрьском районе усадьбы из хуторов были

свезены и поставлены в одну улицу на хуторской же в прошлом земле, где уже стояла часть усадеб. Новая «уплотненная» деревня сохранила старое название группы поселений – Новопетровка и оставалась по преимуществу эстонской. Новый облик деревни – одна вытянутая улица со стоящими по обеим сторонам усадьбами – сохраняется и до настоящего времени.

Ликвидация хуторов в Сивинском районе привела к тому, что эстонцы вынуждены были переселиться в более крупные населенные пункты, этнический состав которых оказался смешанным. Среди жителей деревень были русские, белорусы, комипермяки, латыши. Бóльшее число бывших хуторян осело в селах Сива, Екатерининское, Серафимовское, поселке Северный Коммунар и окрестных деревнях. При этом расселение происходило дисперсно, эстонцы не образовывали компактных улиц и кварталов в новых населенных пунктах, что не только изменило относительно компактный в прошлом характер расселения, но и сказалось на судьбах этнической культуры.

Усадьбы и жилища

Традиционное крестьянское жилище эстонцев, так называемая *жилая рига*, представляло собой своеобразный комплекс, в котором под одной крышей были объединены изба (рига), гумно и *каморы*, и одновременно служило и жильем, и местом обработки зерновых культур⁸. В плане оно представляло собой длинный многокамерный прямоугольник. К концу XIX в. *жилая рига* претерпела несколько конструктивных изменений. В качестве жилой части выделилась *камора*, она могла делиться на комнаты и кухню. Рига-изба, выполнявшая до середины XIX в. основную функцию жилого помещения, сохранялась как хозяйственное подсобное помещение. Также дом продолжал включать большое гумно, на котором обмолачивали зерно и хранили сельскохозяйственный инвентарь⁹. В южных районах Эстонии появляется тенденция ставить жилище отдельно от гумна. Такая постройка состояла из двух-трех комнат, чулана и кухни¹⁰. Дома эстонцев-сету были схожи по конструкции с западнорусскими вариантами, состояли из отапливаемой избы и холодных сеней¹¹. На эстонских усадьбах также располагались клети, хлев, навесы для скота, летняя кухня, в некоторых местах строились бани¹². Рядом с двором или напротив него, через дорогу (в зависимости от планировки поселения), располагали огороды и пашни¹³.

Строительство домов эстонцами на территории Пермского Прикамья относится к концу XIX – середине XX в. Согласно источникам, по прибытии на новую территорию эстонцы сооружали традиционные и привычные для них постройки, более архаичные и простые по сооружению: «Но первый житель, который приехал, он сперва строил сушилку, ригу. А в риге там уголок такой, поменьше, чтобы было где спать, поесть. Считай, что за углом в риге, угол такой ограждали. А там же печка большая, как вот наша кухня» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁴; «Вперед-то говорят, что они вовсе на земляном, как в гумне-то, и жили. Ни пола, ничё не было. Пока строились» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁵. А к середине XX в., когда распространились механические молотилки, крестьянские хозяйства объединялись в колхозы, а хутора ликвидировались, гумна-риги были преобразованы в общественные конюшни или другие хозяйственные подсобные помещения.

Однако наиболее типичной усадьбой для эстонцев Прикамья при хуторском расселении была открытая усадьба с отдельно стоящими жилыми и хозяйственными постройками. Такие усадебные комплексы реконструируются как по планировке хуторских поселений, сохранившихся в архивных собраниях, так и по фотографиям эстонских хуторов Сивинского имения. Информаторы также неоднократно указывали на преобладание именно такой усадьбы: «Раньше на хуторах конюшни не было внутри с домом. Конюшни делали далёко, метров пятьдесят, наверно, от дому конюшни были. Там был сарай, амбар рядом стоял, рига там была. У каждого хозяина была рига сделана. Это уж редко, наверно, у кого не было риги. А счас всё под одну [крышу] строят...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁶. «На хуторе дом отдельно стоял, потом дом вместе со двором строили» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁷. Эстонцы-сету Сивинского района также указывали на такой вариант усадьбы: «[– Под одной крышей было?] Нет, тут – избушка, тут – конюшня, там – банька маленькая» (с. Сива)¹⁸.

Сселение хуторов привело к новой трансформации усадебного комплекса. С одной стороны, на усадьбах исчезает значительное число хозяйственных построек, как правило, связанных с технологическими процессами обработки и хранения зерна: гумна-риги, зерновые амбары. Усадебный комплекс сохраняет кроме жилых лишь комплекс животноводческих построек (конюшен), а также сараи и бани. В д. Новопетровке Октябрьского района, представлявшей моноэтническое поселение, сложился особый тип однорядной усадьбы в линейном или

Г-образном варианте), располагавшейся вдоль или торцом к улице. Жилые и хозяйственные постройки располагались под одной крышей друг за другом. Одну часть усадьбы занимали жилые помещения, далее располагался крытый двор с конюшнями и другими хозяйственными службами (сараями, колодцами, небольшими амбарами, мастерскими). Отдельно от основной части на приусадебном участке располагались лишь бани, мыловарни, копильни, мастерские. Такой вариант усадьбы (однорядная закрытого типа) был характерен и для соседнего населения округа – немецкого, русского и татарского. Таким образом, можно констатировать эволюцию и адаптацию усадебного комплекса эстонцев в сторону единства с соседними народами, создавшими единый историко-этнографический район с общими чертами в типологии усадьбы и жилища.

В Сивинском имении ликвидация хуторов также привела к значительным инновациям эстонских усадеб, которые в это время располагались преимущественно в русских селах и деревнях и постепенно приобретали черты однорядных и двухрядных закрытых усадеб либо сохраняли открытый двор, становились близки усадебным типам, в целом преобладавшим в локальной традиции Сивинского района.

В качестве строительного материала использовали чаще всего хвойные породы деревьев – ель, сосну, пихту, в то же время некоторые информаторы отмечали, что в первые годы обоснования на новых землях для строительства жилища использовали и лиственные породы, например осину. Постройки были преимущественно срубные. Венцы рубили главным образом «в чашу» («в обло»), хотя были известны и другие способы соединения бревен в срубе, как, например «в угол» («в лапу») без остатка, при котором бревна не выходили за угол сруба. Информаторы также указывали на такой способ рубки как традиционно эстонский: «У нас на хуторе дом был, он был рубленный по-эстонски...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁹. Для строительства хозяйственных построек в редких случаях использовалась и заплотная техника.

Крыша на жилых и хозяйственных постройках чаще всего была двускатной, реже – на четыре ската. В сивинских хуторах на постройках с двускатной крышей в верхней части могли выполнить небольшой крытый скос. В д. Новопетровке, по воспоминаниям старожилов, все постройки первоначально были крыты соломой: «Снопиками солома была, и всё было под соломой. И жилой, и всё было под соломой. И сараи соломой были крыты» (Октябрьский район, д. Новопетровка)²⁰. В дальнейшем солома использовалась чаще лишь для покрытия хозяйственных служб, а с середины XX в. соломенные крыши выходят из бытования. Крыши крыли соломой по деревянной обрешетке, укладывая на нее небольшие снопики. В Новопетровке еще сегодня бытует предание о том, как помещик приглашал эстонских мастеров, чтобы те покрыли снопиками соломы крыши на гумнах в тюинском имении – «помещику очень это понравилось, по-эстонски», в то время как местное русское население использовало другой способ покрытия соломой хозяйственных построек. В Сивинском имении, наряду с соломой, достаточно распространенным был другой способ покрытия кровли – дранкой. Дранку изготавливали из небольших чурок с помощью специального прибора: «Была какая-то машинка, чурки закладывали, они вылетали такие не толстые» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)²¹. Дранка, как и солома, крепилась к «обрешетнику», отличалась особой прочностью и долговечностью и, по мнению стариков, была предпочтительнее соломы и теса.

Надворные постройки эстонцы сооружали по известным им традиционным моделям. Помещение для скота – хлев или конюшню – ставили недалеко от дома. Пол в конюшне был земляной, в холодное время его устилали соломой. Рядом с конюшней находился сарай – сеновал, где хранили сено и солому. Эстонцы подчеркнуто отмечали, что не оставляли корм скоту в стогах на полях, как это делали русские соседи, они обязательно убирали под крышу и сено, и солому.

Для хранения зерна сооружали амбары. Эстонское название этих построек в памяти потомков переселенцев не сохранилось, а в зафиксированных материалах они обозначены уже по-русски – амбарами. Дощатый пол амбара настилался достаточно высоко от земли. Внутреннее пространство делилось на сусеки, в которых хранили зерно, а под самой крышей были установлены специальные жерди, на которые вывешивали сыр и другие продукты. О таких амбарах рассказывали эстонцы сивинского имения: «Здесь был амбар. Почему-то вот высоко над землей полы, и поэтому тут была широкая лестница, назывались *пятра*, не знаю, почему. Там для хлеба были сделаны сусеки. Потом под крышей были такие... как вешала. Вешали сыры» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)²².

Во многих хозяйствах имелись свои бани. Обычно их ставили на некотором отдалении от жилых домов. Бани сначала топились по-черному, позже появились белые бани. Баня делилась на две части – парильную с каменкой и предбанник. Бани были привычным делом в эстонских хуторах, известны они и в Эстонии. Однако в некоторых семьях бань не было, и те, кто не успел построить собственной бани, мылись у соседей или купались в больших кадушках: «Мылись, кадки [для этого] большие были. В большой бочке купались» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)²³.

Для эстонцев были характерны разные типы жилища, преимущественно многокамерные. Сохранились единичные упоминания об однокамерных жилищах, но такие дома, как правило, в дальнейшем достраивались и также превращались в двухи более камерные: «Дом был, не успел достроить отец, как одна комната, ни сеней, ничего, как выйдешь – сразу лес» (Октябрьский район, д. Новопетровка)²⁴. Широко распространенным вариантом представляется двухкамерное жилище, состоящее из сеней и жилого помещения, известны трехкамерные жилища, состоящие из двух жилых помещений и сеней. Постепенно более распространенным жилищем становится пятистенок, срубное жилище, разделенное на две части капитальной стеной.

Таким образом, традиционная усадьба и жилище у эстонцев в Пермском Прикамье до середины XX в. основывались на известных им традиционных типах. Причем в строительстве проявлялись как более древние, так и новейшие на тот момент черты. Это объясняется тем, что после миграции в первую очередь для закрепления на новой земле использовались простые способы, а затем постройки совершенствовались в соответствии с потребностями и знаниями строительного мастерства. Некоторые элементы жилища и его интерьера претерпели изменения, стали практиковаться новые методы строительства (битые печи), появились новые детали в убранстве жилища, воспринятые от местного населения. Особенно интенсивная трансформация усадебного комплекса наблюдалась в середине XX в. при ликвидации хуторов и размещении эстонских хуторян в других типах поселений. Сравнивая сложившуюся культуру жизнеобеспечения эстонцев в Пермском крае и в других регионах России, в частности в Верхнем Приобье, можно отметить общие для них черты, связанные с этническими традициями народа, а также восприятие типов и технологий, широко распространенных в России, и отличия, обусловленные локальными вариантами развития домостроительства.

Интерьер жилища

Изучение внутренней планировки эстонского жилища Прикамья также затруднено, так как в настоящее время традиционных построек почти не сохранилось. Однако некоторые особенности интерьера эстонского жилища реконструируются по воспоминаниям.

Внутренняя планировка и интерьер домов эстонцев Прикамья сохраняли некоторые самобытные черты до середины XX в. Особенностью интерьера было выделение нескольких функциональных зон. В Новопетровке обычно при входе располагалась кухня, а в глубине жилого помещения устраивалась одна большая или две (большая – зал, поменьше – спальня) комнаты. Кухонную часть от остального жилого пространства обычно отделяли печь и деревянная заборка. Типичным примером одного из вариантов интерьера представляется внутренняя планировка жилого дома в усадьбе И. М. Лякка в д. Новопетровка. При входе в дом оборудована небольшая прихожая, справа от которой находятся печь и кухонная часть жилища. Через прихожую можно попасть в самую большую комнату дома – зал, слева от которого расположено еще одно небольшое помещение – спальня, отделенная от зала теплой стенкой и дощатой перегородкой. Такой вариант планировки, как и сама конструкция теплой стенки (см. далее) находит прямые аналоги в жилищах соседнего, немецкого населения данного района. По рассказам информаторов, в Сивинском имении также кухня часто располагалась отдельно от остальной части жилища. В эстонских хуторах, например, кухня не только отделялась стеной от жилой части, но и отличалась более низким полом²⁵. Это, скорее всего, остаток переходной формы эстонского жилища, когда из каморы выделилась самостоятельная жилая часть, а за старой ригой-избой оставались функции подсобного помещения. Достаточно типичным для эстонцев Прикамья было приобретение изб у соседнего русского населения и воспроизведение интерьера русской крестьянской избы. В этом случае кухня часто устраивалась не у входа, а в дальней части жилища, у устья печи, выходящей на переднюю стену. В пятистенках, также получивших у эстонцев широкое распространение, одна часть жилища, при входе, использовалась как прихожая и кухня, а другая, дальняя, служила в качестве большой комнаты – зала.

Центр жилища занимала печь, и от особенностей ее расположения, как правило, зависело распределение функциональных зон в доме. Печь обычно складывалась из сырцового или обожженного кирпича, редки, но встречаются упоминания о битых печах. Как и в Эстонии, место у шестка печи занимала плита, на которой можно было готовить, чем эстонские печи в начале XX в. отличались по конструкции от русских печей, не имевших в то время подтопка. Плита, камин использовались для приготовления пищи и корма скоту, на них обычно размещали котлы, в которых готовили пищу: «Здесь была большая плита, здесь котел был и здесь – котел. В одном котле заваривали скоту...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)²⁶. Другой конструктивной особенностью эстонской печи была каменка, лежанка – *керис*, примыкавшая к основной части печи: «Была печь большая, в печке была еще каменка, как банная каменка. Она большая была, на этой печи спали люди» (Октябрьский район, д. Новопетровка)²⁷; «Была лежанка выложена к печи, рядом с печкой. Брат старший, когда болел, он все на этой лежанке лежал. Лежанка рядом с печкой, но ниже печки. Нужен был какой-то приступок, чтобы залезать. Мы сидели на этой лежанке, грелись, обычные дети» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)²⁸. Камни лежали на своде печи, сверху они закрывались вторым сводом, тогда на ней можно было спать. Каменка, главным образом, предназначалась для обогрева помещения, так как стенки самой печи были толстыми и мало пропускали тепло, а камни хорошо нагревались выходящим из печи горячим воздухом²⁹. Каменка известна эстонцам и Октябрьского, и Сивинского районов. Такое устройство было характерно для печей, топившихся еще по-черному. С появлением

трубы эстонская печь изменилась, ее новый вариант эстонцы также воссоздавали на территории Прикамья.

Отличительной чертой конструкции печи эстонцев Октябрьского района была так называемая *теплая стенка* – она представляла собой прямоугольную длинную стену, разделявшую жилище на несколько частей. Теплая стенка, выложенная из кирпича, пристраивалась дополнительно к основной части печи и выходила в большую комнату. Системой коленчатого дымохода она была соединена с камином, нагретый воздух из которого обогревал теплую стенку и уже затем выходил в трубу: «А, пожалуйста, теплая стенка. Дымоход, видишь? Оттуда топим, он идет сюда, отсюда вверх, вниз прошел, тут камень положен, он опять вверх и вниз. Отсюда уже пошел в трубу» (Октябрьский район, д. Новопетровка)³⁰. Теплая стенка, однако, встречается не во всех эстонских домах Новопетровки. Скорее всего, данная конструктивная особенность печи является одним из заимствований из культуры соседнего немецкого населения, для которых она была более характерна. Отмечено, что этот элемент конструкции был заимствован также и соседним русским населением территории.

Кроме этого, эстонцы на территории Прикамья воздвигали печи русского образца, битые из глины: «Вот напротив, у соседки, была битая печка. К печке были сделаны полаты – вот так, как наравне с печкой. Они [хозяйева] тоже эстонцы были» (Октябрьский район, д. Новопетровка)³¹; «Битые печи тоже были, как по-русски. Пушше глину били, возили. Маленько с гравием еще были печки» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)³². В Эстонии очаг, как правило, складывался из валунов, плитняка³³. К битой печи тоже могли пристроить плиту. Новшеством были и полаты, которые отличались от традиционной эстонской лежанки, устраиваемой рядом с печью. Таким образом, у эстонского населения Пермского Прикамья наблюдалось строительство и использование разных типов печей: с сохранением более древних национальных технологических черт, с воспроизведением новых их вариантов и копирующих способы построения у русского и немецкого населения округи.

Пол, стены и потолок внутри дома до середины XX в. обычно оставались некрашеными. Их регулярно чистили и мыли. Использовали для чистки золу, дресву, липовое мочало, веник-голик. Перед праздниками специально собирали помочи, чтобы вымыть весь дом. В других вариантах стены и потолки штукатурили и белили. В холодное время года на пол настилали солому.

Особенностью интерьера эстонского жилища было наличие мебели, которая изготавливалась, как правило, местными мастерами. Часть мебели, по воспоминаниям информаторов, была привезена еще из Эстонии. Почти в каждом доме стояли кровати, хотя спали также на печи, лежанке или полатах, но кровати были обязательным предметом интерьера уже в начале XX в. В большой комнате устанавливали стол, вокруг которого расставляли стулья, табуреты, скамейки, иногда в виде диванчиков со спинкой. Одежду хранили в шкафах и сундуках, также располагавшихся в жилых помещениях. Для хранения посуды и утвари использовали посудные шкафы либо размещали их на полках и лавках в кухонной части жилища. Наличие шкафов, стульев, кроватей в эстонских домах отличало эстонский интерьер от соседних народов (русских, татар), которые в начале XX в. почти не использовали в быту такие виды мебели. В случае приобретения дома в русской деревне, особенно при сселении хуторов, эстонцы воспринимали и элементы традиционного интерьера русской избы – с большими глинобитными печами и полатами, широкими лавками вдоль стен, помостом-западней у боковой стороны печи для входа в подполье: «Мы дом купили, дак там длинные лавки все были. По всей стене: по одной стене, по другой. Толстые. Здесь еще, как я купила, такая толстая была штука, наверно лавка, и голбец. Так и жили, пока не убрали» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)³⁴.

Существенные изменения в интерьере жилища начались во второй половине XX в. и были связаны с активным распространением элементов городской и массовой культуры. При-

обретаемые диваны, серванты, шифоньеры, кровати, наряду с телевизорами и другими предметами интерьера, заметно изменили традиционный интерьер, приблизив его к общероссийским формам и нивелировав этнические особенности.

Одежда

Традиционный народный костюм, ярко характеризующий каждую из этнических общностей, как целостный комплекс у пермских эстонцев не сохранился. Уже в конце XIX – начале XX в. у них преобладали городские формы костюма. Скорее всего, полный традиционный костюмный комплекс и не был перенесен при переселении со старой родины ни в эстонских хуторах Даго, ни в хуторах Сивинского имения. На сохранившихся фотографиях начала XX в. мы видим эстонских переселенцев в городских костюмах. Этническую специфику сохраняли лишь отдельные элементы одежды, традиции которых были привезены при переселении и получили развитие на новой родине.

У эстонцев Пермского Прикамья до середины XX в. для изготовления одежды использовались льняные, полушерстяные и шерстяные ткани домашнего производства, хотя преобладали фабричные, покупные ткани.

Одежда мужчин быстрее претерпела переход к костюму городского типа. Хотя эстонцы продолжали в домашних условиях шить рубашки и штаны еще до середины XX в., но обычно уже «по городскому» покрою. Рубашки были светлого цвета, брюки – темного. Поверх рубашки надевали *пиджаки* и *гимнастерки*. Последние, фабричные или шитые на заказ, заменили собой традиционные эстонские жакеты и куртки.

Своеобразие народного костюма отмечается преимущественно в женской одежде. Нужно отметить, что традиционная одежда по орнаменту, покрою и украшениям у эстонцев многообразна, но компоненты ее общие³⁵. Традиционный эстонский женский костюм конца XIX в. состоял из рубашки, юбки, тканого пояса, верхней кофты или безрукавки³⁶.

Основу одежды пермских эстонцев также составляли светлая (обычно белого цвета) кофта и широкая юбка, хотя они уже утратили этнические черты. Комплекс костюма, состоящий из кофты и юбки, являлся наиболее универсальной женской одеждой, близкой городскому костюму в начале XX в. Пермские эстонцы отмечали, что нижнюю часть костюма старались подобрать более темную по цвету, чем верхнюю: «Всегда говорили, что кофта должна быть светлее, чем юбка. Иногда наденешь красную кофту, а юбку светлее, дак бабушка у нас ворчала» (Октябрьский район, д. Новопетровка)³⁷. Женский костюм часто дополнялся передником³⁸. Особый костюм с сарафаном был характерен для эстонцев-сету³⁹, но об особенностях одежды пермских сету, проживавших в хуторах Сивинского имения, к сожалению, уже не вспоминают информаторы, не сохранилось и образцов их костюма в личных и музейных собраниях.

Общей для мужчин и женщин верхней одеждой были длиннополые пальто из шерстяной (суконной) ткани и меховые овчинные шубы. Верхняя демисезонная и зимняя одежда иногда подпоясывалась.

Прически эстонцев Прикамья были обычными для крестьянской среды. Мужчины коротко подстригали волосы. Летом носили фуражки, зимой – меховые шапки. Девушки заплетали волосы в косы, в летний период ходили без головных уборов, в холодное время носили платки, шали. Замужние женщины собирали волосы в «култышку» или плели косы, крепили их гребенкой к голове и прятали под головным убором: «Бабушка косу одну плела, заматывала и гребенкой прицепляла» (Октябрьский район, д. Тюинск)⁴⁰; «У нас бабушка носила, у нее култышка была такая большая. Мне всегда было интересно. У нее был чепчик такой связанный, на эту култышку наденет этот чепчик, шпильками заткнет и ходила так. Потом платок наденет поверх» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁴¹. Женским головным убором были тканевые шапочки – *чепчики* и платки. Информаторы отмечали, что эстонцы часто сами вязали шерстяные шапки и шали.

Эстонский костюм отличается разнообразием шерстяной вязаной одежды. Этническую специфику сохраняли шерстяные вязаные варежки, перчатки, носки и чулки. Эти элементы одежды остаются востребованными и в начале XXI столетия. Особенностью эстонских вязаных изделий является богатая орнаментация, все они украшены геометрическими и растительными узорами. Резинка перчаток и варежек декорируется двуцветными полосками. Основная часть варежек имеет геометрический орнамент с обеих сторон, либо несложный геометрический рисунок на внутренней стороне сочетается с более сложным растительным орнаментом на тыльной. У чулок последовательно, параллельными полосами, сверху вниз идет несколько узоров, они также складываются в геометрический орнамент. В д. Новопетровке сохранились и названия узоров, сейчас их называют по-русски: «ромашки», «мухи», или «мушки», «снежинки», «еловые лапочки»⁴². Для вязания используются преимущественно нити двух цветов, реже трех (для чулок), более светлые или яркие нити всегда сочетаются с нитями темной окраски: зеленая или красная – с черной, белая или красная – с темно-коричневой. По традиции для шерстяных изделий часто берут нити естественных цветов (белый, серый, коричневый, черный). Информаторы отмечают, что наиболее традиционными считаются орнаментированные двухцветные – черно-белые – варежки.

Этнические черты можно отметить и в сохранении отдельных видов кожаной обуви. Обувь изготавливали как в домашних условиях, так и заказывали мастерам, своим, эстонским, или из соседнего иноэтнического населения. По типу сырья можно выделить четыре вида обуви, известных пермским эстонцам. Широко распространены были кожаные сапоги и ботинки – их шили профессиональные сапожники. Кожу для обуви часто обрабатывали сами заказчики.

Характерной особенностью пермских эстонцев было сохранение традиционной кожаной обуви. В домашних условиях изготавливали кожаные *поршни* и *чубрики*. Оба вида обуви не имели голенища, затягивались на ноге с помощью веревочек. Кожу для поршней иногда использовали не обработанную, внутренняя часть их оставалась покрытой мехом. Веревка натягивалась вдоль всего их верхнего края. Носили поршни преимущественно в летний период. О кожаных домашних *чубриках* рассказывают в д. Новопетровке, а под названием *поршни* кожаная обувь была известна в хуторах Сивинского имения. Такая обувь характерна для прибалтийских народов⁴³, носивших в прошлом кожаные *постолы*. Но у пермских эстонцев они были известны под названием поршни, причем этот термин в Сивинском имении использовался для названия кожаной домашней обуви не только у эстонцев, но и у латышей, белорусов, русских⁴⁴.

Среди эстонских переселенцев получили распространение лыковые и берестяные лапти – основной вид обуви местного русского населения. Жители д. Новопетровки напрямую указывали на заимствование этой обуви у соседнего населения: «На ногах лапти носили тоже. А лапти, я говорю, от русских научились, раньше-то не плели» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁴⁵. Бытовали лапти и в эстонских хуторах Сивинского имения: «У нас были лапти. Эти лапти... мама [в них] в конюшню ходила. А я тоже так: похожу хоть в лаптях дома. Но носили все здесь лапти. Мы – лапотники» (Сивинский район, с. Сива)⁴⁶. Однако и в Сивинских хуторах эстонцы отмечали заимственность этого вида обуви, указывая, что более характерной «эстонской» обувью были поршни. Эстонцы не всегда перенимали навыки изготовления лаптей, часто их приобретали у соседнего русского населения: «Лапти покупали, продавали их, возьми хоть сколько, хоть целый воз» (Сивинский район, с. Сива)⁴⁷. Характерной особенностью эстонских хуторов Сивинского имения был особый вид лаптей: *ленные лапти*, *лапти-пакальники*, выполненные из грубых льняных веревок (из пакли). Их носили повседневно, считали теплой и удобной обувью: «Конечно, пушше в лаптях ходили. У нас опять лапти-то делали, ленны'е вязали. Тоненькие веревочки, с этих, видно, плели у нас лапти» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁴⁸; «Еще зимой носили лапти-пакальники, вили веревки из пакли, сплетали их вместе и

получались как лапти, они теплые. Очень красиво и аккуратно получалось» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁴⁹. Ленные лапти считались преимущественно зимней обувью. Бытование льняных лаптей в Сивинском районе было характерно также для соседнего латышского и белорусского населения.

Из зимней обуви широкое распространение у эстонцев Прикамья получили валенки, *пимы* (катаная обувь с коротким голенищем) и тонкие, нарядные, праздничные *чёсанки* (от обычных валенок последние отличались меньшей толщиной, обычно их носили с галошами).

Собранные материалы показывают, что эстонцы Пермского Прикамья сохраняли представление о некоторых элементах традиционной одежды, однако целостный костюмный комплекс не получил развития у эстонцев ни в Октябрьском, ни в Сивинском районе. Для эстонской одежды начала XX в. было характерно преобладание городских форм одежды и использование продукции фабричного производства. Проживая на территории Прикамья, эстонцы сохраняли лишь некоторые элементы традиционной одежды – варежки и носки с характерным орнаментом, отдельные виды обуви. В Сивинском районе отмечено формирование единого комплекса обуви для всех переселенцев из западных губерний (эстонцев, латышей, белорусов, русских псковичей), выразившееся не только в бытовании кожаных поршней и льняных лаптей, не характерных для соседнего русского населения, но и использование общей терминологии для их обозначения. Для пермских эстонцев было типично и восприятие некоторых элементов из культуры соседнего русского народа (прежде всего обуви – лаптей и валяной обуви: пим, валенок, чесанок).

Этнические традиции питания и утварь

Традиционная культура питания народов основывается на сложившейся системе жизнеобеспечения и жизнедеятельности этноса. С пищей, как часто отмечают исследователи, «более всего связаны представления народа о своей национальной специфике»⁵⁰. В кухне одновременно сочетаются сложившиеся, устойчивые элементы народной культуры и постоянно вливающиеся в нее инновации. Для традиционной эстонской кухни характерно сочетание продуктов земледелия и животноводства. Природно-географические условия повлияли на доминирование у прибалтийских народов молочного и мясного животноводства, культивирование неприхотливых злаковых и овощных культур. Уже с XVIII в. они выращивают картофель. Значительное место в пищевом рационе занимала рыба⁵¹. Система питания эстонцев имела много общих черт с кухней соседних прибалтийских народов – литовцев и латышей. Результатом межэтнических связей является усвоение ими технологий и традиций немецкой и русской кухни⁵².

Несомненно, приехавшие на Пермскую землю эстонцы принесли на новую родину сложившиеся традиции питания и приготовления пищи, характерные для прибалтийских районов конца XIX – начала XX в. Сохраняя традиционные черты, народная кухня эстонцев Прикамья в условиях освоения новой территории подверглась трансформации. В иных природно-климатических условиях произошли изменения в системе хозяйствования, изменились сырьевые ресурсы, повлияли на традиции этнические соседи. Кухня переселенцев, прежде всего, адаптировалась к региональной сырьевой базе, а под влиянием инокультурного окружения восприняла новые технологии приготовления пищи. Современные источники позволяют определить степень сохранности традиционной кухни эстонцев Пермского Прикамья и основные черты ее развития в течение столетия.

Собственная национальная кухня современными пермскими эстонцами идентифицируется слабо, даже при ее несомненном наличии. Отмечается общность системы питания с соседними народами – немцами и русскими в Октябрьском районе, белорусами, латышами и русскими – в Сивинском районе: «Готовили, как обычно, как и все готовили» (Сивинский район, с. Екатерининское)⁵³. «Что у русских, то и у эстонцев, одинаково. Русские едят свинину, мы тоже едим свинину и баранину...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁵⁴. Почти совсем не сохранились эстонские названия блюд, для их обозначения используют наименования похожей русской, белорусской (*клецки*) и немецкой кухни (*картофель-плац*, *зельц*).

Основная часть блюд эстонской кухни готовилась «на плите», а не в русской печи. Для этого на плиту для варки устанавливали железные котлы или чугуны. Исследователи неоднократно отмечали преобладание отварных блюд в эстонской традиционной кухне⁵⁵. Этим эстонские традиции заметно отличались от традиций соседнего русского населения, использовавших для приготовления значительной части блюд русскую печь. На эту особенность эстонской кухни указывали и информаторы из соседних русских деревень: «Они же на плите все варили. В нутро печи не ставили еду. Если только кашу, может быть, ставят, и когда хлеб пекут» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁵⁶. Русская печь использовалась эстонцами лишь для выпечки хлеба, других хлебобулочных изделий, в некоторых случаях – для приготовления каши. Характерным для эстонской кухни был способ обжаривания. Хотя даже на исторической родине эстонцев, по замечанию исследователей, процесс обжарки является дополнительным, кушанья их традиционной кухни обычно были полужареные-полувареные⁵⁷. Пермские эстонцы этот способ приготовления пищи использовали обычно для приготовления блюд из картофеля и рыбы.

Большое значение в рационе пермских эстонцев занимало мясо. На эту же особенность указывают исследователи, говоря о системе питания эстонцев Сибири⁵⁸. По словам информаторов, «мясо в ходу было всегда». Свинину, говядину, баранину варили, жарили и коптили, включали в разнообразные блюда. Для сохранения мяса на длительный срок, особенно для летнего периода, прибегали к копчению и солению. Обычно мясо коптили в банях: устраивали над каменкой специальные «жердочки», на которые подвешивали большие засоленные заранее куски мяса. Лишь в некоторых хозяйствах для копчения мяса строили специальные коптильни. Для копчения чаще всего использовали местный вид деревьев семейства вязовых – ильм (*илим*). На всю процедуру уходила почти целая неделя. Затем мясо хранили в подсобных помещениях, обычно подвешивали на чердаке. Копченое мясо употребляли в пищу, разрезая на небольшие кусочки, и использовали для приготовления других блюд. Формой консервации для длительного хранения можно назвать изготовление колбас. Эстонцы делали колбасы с ливером и мясом, часто с добавлением крупы. Для приготовления кровяной колбасы собранную кровь заколотого животного также смешивали с крупой и заполняли смесью кишку, затем колбасу отваривали.

Молочные продукты: молоко, сметана, масло, творог, сыр – широко использовались в традиционном питании эстонцев. Молочные продукты являлись как основой некоторых блюд (сыр, клецки на молоке и др.), так и дополнительным компонентом других (например, маслом или простоквашей заправляли каши и т. п.). Изготовление сыров было характерным для кухни эстонцев Прикамья. Для приготовления сыра творог разминали, разбивали в него яйцо, добавляли немного масла или жира, соли по вкусу. Творог опускали в кипящее молоко. Затем его опрокидывали на специальную неплотную ткань и помещали под груз. Когда сыр застывал, его смазывали маслом и подвешивали на жердь в хозяйственных постройках, обычно в амбаре. В свежем виде сыр ели, намазывая на его кусочки масло, а хранящийся уже длительное время продукт размягчали, подержав в молоке, потом жарили на масле, использовали для приготовления разнообразных блюд: «Сыр был, так его ели и с маслом ели. И хранили, на случай гостей. В амбаре вешали эти сыры. Маслом обмазывали. Потом, когда надо было, в молоке нарежут его (наверно, не так-то просто его нарезать, он же был такой плотный), в молоке его подержат, тогда он мягкий. Жарили на масле, ели. А свежий сыр просто ели с маслом. Отрезали, маслом намазывали и ели» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁵⁹.

Из зерновых культур – пшеницы, ржи, овса, ячменя – готовили муку и крупы, из которых выпекали хлеб и другуюстряпню, готовили напитки, варили каши, добавляли крупу в первые блюда.

Для приготовления первых блюд, каш, выпечки употребляли продукты огородничества: капусту, свеклу, морковь, репу, лук, тыкву. Особо нужно отметить важность культивирования эстонцами картофеля. Как и на территории Прибалтики, в Пермском Прикамье они высаживали его в большом количестве. Объем выращиваемого эстонцами картофеля в первой половине XX столетия по сравнению со снимаемыми урожаями местного уральского населения был намного выше. Его излишки продавали или обменивали на другие товары. Картофель входил в состав многих блюд, кроме этого его использовали в животноводстве как кормовой продукт. Как отмечают очевидцы, картошка спасла эстонцев и их соседей от голода в трудные годы: «Как они приехали, у нас картошка – мы только грядочки садили, чтоб поесть. А у них и для свиней. Когда голод настал, татары особенно сильно от голода страдали. Они в Петровку ходили, в Щучье Озеро, говорили: «Мы хоть в Петровку сходим, хоть с картошкой придем, сытые», – и домой еще принесут. А в других ведь деревнях не было даже картошки этой» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁶⁰. На территории Прикамья у вновь прибывших эстонцев, несомненно, изменился состав и понизился объем употребляемой в пищу рыбы. Это объясняется разницей природных богатств и сырьевых источников Прибалтики и При-

уралья. Речную рыбу употребляли в незначительных количествах, ее отваривали, готовили «бульон», а также жарили и солили.

Эстонцы включали в свой рацион лесные продукты: ягоды, грибы и разные травы, что было характерно для их народной кухни и на территории Прибалтики⁶¹. По зафиксированным материалам, не все семьи эстонцев Октябрьского района употребляли грибы. Только в последней четверти XX в. под влиянием соседних народов и в смешанных семьях, грибы вошли в их систему питания: «Мамаша у нас грибы вообще не ела, Коля не ел. Они не собирали грибы. Коля научился грибы есть только от меня» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁶². Эстонцы же Сивинского района грибы собирали изначально. Под влиянием местных пищевых традиций у эстонцев на столе появились блюда и из местных трав – *пиканов* (сныти) и *пистиков* (побегов хвоща). Правда, они были приняты только младшим поколением, старшие же придерживались традиционных вкусовых пристрастий и отказывались от нововведений: «Мы ели, а вот мама не ела пистика. Она не любила. Она молоко развозила, говорит, угостят пирогом, дак выгребу под стол, корки съем, а пистики она ни за что не ела. А я пистики шибко люблю. Пирог, хоть пистишницу, хоть чё» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁶³.

По сложившейся традиции эстонцы принимали пищу три раза в день. На стол ставили несколько тарелок, предназначенных для нескольких членов семьи: «[– За столом каждому чашку давали?] Нет, не каждому. Поставят несколько, допустим, чашек» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁶⁴. Повседневный стол, по словам Нины Иосифовны Кестер из д. Новопетровки Октябрьского района, состоял из следующих блюд: завтракали обычно жареной или отваренной в мундире картошкой с соусом, днем ели суп, а вечером картофельную кашу. Более насыщенным был набор блюд во время праздников. К торжественным дням обязательно готовили выпечку и блюда из мяса. Особые кушанья подавались на стол в некоторые семейные и религиозные даты. На Рождество был обычай стряпать из теста фигурки животных и птиц. Во время праздника их вешали на елку, а после окончания – съедали. Тогда же готовили домашние колбасы. На Пасху, как и другие христианские народы, эстонцы красили яйца. Вместо краски использовали отвар из луковой шелухи. Одним из обязательных кушаний свадебного стола был холодец.

Первые блюда готовились на мясном бульоне, с добавлением овощей, крупы, а также молочные и рыбные. Наблюдавшие эстонские традиции в Октябрьском районе русские следующим образом описывают своеобразие их кулинарной технологии: «У русских так не делали, как у них делали. У них варится мясо. Мясо сварилось, его достают, в этот бульон спускают картофель. Потом картофель достают, мясо искрошат и в бульон по новой. И уже картошка вприкуску с этим бульоном, с мясом и хлебом» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁶⁵. В качестве первого блюда подавали на стол также клецки. Их варили на мясном бульоне или на молоке. Сами клецки готовили в виде небольших шариков из мучного теста, а также из протертого сырого или вареного картофеля с добавлением муки⁶⁶. Специально для супов заготавливали так называемую «серую» капусту: солили только верхние листы капустного вилка⁶⁷.

Из вторых блюд пермские эстонцы называют тушеную капусту или тушеные овощи (картошку, свеклу, морковь) с мясом, овощные и крупяные каши, горошницу, *драники*. В Октябрьском районе драники имели еще наименование *картофель-плат*, как и у соседнего немецкого населения⁶⁸. Основой для них был протертый картофель с добавлением муки и соли, они обязательно имели внутренний средний слой (начинку). В качестве начинки брали мясо, творог и другие продукты. Драники обжаривали на жире или масле. Особым соусом к картофельным и другим блюдам было *маканье*. Маканье получалось при обжарке сала и добавлении в его расплавленный жир муки. Маканье присутствовало и в кухне населения соседних немецких хуторов⁶⁹.

Из сладких, десертных блюд эстонцы называют ягодные кисели. В зависимости от вкусовых пристрастий, сладким или соленым готовили овсяный кисель. Для его приготовления с вечера замешивали овсяную муку с водой, а утром процеженную подквашеную жидкость варили с молоком или с подслащенной сахаром водой⁷⁰.

На праздники выпекали сладкие булочки, пироги с мясом, морковью, свеклой, капустой, зеленым луком и яйцом: «Пироги стряпали. Такие же, как и у русских. Всегда они из овощей стряпали. Мясные-то тоже делали, но редко мясные, больше всего с овощей. Картошка, свекла да морковь, капуста да. На праздник у нас всякую ерунду пекли. Всего напечет мама. И печенье сделает, и шаньги испечет, и пироги испечет. А больше всегда, куда бы ни придешь, всегда были картофельные шаньги. Это в каждом доме было» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁷¹. Картофельные шаньги были одной из любимых выпечек пермских эстонцев. Это же пристрастие можно отметить и у соседних с ними народов – русских, немцев, татар, башкир. По составу продуктов эстонская выпечка мало отличалась от таковой же остального населения Прикамья. Однако эстонцы редко пекли рыбные пироги, которые считаются главным обрядовым и праздничным блюдом в Пермском Прикамье.

Все традиционные напитки эстонцы готовили на основе зерновых культур (ячменя, ржи, овса). Повседневным питьем был квас, праздничными напитками – брага, пиво: «Брагу делали. Отец был первый бражник. Как праздник, перед праздником они закладывают брагу в кадцу. Отмечали всей деревней. Ячмень, ячменная брага, и овес. Рожь. Густая брага. Все говаривали, у Ульяса надо брагу пить. Закупоривали ее, не совсем плотно, чтоб не взрывало» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁷². Занимались также самогонованием. Только в советское время активно начинают распространяться употребление чая, компотов и других питьевых продуктов.

Для хранения, употребления и приготовления пищи эстонцы использовали разнообразную домашнюю утварь, металлическую (котлы, чугуны, формы для хлеба, ложки и вилки), глиняную (горшки, кружки, тарелки), деревянную бондарную и долбленную (кадушки, корытца и т. п.). Значительная часть деревянной утвари изготавливалась в собственном хозяйстве либо приобреталась у односельчан. Металлическую и глиняную посуду покупали на местных ярмарках и базарах в русских селах Алмаз, Сива, Екатерининское, Серафимовское и др. Специально «за товаром» эстонцы д. Новопетровка ездили в ближайшие города – уездный Бирск и губернскую Уфу. В домашнем обиходе эстонцев использовалась покупная фаянсовая и фарфоровая чайная и столовая посуда.

Таким образом, традиционная система питания пермских эстонцев постепенно была приспособлена к новым природным и хозяйственно-экономическим условиям. Неизбежным было изменение в их рационе пропорций употребляемых продуктов: увеличение земледельческих и животноводческих, уменьшение и замена морских речными (особенно в хуторах Даго современного Октябрьского района). Одной из особенностей адаптации стало включение в традиционную кухню новых сырьевых ресурсов и блюд, воспринятых у соседних народов. С середины XX в. характерным процессом стало постепенное распространение и преобладание современных пищевых стандартов российской и европейской кухни. В настоящее время традиционная эстонская кухня не сохраняется как целостный этнокультурный комплекс, лишь в отдельных семейных коллективах продолжают бытовать отдельные ее элементы.

Праздники и обряды семейного цикла

Семья – один из основополагающих социальных концентраторов формирования и сохранения этнической идентичности. В семье из поколения в поколение передаются многие народные ценности и опыт. Именно семьями или родственными группами мигрировали в конце XIX – начале XX в. на территорию Прикамья эстонцы. Семья в то время для них была главным производственным и социально-культурным объединением. Большое значение в народной культуре имели семейные обряды и традиции, особенно связанные с важными моментами в жизни человека, такими как рождение младенца, взросление, заключение брака, уход из жизни.

У пермских эстонцев обряды семейного цикла в течение столетия претерпели существенные изменения, причем, как и сама семья, которая в большинстве случаев стала этнически смешанной. Кроме этого, исторические процессы, общемировое социально-экономическое и культурное развитие обусловили преобразование роли и значения, структуры и содержания прежних семейных обрядов у многих народов⁷³. У эстонцев Пермского Прикамья модификация и утрата этнически самобытных семейных ценностей шла интенсивно еще по причине их небольшой численности. На рубеже XX – начала XXI в. обряды жизненного цикла ими уже практически не воспроизводились, они сохраняются лишь в народной памяти. И даже по собранным среди пермских эстонцев материалам в настоящее время достаточно сложно реконструировать их основное содержание.

В первой половине XX в., когда еще была слабо налажена сеть медицинского обслуживания населения, детей рожали в домашних условиях. Роженицам помогали известные в местности, обычно уже пожилые женщины, исполнявшие функции повивальной бабки. К ним же обращались в случаях болезни младенцев и роженицы. В Эстонии существовало множество примет и поверий, связанных с рождением ребенка и первыми днями его жизни⁷⁴. Большое значение там имели *смотрины*, на которые в гости к роженице и новорожденному приходили знакомые и соседи, приносили с собой ячменную кашу и другие угощения⁷⁵. Пермским эстонцам народные поверья и обычай *смотрин* как особая церемония уже не известны, возможно, они сохранялись в семейно-родовом кругу, а сам обычай стал не актуальным на новой территории в иноэтнической среде. Но особую важность у них сохраняли *крестины*. Крестить ребенка старались почти сразу после рождения. Православные эстонцы совершали обряд крещения в церквях соседних сел. В более поздний период, когда культовые постройки закрывались, крещение, или *погружение*, совершали на дому. В лютеранских семьях при отсутствии храмов и пасторов эстонцы проводили крещение самостоятельно. Среди местного населения, как правило, выделялись верующие пожилые люди, которые исполняли роль религиозного лидера. По словам старожил, в д. Новопетровке совершать обряд крещения мог любой крещеный человек, для этого достаточно было крестом большого размера трижды перекрестить приготовленную воду, а затем погрузить в нее младенца, читая молитвы по-эстонски. Обязанности «крестителя» по смерти одного перенимались другим: «Раньше тут был один старик, он крестил. Потом был второй старик, крестил. Потом женщины этим занимались» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁷⁶. В Октябрьском районе в некоторых случаях эстонцы обращались к немецким исполнителям обряда: «У нас эстонцы ведь крестили, тоже были такие старые люди, которые знали всё. И по-немецки. Мои ребята – по-немецки были [крещены]. А теперь все уж, перекрестились сами» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁷⁷; в Сивинском районе эстонцы и латыши крестили детей вместе, собираясь на общие богослужения: «Собрались, когда надо было кого-то крестить. Латыши, эстонцы приезжали. Отец наш был типа попа. Он вел, у него такая книга, в эту книгу он записывал рождение, смерти» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁷⁸. После крещения в доме устраивали небольшой праздник, на который

приходили близкие родственники: «Только знаю, что застолье всегда было. Собирается родня, самые близкие, крестный, крестная» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁷⁹.

День рождения человека в эстонских семьях считался одним из семейных праздников, родственники и знакомые приходили без приглашения, поздравляли именинника. Особых подарков не дарили, но обязательно приносили с собой какие-нибудь угощения или продукты.

Уход за ребенком до середины XX в. также основывался на традиционных методах. Для младенцев изготавливали специальные люльки, которые подвешивали к жерди в жилом помещении. Несмотря на то что эта традиция распространена и в Прибалтике, пермские эстонцы использовали для обозначения колыбели местные русские названия: люлька – *зыбка*, жердь для подвешивания люльки – *очеп*. «Зыбки какие-то были. Я не знаю, из досок или из чего-то были. Очеп назывался, к потолку за серёдку кольцо приделают, и зыбка качает. Вот этих ребят так вот качали. Я и ребят все в зыбках еще растила» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁸⁰. При отсутствии сосок ребенку давали сосать нажеванный мякиш хлеба, завернутый в тряпицу⁸¹. Когда в летний период взрослое население было занято сельским хозяйством, обязанность ухода за младшими в семье часто ложилась на старших детей. Старшие братья и сестры были няньками, учителями, мастерами для младших. Именно они изготавливали простые по конструкции игрушки. Девочки обычно играли тряпичными куклами: «Шили куклы мне сестры, постарше которые. Сошьют куклу с головой, с руками, с ногами, одёжки какие-то» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁸². В сферу детской игры были включены домашние животные: «С кошками играли. Кошек три штуки было» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁸³; «Какие игрушки были? Были кошки. В основном, животные. Я помню, у нас кролики были...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)⁸⁴. Игрушками служили предметы домашнего обихода и окружающей природы: «Играла палками. Какие-то палки нашла, «лошадей» держала...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁸⁵.

В летний сезон дети собирались небольшими группами и играли в разные игры. Игры были девичьи и мальчишечьи, а также общие. Одна из зафиксированных эстонских игр называется «Там-Бама». По-видимому, это игра мальчиков, так как она основана на силовом состязании. «Для этой игры нужны прочные палки длиной не более метра. Участники игры делятся на две команды. Во время состязания противники должны быть равными по силе. Они садятся друг против друга, упираясь ступнями об ступни противника, и держатся за одну палку. Каждый играющий тянет соперника на себя, пытаясь оторвать его от земли. Выигрывает та команда, которая перетянет большее число соперников»⁸⁶.

Важным переходным обрядом жизненного цикла у лютеран в Эстонии считалась конфирмация – религиозное таинство приобщения юношей и девушек к церковной общине, после которого они по статусу, правам и обязанностям в обществе приравнялись к взрослому человеку⁸⁷. У эстонцев-лютеран Пермского края, по данным полевых материалов, данный обряд не проводился.

Немного информации удалось собрать у пермских эстонцев об обряде проводов в армию. По словам Нины Иосифовны Кестер, эстонцы, как и русские, катались перед отправкой на службу на конях с гармошками и с песнями. Вместе с *некрутами* (рекрутами, призываемыми) катались на лошадях девушки. «Когда на двух лошадях катались, когда на одной лошади катались. У нас было две бригады. С обеих бригад по лошади, и катались целый день. Вот говорят, парня в армию отправляют, да катаются» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁸⁸. Провожаящие дарили парню платочки, давали в дорогу деньги. О своеобразном обычае, имевшем апотропейное значение во время проводов, рассказал Иван Михайлович Лякк. Перед уходом на войну мать обошла его по кругу и сказала, что он обязательно вернется. Отнесшийся с пренебрежением к таким действиям матери зять погиб на фронте («Он этому не верил, и он остался

на войне, убило его»), тогда как Иван Михайлович, действительно, вернулся домой. Еще мать дала сыну наказ не брать на войне ничего чужого, и эти слова он запомнил на всю жизнь: «Только наказ сказала: от покойника ничего не бери, спичку, и то не бери. А когда застрелило наводчика, а у него бритва была, всей ротой брились ею. <...> И хотел бы взять, да мать так сказала, что не бери ничего...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁸⁹.

Информацию об элементах свадебной обрядности удалось зафиксировать только у эстонцев Октябрьского района, где она сохраняла свою функциональную значимость дольше, чем у эстонцев Сивинского района. Вероятно, на это повлияли отличия в межэтническом общении и разница этнического состава браков на рассматриваемых территориях.

Свадьбу устраивали обычно в свободный от хозяйственных работ зимний период. По старому обычаю невесту для парня или жениха для невесты выбирали родители, они же ходили свататься. Но с мнением парня и девушки родители обычно считались: «Парень не выбирал невесту, его мать выбирала. Моя сестра сейчас обижается: мне русского не надо, мне надо эстонца. Пришлось другого искать. Тогда парня не выбирали, мать выбирала» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁹⁰. Во время сватовства использовали принятые в народе метафорические иносказания⁹¹, о чем свидетельствует особенность обозначения молодых в современных рассказах: «Кто курочку ходит, ищет свою, кто голубя ищет, кто птичку ищет» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁹². Родители договаривались о свадьбе, после чего начинался этап подготовки. Готовили приданое для невесты, подарки для родственников, угощения к столу. В середине XX в. наряд невесты составляли светлое платье и фата. В более ранний период, можно предположить, в основе убранства был праздничный вариант народного эстонского костюма, то есть блузка с юбкой. В день свадьбы жених со своей свитой приезжал в дом невесты. Эстонцы д. Новопетровки, следуя известной на их родине традиции, предлагали жениху выбрать или угадать невесту из нескольких девушек, чьи лица были закрыты: «Одна женщина скажет: «Это твоя невеста». – «Это не моя». Потом вторую, потом третью. Поди ищи, которая твоя невеста. Еле, еле, самую последнюю невесту его привели. Он все равно угадал, что последняя-то моя невеста будет»⁹³; «У девушки есть подруги, наряжают, и в одинаковы одёжи всё. Лицо у них всех закрыто. Жених должен узнать свою»⁹⁴. Этот ритуал был одним из вариантов начала свадьбы, известных в Эстонии, его проводили в центральных и восточных районах⁹⁵, а на острове Кихну его приурочивали к обручению, бывавшему до свадьбы⁹⁶. Когда жених угадывал свою суженую, молодые садились вместе за стол. Рядом с брачующимися сидели их крестные, за стол по парам рассаживались парни – друзья жениха и девушки – подруги невесты. Здесь же были остальные гости. Родители следили за разносом блюд. После застолья молодые ехали на венчание, а в советский период – на регистрацию. Жених с невестой ехали вместе. Вслед за ними отправлялись все остальные пары, каждая на своей повозке: «Запрягали столько лошадей, сколько пар. <...> У каждого должен быть кучер, и у девок, которые с парнями сидят, кучер должен быть, и у невесты с женихом кучер. Так они катались до загса. Там зарегистрировались, обратно опять едут, также все вместе» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁹⁷. По обычаю, возница должен был вывалить по дороге катающуюся пару⁹⁸. Эстонцы верили, чем больше опрокидывалось телег и чем больше было несчастных случаев на пути после венчания, тем счастливее должна быть будущая жизнь молодых⁹⁹. На свадьбе невеста раздаривала подарки родственникам жениха, а гости приносили дары новобрачным. Обычай собирать деньги и другие вещи молодыми назывался *латанием передника*¹⁰⁰. В Октябрьском районе хозяйка дома специально для этого выставляла фартук с дырочкой, и гости «латали» его, бросая монеты. Так же дарили молодым вязаные вещи¹⁰¹, орудия труда: «Когда мама с папой поженились, им на свадьбу подарили эту прялку» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁰². Не слу-

чайно именно передник использовался для собирания даров в свадебном обряде. У эстонцев он, как и головной убор, был одним из обязательных принадлежностей замужней женщины и в некоторых местах его надевали на невесту во время свадьбы¹⁰³. Свадебное гулянье длилось от нескольких дней до недели, в зависимости от достатка семьи.

Свадебная обрядность эстонцев, богатая разными ритуалами и поверьями, на территории Прикамья сохраняла только наиболее яркие моменты. И они свидетельствуют о неуклонном следовании традиции, проведении основных этапов обряда, известных на их исторической родине и общих для остальных европейских народов¹⁰⁴.

Комплекс похоронно-поминальной обрядности пермских эстонцев не отличался развешенностью и развитостью обрядовых форм и представлений. Почитание предков ограничивается уважительным отношением к памяти умерших и некоторыми ритуальными действиями во время похорон и поминок. Полностью восстановить все условности похоронно-поминального комплекса пермских эстонцев первой половины XX в. достаточно сложно, так как многие его компоненты постепенно были утрачены как в акциональном исполнении, так и в народном религиозно-мифологическом сознании.

Умершего человека обмывали и обряжали в чистую одежду. На дне гроба оставляли стружку, сверху стелили полотно. Эстонцы Сивинского района помнят, что раньше гробы из досок оставляли некрашеными и необитыми тканью, эта традиция уже появилась в советские годы. Эстонцы д. Новопетровки, наоборот, отмечали, что гроб обшивали материалом, преимущественно черного цвета, украшали самодельным бумажным или матерчатым кружевом и веточками комнатного растения, похожего на вереск, которое выращивалось почти в каждом доме¹⁰⁵. Судя по сохранившимся фотоснимкам обряда похорон, как сам гроб, так и вся похоронная процессия украшались цветами и венками из пихты. Хвоя в погребальном обряде, по древним представлениям, выполняла обереговую функцию, еловые ветки должны препятствовать возвращению души умершего, поэтому в Эстонии ими обсыпали дорогу от дома до двора, обсыпали могилу изнутри¹⁰⁶. У пермских эстонцев прежний смысл использования хвои уже был забыт, но она продолжала использоваться в погребальном ритуале.

В д. Новопетровке, по словам информаторов, перед выносом гроба в доме устраивали поминальную трапезу. После похорон в доме снова собирались к столу, но уже только близкие родственники и те, кто помогал в устройстве и проведении обряда: «Они на застолье сидят, поедят и потом покойника везут на кладбище. А после, когда уже с кладбища, идут туда только те люди, которые могилу копали, кто гроб нес. И свои, близкие. Эти только идут за стол. Больше никто не идет» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁰⁷. Православные до 1930-х годов отпевали умерших в церквях в соседних русских селах. После закрытия храмов прощание с чтением молитв проводили дома. В Октябрьском районе православные эстонцы хоронили умерших на православном кладбище в с. Леун, а лютеране – на эстонском кладбище, расположенном у деревни Новопетровки. В Сивинском районе эстонцы и своих православных, и лютеран хоронили на общем кладбище в с. Серафимовском, каждый семейный род в отдельные ряды¹⁰⁸. Православные эстонцы-сету хоронили умерших на кладбище в с. Сиве.

Могилы эстонцев-лютеран отличались местом водружения креста – не в ногах, как у православных, а в головах: «Вот только был разговор, что крест ставить в голову. Русские в ноги ставят крест. Чтобы стал и перекрестился. А у них, значит, в голове. Чтобы встал, перевернулся и перекрестился» (Октябрьский район, с. Тюинск)¹⁰⁹. Надмогильный крест, судя по фотографии похоронного обряда эстонцев Октябрьского района, состоял из одной перекладины. Крест украшался венком, его концы подбивались металлом, либо к ним крепились декоративные элементы украшений гроба – кружева или цветы. На крест привязывали полотенце.

По эстонской традиции поминки устраиваются во время похорон, а затем чтить память умерших принято в дни их рождения¹¹⁰. В более позднее время, по-видимому, в некоторых семьях отчасти были восприняты обычаи православных русских поминать почивших на девятый и сороковой день¹¹¹. В Октябрьском районе посещают кладбище на Троицу¹¹², в Сивинском районе – на Троицу и в Иванов день (7 июля)¹¹³. Поминальная кухня в последние годы включает обычные блюда. Обязательно готовится стряпня – пироги с мясом, капустой, грибами. В Октябрьском районе во время Троицы на могилы брали с собой еду и напитки: «Носили с собой, яйца там ели, крашеные. Луковой [шелухой] только красили. Штук 10 с собой возьмем, там стол сделаем» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹¹⁴. В Эстонии обычай поминальной трапезы на кладбище известен лишь в некоторых местах, в частности среди сету¹¹⁵.

Небогатая информация о семейных обрядах, конечно, не позволяет полностью отразить ее яркие самобытные черты и четко проследить их эволюцию и трансформацию. Тем не менее, в вышеописанных ритуалах можно отметить некоторые уникальные элементы эстонской культуры, как, например, обычаи свадебной обрядности – «отгадывание» невесты, катание парами на лошадях и «латание передника». У пермских эстонцев также сохранялись традиционные религиозно-культурные обычаи, связанные со смертью человека. Одновременно в их культуре присутствует много типологически общих для разных народов элементов – это некоторые обычаи ухода за ребенком и воспитания детей¹¹⁶, этапы свадебной и похоронной обрядностей. Кроме этого, в ритуалах обнаруживаются местные заимствования (поминки в день Троицы, название детской люльки и др.) и нововведения (свадебный наряд невесты, обшивание гроба тканью в Сивинском районе). Можно отметить в обрядностях сочетание собственных, воспринятых и новых традиций, например, поминовение и на Троицу, обычное для местного населения, и на Иванов день, принятое у народов Прибалтики¹¹⁷.

Календарные праздники и обряды

Одной из составляющих духовного наследия эстонцев Пермского края является праздничная культура. Система народного календаря была основана, прежде всего, на хозяйственных циклах. Наиболее важные древние обрядовые действия позже были адаптированы к христианской традиции и приурочивались к памятным датам христианского календаря.

Празднование **Рождества**¹¹⁸ у эстонцев в большей степени имело семейный характер. В Октябрьском районе в доме обязательно ставили елку, украшали ее самодельными восковыми свечами, игрушками из бумаги, фигурками из вырезанного картофеля или испеченного печенья. «У нас пчелы были, так свечи сами делали с воска. На елку ставили. А конфеты тогда тоже не могли купить, так из картошек. Я помню, как вырежут картошечки, и бумажки накрасим карандашами...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹¹⁹. «Я не помню, что стряпали. Но я знаю, что всякие игрушки, такие маленькие игрушки – собачонки, петухи – мы стряпали сами, лепили, потом пекли, это на елку. Когда елка кончилась, тогда убирали да съели» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹²⁰. Елка была символом праздника, его украшением и главным атрибутом. У рождественской ели собирались на Рождество дети и вся семья. «Игрушки на елку вешали. Ребятишек собирали. У нас вот мама, она всегда это делала» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹²¹. «Помню, я еще маленькая была... Лошадь была, красная лошадь. Ох, она бойкая была. Маргарита ее звали. Они нас посадили вечером, на Рождество-то везли. Повезли на елку к сестре» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹²². К праздничному столу готовили традиционные народные блюда. Особых свидетельств о рождественской елке у сивинских эстонцев не удалось найти, тем не менее, праздник они тоже обязательно отмечали. «Я помню, у мамы книга была, молитвы читала. Потом по христианскому обычаю собирались» (Сивинский район, с. Екатерининское)¹²³. «Посидим за столом, да вот и музыка» (Сивинский район, с. Сива)¹²⁴. Эстонцы-лютеране сначала отмечали праздник в обычную для них дату – 25 декабря, в советский период чаще всего стали приурочивать традиционные действия к 7 января, как было принято у соседнего православного населения. В Эстонии на Рождество также наряжается ель, это традиция была привнесена германцами и укоренилась только к концу XX в. Прежде обязательно на этот праздник пол дома устилали соломой и изготавливали из соломы украшения¹²⁵. Солома символизировала будущий урожай¹²⁶ и также была связана с христианской легендой о рождении Иисуса в яслях. Эти обычаи были общими для скандинавских и прибалтийских финноязычных народов¹²⁷. Изготовление украшений и фигурного печенья на Рождество – тоже древняя традиция северных европейских стран, которую эстонцы поддерживали и на Урале.

Результатом межэтнического взаимодействия было включение эстонских деревень в цикл **святочного гулянья** ряженых. Эстонцы в большинстве случаев только принимали ряженных в своих домах, хотя были и исключения, когда они непосредственно участвовали в процессе, особенно дети из этнически смешанных семей. «Бегали. Верно, красились всяко. Бегали сажами. Это не одни наши, это все бегали в Рождество. И русские, и все бегают. И эстонцы тоже бегали. Все вместе» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹²⁸. В Октябрьском районе ряженных называли *шуликенами*, в Сивинском – *сряженными*. Пришедших угощали выпечкой, кружкой пива или давали монетку. Обычай святочного ряженья был распространен и у европейских народов, им были известны свои герои, которых изображали переодетшиеся участники обходов¹²⁹. У пермских эстонцев, как свидетельствуют полевые материалы, собственные наименования персонажей ряженья были утрачены, и обряд в целом был адаптирован к традициям соседних народов.

Особых ритуалов во время празднования **Новогогода** у эстонцев Пермского края не было. В более позднем варианте, как и на Рождество, на Новый год ставили елку, хотя обычно до Нового года продолжала стоять рождественская ель. После Нового года, а в других вариантах – уже после Рождества молодежь начинала гадать. Известны были гадания с зеркалом, с подсчетом жердей тына, с замораживанием воды: «Считали тынины-то: мешок, сусек, котомка, мешок, сусек, котомка. В ложке морозили воду» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹³⁰.

Обычай святочных и рождественских гаданий существовал у разных народов, в том числе и у эстонцев. Скандинавские народы и финны в это время ворожили о будущем урожае, о счастье, девушки – о замужестве и т. п.¹³¹ Описанные выше примеры гаданий перекликаются и с местной традицией. Скорее всего, в данном случае пермские их варианты легли на эстонскую обрядовую основу.

Масленица в эстонской народной традиции отмечалась обычно во вторник седьмой недели перед Пасхой. В этот день готовили гороховый или бобовый суп со свиными ножками¹³². Кроме этого, традиционными блюдами были ячменная каша и пресные ячменные лепешки. Молодежь каталась на санках с гор, на лошадях¹³³. В Пермском крае эстонцы вместе с соседними народами часто участвовали в общих масленичных гуляньях: катались с гор, сжигали чучело: «Вот в Масленку катались. На конных дворах сани ишо конские, где гора есть, сани волочат, катаются» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹³⁴. Празднование Масленицы, в котором участвуют все жители деревни, стало одним из праздников и в эстонской деревне Новопетровке Октябрьского района. Праздник имел в основном развлекательный характер, для верующего населения он означал наступление поста.

К **Пасхе** пермские эстонцы начинали готовиться заранее. Прибирали и мыли избу. Эстонцам Сивинского района были известны некоторые обычаи Великого четверга – ходить утром по воду, считать деньги и выполнять все необходимые хозяйственные работы. Похожие магические действия, под воздействием русской культуры, исполняли сету Печорского края¹³⁵. В европейских странах в четверг на Страстной неделе придерживались запретов и выполняли апотропейные обряды, связанные с представлениями о появлении в это время нечистой силы и активизации ведьм¹³⁶. Перечисленные обычаи Великого четверга сивинских эстонцев, несмотря на сходство с исконными обрядами, все же больше соответствуют местной прикамской традиции.

До сих пор сохраняется обычай красить к Пасхе яйца. Традиционно краску получают из отвара луковой шелухи. Для детей крашеные яйца прежде оставляли в тарелочке со специально выращенной к этому дню зеленью овса. «У нас мама всегда растила овес или зерно, в старое время. Такое большое блюдо было деревянное. Тогда оно уже чуть-чуть зеленеть начинает. Только сварит эти яйца и вот на зелень туда яички кладет – и всё. Потом приходишь и, когда сядем все за стол, берем. Она берет, чистит сначала одно яйцо. Она расчистит это яйцо, сколько человек нас есть, на столько человек она разрежет» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹³⁷. Обычай готовить лукошко с пророщенной зеленью для пасхальных яиц известен в западных областях России и некоторых европейских странах¹³⁸, он символизирует весеннее возрождение природы.

Дети и молодежь на Пасху качались на качелях. Особых временных рамок для этого развлечения у эстонцев не было, качели оставляли затем на все лето. Верующие эстонцы в первой половине XX в. бывали на пасхальной службе в действующих храмах или собраниях.

На **Троицу** эстонцы посещали кладбище, поминали умерших. Известны ритуалы с березой, но они не получили широкого распространения и не несли сакрального смысла. Веточками березы или небольшим деревцем эстонцы украшали на Троицу свои избы. «В избу приносили

березовые ветки на Троицу» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹³⁹. «Березу приносили. Поставят в избе, как елку же. Прямо внутрь избы» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁴⁰. Аналогично Троицу отмечали в Эстонии, но особых обрядов во это время не проводили, так как большинство поверий и ритуалов было связано с другим летним праздником – Ивановым днем.

Иванов день – одна из значимых дат народного календаря эстонцев Новопетровки Октябрьского района. Празднование начиналось еще накануне Иванова дня – 6 июля. В Новопетровке этот праздник известен под названием **Липка**, так как именно липу выбирали для праздничного костра. Название праздника по главному обрядовому атрибуту – достаточно распространенное явление в календарной обрядности многих народов, и, хотя этот праздник сегодня считается эстонским, но его старое эстонское название – *Jaanipäev* – забыто, а Липка – название русское, которое, скорее всего, появилось уже в Прикамье, на новой родине переселенцев.

К празднику готовятся заранее: специально к этому дню ищут старую липу, выбирают ее сердцевину, чтобы получилась большая деревянная «труба». В окрестных лесах готовят бересту для липы и для обрядового костра. Ствол липы приносят на поляну на окраине деревни. Полный ствол дерева, в длину достигающий до четырех метров, заполняют берестой.

Для проведения ритуала не закрепилось особого места, выбирался открытый, не поросший лесом участок, поляна около деревни. Липу в вертикальном положении вкапывали в землю. Вечером 6 июля самый старший из участников обряда поджигал бересту внутри ствола. Так начинался праздник. Внутренняя часть дерева медленно тлеет, и только когда уже наступают ночные сумерки, вверху ствола вспыхивает пламя. Липа горит всю ночь. «А летний праздник – Липка называлась, Ивана Купала. Находили в лесу сухую липу. Привозили ее, вкапывали. И сейчас такая традиция идет. Вкапывали, делали окно такое, набивали туда берестов. Самый старший поджигал эту липу. Сначала черный дым идет. Все кричат: горит, горит! Потом она загорится – как свечкой. Сейчас вот делают. Самое интересное, самое главное, когда вспыхнет. Потом начинают бересту класть. До утра горит. Большую [липу] привозят» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁴¹.

«У нас тут пустых лип много было, в лесах-то росли. Другие вон, дак и не обхватишь! Метра четыре липу брали пустую, набивали ее берестой. Ставили в землю, вкапывали. Поджигал старейшина. Она начинает разгораться, сначала около часа, наверно, все кверху идет, идет. А потом уже – как факел!» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁴² Все это время люди наблюдали за огнем и веселились – пели, танцевали, играли в игры под звуки гармошек. На праздник каждый приносил с собой угощение. Нина Иосифовна Кестер, одна из старейших жителей д. Новопетровки, вспоминает, как раньше отмечали Липку: «Иванов день вот отмечали больше всех. Жгли липу. Находили дупло липовое, чтобы оно было пустое, его свалят. Берёсто натолкают полную эту липу. Потом ее поставят. Шестого вечером они ее зажигали. И вот тогда собирались все. Привозили телегу с бочками пива, воды привозили. Собирались молодежь и старые, кто хотели. Ходили туда и там гуляли. Тоже всякие игры были. Гармошка. Гармонистов тогда было много»¹⁴³.

Позже, когда праздник приобрел характер массового гулянья, как и сегодня, на поляне на импровизированной сцене проводят концерты и выступления творческих коллективов, организывают торговлю.

Сохранилось и предание о происхождении праздника: когда-то, давным-давно, когда прабабушки и прадедушки пермских эстонцев еще жили на далеком острове Даго на Балтике и основным их занятием был морской промысел, в одну из летних ночей, когда мужчины были в море, разыгралась сильная буря. Женщины, оставшиеся в деревне, чтобы указать судам путь к земле, выбрали большую старую липу, с полым стволом, наполнили ее берестой и подожгли.

По свету этого пламени, как по маяку, рыбаки сориентировались и благополучно вернулись домой... С тех пор и повелось ежегодно в этот день устанавливать большой ствол липы и разжигать костер. Но это лишь красивое предание. Древняя символика Липки, как и ритуалов Иванова дня у других народов, связана с культом растительности, магией плодородия, с почитанием солнца и огня, как жизнеутверждающей и очистительной сил. Обычай жечь костры в тот праздник был широко распространен как в Эстонии, так и в соседних странах¹⁴⁴. Прежний смысл обряда для пермских эстонцев давно потерял свою актуальность, праздник остается особым развлекательным мероприятием, выражающим их национальную культуру. Кроме этого, он стал самобытным территориальным торжеством, собирающим в общий круг людей разных национальностей.

Эстонцы Сивинского района в этот день посещали кладбище. Других обычаев, приуроченных к этой дате, у них не зафиксировано.

В первой половине XX в. у эстонцев Октябрьского района сохранялась традиция зимнего ряженья, впоследствии она постепенно утратилась. Ряженные (переодетые) дети и молодежь ходили по домам в начале зимы два раза. Первый праздник в Эстонии посвящен памяти епископа Мартинуса – **Мартынов день**, отмечается 10 ноября. Эстонцы Октябрьского района приурочивали его к **Михайлову дню** – 21 ноября. В этот день ходили так называемые «черные» ряженные. Они были одеты в одежду темных цветов, в вывороченные шерстью вверх тулупы. Следующее обрядовое действие отмечается в Эстонии в **день Катарини** – 25 ноября, а у эстонцев Пермского края по православному календарю в **день Екатерины** – 7 декабря. В этот раз участники обряда надевали светлую одежду, их называли «белыми» ряженными. В Эстонии Мартынов день считается мужским праздником, ряженные рядились обычно в мужчин, старались выглядеть пострашнее, а день Катарини отмечался как женское торжество, одежда ряженных тогда была светлой, они изображали женщин¹⁴⁵. По воспоминаниям Нины Иосифовны Кестер, ряженные обходили дома с гармошкой, с песнями. Детей ряженные проверяли на знания, умения и способности. Для этого они брали с собой книгу и вицу. Если ребенок читал хорошо, его хвалили, если плохо – символически наказывали вицей. Хозяева одаривали пришедших ряженных монетами и мелкими вещичками, которые затем делились между ними. Когда ряженные покидали дом, последний из них, специально назначенный для этого участник обрядовой процессии, подметал пол избы метлой. «Сначала ходят черные ряженные, только в черное все одеваются. А потом, в другой раз, идут белые. Тогда одевают все в белое. И ходили ряженные всегда с гармошкой, с таким весельем. Всегда у них были уж с собой книга и вичка. Если ты плохо прочитаешь, значит, вичкой получишь. Если хорошо прочитаешь, значит, похвалят тебя. Потом, когда уже все поплясали, все походили – и уходят. А хозяева дают им гостинцы какие-нибудь. Когда все уже уходят, последний идет уже с метелкой, он весь пол подметет у хозяина, где поплясали, и пойдет дальше. Мы ходили, нам же интересно было. Деньги еще давали. Даже вот в другой раз два пятьдесят, мы разделим всю эту кассу потом... А дед у нас был, папкин хресный, он деньги никогда не давал, он мастер был, делал ложки деревянные. Он всем по ложке даст» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁴⁶.

Помимо названных праздников, эстонцам были известны и другие религиозные даты календаря, например, Петров день, «Богородицыны дни». В советский период отмечали колхозный праздник уборки урожая, а также «Октябрьский» праздник (7 ноября), который обычно совпадал с окончанием полевых работ.

Наверно, можно говорить о том, что праздничная традиция эстонцев Пермского края сохраняла этнический колорит в первой половине XX столетия. Затем были коллективизация, ликвидация хуторов, появились этнически смешанные семьи и поселения, и все эти факторы послужили причиной трансформации календарной обрядности. Согласно полевым материалам, эстонцы Пермского края во второй половине XX столетия отмечали праздники, в основ-

ном, по православному календарю. Позже религиозная составляющая праздников осталась только в семейном кругу, но и там она постепенно утрачивала свое прежнее значение. Это во многом было обусловлено антирелигиозной политикой государства. Народные архаичные элементы праздничных традиций сохранялись лучше, чем религиозные, они были востребованы как семьей, так и сельской общиной. В результате межэтнических контактов эстонцы восприняли некоторые календарные обычаи других народов (более всего местного русского населения, частично – немецкого, латышского, марийского), а их собственный праздник Липка стал межнациональным территориальным развлекательным событием. Бóльшая ассимиляция календарной традиции заметна у эстонцев Сивинского района, они не могут назвать каких-либо самобытных черт своей праздничной культуры. Вероятно, сглаживанию различий между сивинскими эстонцами-сету и местным русским населением способствовала общая для них православная религия, а дисперсное расселение эстонцев-лютеран также сказалось на быстром разрушении календарной традиции, в то время как сохранение поселения Новопетровка как эстонского явилось главной причиной сохранения общественных календарных традиций.

Этноконфессиональные процессы

Среди эстонских переселенцев в Пермское Прикамье оказались представители как лютеранского, так и православного исповедания. Именно лютеранство и православие были характерны и традиционны для всего эстонского народа¹⁴⁷.

Лютеранского вероисповедания придерживались жители эстонских хуторов в западной части Сивинского района. В условиях дисперсного расселения и немногочисленности эстонского населения достаточно сложно было организовать конфессиональные общины. В Сивинском имении, как свидетельствуют документы Крестьянского поземельного банка, лютеранской консисторией был приобретен участок земли размером в 1 десятину по цене 25 руб. для строительства молитвенного лютеранского дома¹⁴⁸. Усилия консистории по организации молитвенного дома объясняются и тем, что кроме эстонцев в лютеранской общине нуждались и их соседи, латыши. Однако был ли построен лютеранский молитвенный дом или его строительство осталось нереализованным проектом, выявленные нами документы не раскрывают, не удалось получить о нем сведений у информаторов-эстонцев в Сивинском районе.

Конфессиональные лютеранские традиции сохранялись и воспроизводились в рамках семейных и соседских коллективов. В основном, как отмечают информаторы, собрания и моления проводились лишь во время семейных ритуалов: «Собрались, когда надо было кого-то крестить. Когда кто-то умирал, отпевали сами. Отец наш был типа попа. Он вел. У него такая книга, в эту книгу он записывал рождение, смерти. Латыши и эстонцы приезжали» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁴⁹. Как видно из приведенного примера, обязанности лютеранского пастора исполнял старший, наиболее уважаемый человек.

Эстонцы-сету, приехавшие в Прикамье из Псковской губернии и сопредельных территорий и обосновавшиеся в Сивинской даче, были православными. Эстонские хутора располагались в нескольких километрах от с. Сивы с православной церковью, к приходу которой и были отнесены переселенцы: «Мама у нас в церковь в Сиву ходила по праздникам, также ходили, как и здешние, русские, и меня здесь в Сиве, в церкви, крестили» (Сивинский район, с. Сива)¹⁵⁰. Метрические книги Сивинской Княже-Всеволодской церкви¹⁵¹ неоднократно свидетельствуют о совершении крещения, венчания и отпевания православных эстонцев, при этом всегда отмечается их конфессиональная принадлежность и места выхода: «Псковской губернии, пригорода Печера, мещанская жена Елизавета Иммис, православная», «Лифляндской губернии, Верроского уезда Рябиновской волости, Родион Иммис, православный»¹⁵². В качестве православного религиозного центра выступал и храм в с. Екатерининском Сивинского района. Как отмечают информаторы и как свидетельствуют сохранившиеся метрические книги церкви¹⁵³, православные эстонцы также посещали в нем службы и совершали крещение и другие таинства: «Мама у меня эстонка была, православной веры, в церковь ходила, в этот храм, меня как раз покрестили в нем в 1934 году» (Сивинский район, с. Екатерининское)¹⁵⁴.

Проживая в условиях иноэтнического и иноконфессионального окружения с преобладанием русского населения и православия, было достаточно сложно сохранять и поддерживать свои конфессиональные традиции. Этими причинами можно объяснить процессы перехода в православие среди эстонцев-лютеран Пермского Прикамья. В метрических книгах приходов Сивинского имения неоднократно упоминаются о переходе в православие эстонцев: «Лифляндской губернии... крестьянская девица Альвина с переименованием Алевтина, 22 лет, присоединена к православной церкви из лютеранского вероисповедания через таинство святого миропомазания»¹⁵⁵.

Сложные конфессиональные процессы мы наблюдаем в эстонской деревне Новопетровке Октябрьского района, основанной выходцами с северо-западных территорий Эстонии с лютеранским населением. Как свидетельствуют наши полевые материалы, в деревне проживали как лютеране, так и православные: «Были и лютерана, были и православные. Разные, не все были православные» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁵⁶. Вопрос о строительстве лютеранского храма или молитвенного дома в деревне не ставился. Лютеране также собирались на моления в домах общинников, конфессиональные традиции были важны при совершении семейных ритуалов. В Новопетровке еще сохранились книги на эстонском языке, привезенные с родины: «Это Библия на эстонском, это они все оттудова привезли с собой. Они где-то в восьмисотых годах напечатаны. Называется не латинским, а... раньше называлась «каменная печать», по-эстонски» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁵⁷. Долше всего конфессиональные традиции сохранялись в похоронно-поминальной обрядности. На эстонском кладбище в д. Новопетровке в течение длительного времени хоронили только лютеран, а православные эстонцы хоронили своих усопших на кладбище в русском селе Леун.

Активное межэтническое взаимодействие привело к распространению православия среди эстонцев Новопетровки, что определялось не только контактами с соседним русским населением, но и наличием православных приходов, а также сложностью в организации собственных этноконфессиональных общин. Не всегда посещение православной церкви и совершение православных ритуалов приводило к быстрому отказу от традиционной конфессиональной идентичности. В некоторых семьях эстонцы считали себя лютеранами, но крещение, венчание и отпевание совершали в православной церкви. Известны и переходы в православие и четкая православная конфессиональная идентичность: «Наши были православные, в церковь ходили в Леун. Там мама с отцом венчались, и дедушко отпевали там, там похоронили его...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁵⁸; «Мы были русской веры. Ездили в Леун, я помню, раньше, помню, ездили все время в Леун, они в церковь туда, в Леун, ездили, и хоронили в Леуне. У нас там похоронены...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁵⁹. Переход в православие был определен и в случае этнически смешанных браков.

Богатый материал для изучения конфессиональной ситуации Новопетровки дают метрические книги Свято-Троицкой православной церкви с. Леун Аскинской волости Бирского уезда (ныне Октябрьского района Пермского края) начала XX в. За период 1903–1905 гг. в книгах отмечено семь записей о крещении младенцев, в большинстве записей указано на православное исповедание родителей. Так, 10 августа крещена дочь Мария, родители «Аскинской волости, проживающий на земле товарищества «Даго» крестьянин Кирилл Михайлов Лайд, жена его законная Васса Иоанновна, оба православного исповедания»¹⁶⁰, восприемником выступила «Аскинской волости, проживающая на земле товарищества «Даго» крестьянская девица Мария Иоанновна Янова»¹⁶¹. В этом же году 17 августа «Лифляндской губ., Езельского уезда Перзамаской волости запасной рядовой Даниил Михайлов Вагане, законная его жена Мария Михайлова, оба православного исповедания» с восприемниками «Эстляндской губернии, Гаспальского уезда, Киргасарской волости, крестьянин Кирилл Павлов Кийве и Акинской волости, товарищества «Даго» крестьянская жена Анна Анфилова Янова»¹⁶² крестили дочь Раису. Только в одной записи указывается о крещении младенца, родители которого перед совершением таинства присоединились к православной церкви: «Крестьянская девица п[оселка] Даго Анна Адова Нейланд (дочь крестьянина Бирского уезда Аскинской волости, поселка Даго, Ада Тенисова Нейланд и жены его, Мины Мартовой), состоявшая в лютеранском исповедании, 22 л., вследствие изъявленного ею желания, помазанием св. мира присоединена к Православной Греко-Российской церкви с сохранением прежнего ее имени»¹⁶³. За этот же период отмечено три случая отпевания в Леунском храме¹⁶⁴. Отмечена и единственная запись

о венчании в храме 16 февраля 1905 г. «починка Даго крестьянин Иоанн Иоаннов Янов, 28 л. и починка Даго крестьянская девица Анна Адамовна Нейланд, 22 л.» с поручителями: «от жениха: починка Даго крестьяне: Иосиф Янов, Юрий Нейланд, Иоанн Теор», «от невесты: починка Даго крестьяне: Карл Мяндр, Иаков Лепер, Алексей Мяндр»¹⁶⁵.

Как видно из анализа имеющихся источников, значительное число эстонских семей хуторов Даго прибегало к совершению православных семейных обрядов или участвовало в них. Однако сравнение списков фамильного состава жителей хуторов и тех, кто встречается в метрических записях, говорит, что все же далеко не все и не всегда обращались к православной церкви.

Схожие процессы сохранения традиционной конфессиональной идентичности и одновременно обращение к православным институтам, как и переход из лютеранского в православное вероисповедание, были характерны в Прикамье не только для эстонцев, но и для соседнего немецкого населения, также основавшего ряд хуторских поселений в Прикамье в начале XX в.¹⁶⁶

Значительное влияние православия, особенно во втором поколении переселенцев, информаторы связывают с общими тенденциями этнокультурного влияния соседнего русского населения: «Так что уже, они с малых лет здесь уже жили, все по-русски, дак. Они даже не смогли что-то перенять эстонское» (Сивинский район, с. Екатерининское)¹⁶⁷; «Мы уж тут все по русским обычаям жили...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁶⁸. Обращение к православию происходило и по той причине, что основные черты лютеранской и православной христианской традиции не всегда воспринимались как принципиально различные: «А в лютеранской вере большой разницы нет, такие же молитвы, как у православных, крест, какой и православный человек носит» (Октябрьский район, д. Новопетровка).

В советское время поддержание религиозных традиций, как и сохранение конфессиональных общин, было крайне затруднено. Кроме идеологических установок, основной причиной разрушения этноконфессиональных традиций стала ликвидация эстонских хуторских поселений, повлекшая дисперсность в расселении и размывание большинства комплексов этнической культуры.

Следует отметить, что и в настоящее время конфессиональная жизнь эстонцев-лютеран Прикамья не возродилась, принадлежность к лютеранству осознается как дань истории, на уровне исторической памяти. Отдельные конфессиональные традиции сохраняются лишь в семейных коллективах. Одна из основных причин этого – дисперсное расселение и невозможность организации этноконфессиональной общины. Православные эстонцы посещают православные храмы в русских селах. Однако, например в д. Новопетровке, удаленной от православных центров, конфессиональные традиции по-прежнему воспроизводятся лишь на уровне семейных коллективов и отдельных верующих.

Межэтническое взаимодействие

Территория Пермского Прикамья – одна из самых полиэтничных на Среднем Урале и в Приуралье. На новой родине эстонцы также оказались в иноэтничном и полиэтничном окружении. Состав населения Октябрьского района формировался в течение нескольких веков. Соседними с эстонцами народами на протяжении конца XIX – начала XXI в. были башкиры, татары, чувашы, мари́йцы, русские, немцы¹⁶⁹. Коренным населением Сивинского района были русские. Однако в освоении сивинских земель в начале XX в. наряду с эстонцами принимали участие и другие народы. На земельных участках бывшего имения Всеволожских вместе с эстонцами на хуторах поселились крестьяне из других волостей Пермской губернии (русские и коми-пермяки), а также переселенцы из западных территорий Российской империи, в числе которых были немцы, латыши, поляки, белорусы, украинцы¹⁷⁰.

Межэтнические отношения эстонцев с другими народами складывались под воздействием различных факторов. Близость исторических судеб и схожесть условий жизни на новой родине поспособствовали развитию активного взаимодействия с теми народами, которые также осваивали новые земли в Прикамье и создавали по соседству хуторские поселения – это, в первую очередь, немцы и латыши. С этими народами эстонцев-лютеран сближала и общность этноконфессиональных традиций. У православных же эстонцев этноконфессиональные традиции явились мощным фактором аккультурации и взаимодействия с соседним русским населением. Опыт адаптации и ведения хозяйства в природно-климатических условиях Среднего Урала, имевшийся у местного русского населения и столь необходимый новопоселенцам, обусловил как активные контакты с русскими, так и целый ряд иноэтнических заимствований.

На протяжении более чем векового пребывания эстонцев в Прикамье характер и интенсивность межэтнического взаимодействия на каждом этапе имели свои особенности. В начальном периоде переселения эстонцев на земли Прикамья проявлялось стремление к моноэтническим поселениям, поэтому не случайно большая часть хуторов образовала компактные ареалы. На этом этапе взаимоотношения с представителями других народов не были оформившимися и постоянными. Главной причиной, сдерживающей контакты, была не только компактность расселения, но и коммуникационные барьеры – далеко не все жители эстонских хуторов владели в тот период русским языком и могли общаться с местным населением. Информаторы и сегодня отмечают, что старшее поколение в хуторах плохо говорило и понимало по-русски: «Мама, она до конца плохо говорила по-русски. Она понимать понимала, а отвечала по-эстонски» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁷¹.

Наиболее интенсивные контакты в этот период у эстонских хуторов Даго (Новопетровка) складывались с соседним немецким населением. Были известны случаи смешанных эстонско-немецких браков. На возможность и вероятность смешанных эстонско-немецких браков уже в первой половине XX в. неоднократно указывали информаторы, как немцы, так и эстонцы, в то время как браки с представителями других народов не всегда поощрялись: «Потом наши мужики многие женились на немках. Или своих девок не было или че, но женились на немецких девках. У нас три семьи, наверно, этих немецких были. Галина бабушка вышла за немца. Немка вышла за эстонца. И тетка ее. Наверно, три сестры вышли за эстонцев» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁷². Немцы, проживающие в Новопетровке, осваивали эстонский язык: «Немцы тоже по-эстонски сначала не знали. Которые женщины жили у нас тут в Петровке, четыре человека, они научились по-эстонски говорить, говорили по-эстонски, как и эстонки, [хотя] немки были» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁷³. Сближению двух народов способствовала конфессиональная близость (среди немцев и эстонцев были представители лютеран). Так или иначе, религиозный фактор обусловил схожесть в некоторых

элементах духовной культуры, прежде всего в праздновании основных религиозных праздников, сроки которых и совпадали и различались с соседним русским населением. Активные контакты и взаимовлияния были обусловлены и общностью хозяйственного уклада: в отличие от соседних народов, немцы и эстонцы сохраняли хуторское хозяйство и хуторской тип расселения. В результате взаимодействия складывался общий пласт элементов хозяйства и материальной культуры, проявившийся в одинаковой планировке интерьера жилища, конструкции печи, средствах транспорта, традиционном костюме, утвари, приемах ведения хозяйства. В то же время, при общности некоторых черт материальной и духовной культуры, информаторы указывают на некоторые значимые для них детали оценки соседнего народа. В частности, эстонцы всегда отмечают существенные внешние отличия соседей-немцев от представителей своего народа: «Немцы, они темнее, эстонцы – светлый народ. Эстонцев мало темнокожих, темноволосях. Светловолосые эстонцы больше...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁷⁴. Эстонцы указывали и на неразвитость празднично-обрядовой культуры соседнего немецкого населения, так как народный календарь эстонцев был более развернут и включал большее число как праздничных дат, так и обычаев, с ними связанных: «У их ведь как-то вроде немного по иначе все. Они больше верующие были. Праздники они не каждый праздновали, у нас много праздников, а у них нет» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁷⁵.

В эстонских хуторах эстонцев-лютеран Сивинского имения активные контакты наблюдались с соседним латышским населением, хутора которого также располагались в Сивинском имении. С латышами эстонцев-лютеран сближала не только религиозная традиция, но и близость элементов традиционной культуры, обусловленная близостью культур народов одной историко-этнографической области – Прибалтики, что, в свою очередь, определяло многие общие стороны их быта и духовной культуры, в том числе обуславливала предпочтения и интересы в межэтнических контактах. Информаторы часто отмечали: «Эстонцы с латышами ничем почти не отличались, язык только. Обычаи – все одинаково было. Прибалты и прибалты...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁷⁶. По рассказам известно об общем отправлении религиозного культа эстонцами и латышами во время календарных праздников и семейных обрядов (крестины), об общих книгах учета родившихся и крестившихся и умерших: «Отец был как старший по вере. У отца были все документы. У него была книга с записью латышей и эстонцев. Рождения, крещения, смерти. Потом, когда советская власть стала надвигаться, он все сжег...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁷⁷. Неоднократны упоминания о владении языками соседних народов: «Латыши и эстонцы, они все вместе. У нас отец был и латыш, и эстонец. И по-латышски знал, и по-эстонски знал да, не знаю как. То ли родители тоже так же. Говорили, что отец был и латыш и эстонец вместе. Некоторые были так же, он не один, что по-латышски знали и по-эстонски знали» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁷⁸; «У меня отец – латыш, мама – эстонка. Мы говорили дома на трех языках. Ну, я, конечно, мала еще была, велик ли у меня там запас был. К маме надо было обращаться на эстонском, к отцу – на латышском. Общий язык – русский. Мама по-латышски знала, все равно общались ведь. Все перемешались, как говорится... И дети на всех трех [языках] говорить начинали...» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁷⁹.

В то же время контакты эстонцев-сету как по особенностям расселения, так и конфессиональным традициям были близки к традициям славянских народов, русским и белорусам. И если эстонцы-лютеране создавали свои конфессиональные общины, то православные эстонцы вливались в уже существующие православные приходы в соседних селах.

Территория Сивинского имения осваивалась разными народами, среди которых было значительно число выходцев из западных губерний России – белорусов, латышей, поляков, эстонцев, также активно взаимодействовавших друг с другом.

Для переселенцев из западных губерний в Прикамье также было характерно формирование целого пласта общих явлений хозяйственной жизни и элементов материальной культуры. У белорусов, эстонцев и латышей получил распространение единый вид кожаной обуви, известный только под термином поршни, лапти-пакальники, сплетенные из пеньки, многопольные севообороты, введение травосеяния на хуторских наделах, приемы покрытия крыши дранкой. Отчасти общие черты культуры были обусловлены близостью исходных традиций (так, кожаная обувь была характерна для всех народов западной части России), а отчасти явились результатом взаимодействия культур на новой родине.

Несомненно, существенное влияние в условиях адаптации к новым природно-климатическим, социально-экономическим и этнокультурным реалиям Пермского Прикамья сыграли традиции русского населения. Взаимодействие с русскими осуществлялось в разных сферах, отмечались и заимствования из русских традиций. Первую группу заимствований составляли те, которые были связаны с освоением окружающей среды. В этом случае традиции местных народов были более адаптированы к природно-климатическим условиям Среднего Урала, старожильческое население имело опыт хозяйствования в этих условиях, как и навыки использования природных ресурсов. К таковым заимствованиям можно отнести появившееся под влиянием русских использование в пищу местных дикоросов (пистиков и пиканов), включение в систему питания грибов. В условиях лесного ландшафта эстонцы сменили соломенные крыши на тесовые, так как недостатка в лесных материалах в Прикамье не наблюдалось. Вторую группу заимствований в эстонской культуре следует связывать со сложившейся системой этнической кооперации. Эстонцы не всегда владели необходимыми ремесленными технологиями и не всегда осваивали их, часть изделий приобреталась ими на базарах и ярмарках у русских мастеров и постепенно органично входила в эстонский быт, например глиняная посуда, в некоторых случаях – скобяные изделия. Приобретались не только предметы, но и усваивались технологии, эстетика предметов, формировалось единство, в целом характерное для регионального комплекса. Например, лапти постепенно получили распространение и появились в быту всех народов региона. В эстонских поселениях, особенно в середине XX в., появлялись дома, перевезенные из соседних русских деревень, при этом наблюдался и обратный процесс приобретения русскими и другими народами жилых и хозяйственных построек, рубленых «по-эстонски», транспортных средств – телег, заметно отличающихся от тех, которыми пользовалось соседнее местное население. К третьей группе явлений, проявившихся в эстонской культуре Прикамья, можно отнести те черты, которые сложились, с одной стороны, в результате восприятия русской культуры как универсальной, интегрирующей культуры региона, но и в какой-то степени интегрирующей в рамках всего российского государства. В качестве языка межкультурной коммуникации выступал русский язык, необходимость освоения которого была осознана уже первыми поселенцами. Даты русского календаря часто сменяют даты традиционного проведения праздников, по-русски отмечаются Рождество и Пасха, даже в том случае, если наполняемость этих праздничных циклов соответствует национальным обычаям.

В меньшей степени наблюдались контакты и взаимодействие с другими соседними народами – татарами, башкирами, марийцами, удмуртами, а позднее чувашами. Отношения складывались в рамках мирного добрососедства, однако это не приводило к заимствованию из культур этих народов.

Объединяющей и интегрирующей системой была и праздничная культура народов. Эстонские деревни были включены в круг поселений соседних народов, привлекавшихся в праздничные действия. Об том свидетельствуют примеры обхода эстонских домов русскими ряжеными, посещение эстонцами татарских праздников: «Если у татар праздник – к татарам пойдем, если у нас – татары к нам ходят» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁸⁰. Яркий пример – участие в эстонской Липке разных народов.

Интенсивность межэтнического взаимодействия возросла в послереволюционный период. В это время увеличивается и число этнически смешанных поселений, эстонцы проживают совместно с русскими, немцами, белорусами, латышами¹⁸¹. Значительно возрастает роль русского языка как средства необходимой межэтнической коммуникации, особенно в условиях коллективных хозяйств. Процессы взаимодействия эстонцев с другими народами также происходили в разных сферах жизнедеятельности этноса. В этот период многие представители уже второго поколения эстонцев-переселенцев состояли в этнически смешанных браках. К сожалению, нам не известны статистические данные о числе моноэтнических или смешанных браков и о составе последних. Почти все опрошенные в ходе исследования эстонцы старшего возраста, проживающие в Октябрьском районе, состоят или состояли в смешанных браках, также их потомки женаты или замужем не за эстонцами. В большинстве случаев супругом или супругой является немец (немка) или русский (русская). Из пяти семей только в одной и муж и жена были эстонцами. В Сивинском районе состав браков в национальном отношении еще более разнообразен. Так, двое опрошенных старшего возраста оказались из эстонско-латышской семьи, еще у одного отец был эстонцем, а мать мордовкой, у четвертого – мать эстонка, а отец русский, а сам он состоял в браке с украинкой.

Заметную роль в развитии межэтнических контактов в тот период имели хозяйственно-экономические отношения. Они складывались в сфере продажи и обмена товарами, в практике взаимопомощи. «Я когда еще молоденькая была, корни возила да с немцами всё» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁸². «За помощью обращались. Они [русские] молотили у нас» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁸³. Примером слаженных хозяйственно-экономических отношений можно считать совместную трудовую деятельность в коллективных хозяйствах и на общественных предприятиях. В этот период происходит унификация многих явлений материальной культуры, проявившаяся в трансформации костюма, изменении народной кухни, построек, занятий, инвентаря и способов ведения хозяйства.

Наверное, особо можно выделить еще соседские отношения, которые, помимо вышеперечисленных мотивов взаимодействия, включают обычные повседневные встречи, общение между представителями разных народов. Для детей из смешанных семей межнациональное общение начиналось на самом раннем этапе в родственном кругу. Основой тесных контактов детей из разных этнических семей становилась совместная учеба в школе, участие в общих досугово-игровых действиях.

Многие факты свидетельствуют о том, что, стараясь придерживаться собственных традиций и сохранять свою национальную идентичность, эстонцы тем не менее активно взаимодействовали с другими народами, легко перенимали их положительный опыт и этнокультурные традиции. В период сохранения моноэтнических поселений вплоть до середины XX в. межэтническое взаимодействие и заимствования являлись фактором формирования специфики собственно эстонской культуры, однако на более позднем этапе они явились важным фактором интеграционных и ассимиляционных процессов.

Таким образом, исследование традиционной культуры эстонцев Пермского Прикамья показало сохранение и развитие почти всех этнокультурных комплексов, однако каждый из них по-разному реагировал на изменившиеся условия бытования. Наибольшую сохранность показывают структура и организация поселений, жилище, интерьер жилища, традиционные календарные праздники и обряды. В то же время все сферы этнической культуры испытали значительное влияние со стороны иноэтнических соседей, инновации стали одним из факторов формирования региональной и локальной специфики эстонской культуры Прикамья. Сохранение и развитие традиционной культуры как целостного комплекса продолжалось до середины XX в. Во второй половине XX в. наблюдались процессы бытования лишь отдельных элементов этнокультурных традиций, разрушение целостности традиционной культуры, значительное

влияние со стороны русских традиций, замещение традиционных форм этнической культуры массовыми универсальными формами культуры и быта.

Примечания

- ¹ ПМА-2009. Сивинский район, с. Сива, Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.
- ² ЦГИА РБ. Ф. 351, оп. 1, д. 3544; ПКМ № 18672/2, Карта Сивинского имения Крестьянского поземельного банка.
- ³ Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928.
- ⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ⁵ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ⁶ Там же, он же.
- ⁷ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008. С. 79–81.
- ⁸ Моора А. Х. Об историко-этнографических областях Эстонии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей. Таллин, 1956. С. 278.
- ⁹ Шлыгина Н. В. Эстонское крестьянское жилище в XIX – начале XX в. // Балтийский этнографический сборник. М., 1956. С. 52–82.
- ¹⁰ Шлыгина Н. В. Указ. соч. С. 80.
- ¹¹ Моора А. Х. Указ. соч. С. 280.
- ¹² Шлыгина Н. В. Указ. соч. С. 52.
- ¹³ Моора А. Х. Указ. соч. С. 272–274.
- ¹⁴ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ¹⁵ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ¹⁶ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹⁷ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ¹⁸ ПМА-2009. Сивинский район, с. Сива, Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.
- ¹⁹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ²⁰ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ²¹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ²² Там же, она же.
- ²³ Там же, она же.
- ²⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ²⁵ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ²⁶ Там же, она же.
- ²⁷ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р., родилась в Кировской области.
- ²⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ²⁹ Шлыгина Н. В. Указ. соч. С. 61.

- ³⁰ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ³¹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ³² ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ³³ Шлыгина Н. В. Указ. соч. С. 61.
- ³⁴ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ³⁵ Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960.
- ³⁶ Эстонская народная одежда...
- ³⁷ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ³⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ³⁹ Эстонцы [Электронный ресурс] // Сайт Fenno-Ugria Asutus. URL: <http://www.fennougria.ee/index.php?id=10910>
- ⁴⁰ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ⁴¹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁴² Там же, она же; ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ⁴³ Традиционная обувь народов России: Учебное пособие / Сост. Н. М. Калашникова, И. В. Грязева. СПб., 2006. С. 27–29.
- ⁴⁴ ПМА-2009. Сивинский район.
- ⁴⁵ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁴⁶ ПМА-2009. Сивинский район, с. Сива, Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.
- ⁴⁷ Там же, она же.
- ⁴⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ⁴⁹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Костицына Зинаида Никитична, 1919 г. р., родом из д. Каракулка Сивинского района.
- ⁵⁰ Цит. по: Колчина Е. В., Куликова Е. А. Этномедицинский подход к исследованию традиционной системы питания (проблемы и перспективы) // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2009. С. 48.
- ⁵¹ Похлебкин В. В. Национальные кухни наших народов (Основные кулинарные направления, их история и особенности. Рецептур). М., 1990. С. 461–470.
- ⁵² Похлебкин В. В. Указ. соч. С. 459.
- ⁵³ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.
- ⁵⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ⁵⁵ Похлебкин В. В. Указ. соч. С. 461.
- ⁵⁶ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁵⁷ Похлебкин В. В. Указ. соч. С. 461.
- ⁵⁸ Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: Учебное пособие. Омск, 2003. С. 129.
- ⁵⁹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.

- ⁶⁰ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка.
- ⁶¹ *Похлебкин В. В.* Указ. соч. С. 458.
- ⁶² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ⁶³ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ⁶⁴ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁶⁵ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка.
- ⁶⁶ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар.
- ⁶⁷ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁶⁸ *Вайман Д. И., Черных А. В.* Указ. соч. С. 137.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ⁷¹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁷² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ⁷³ Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 194; *Феоктистова Л. Х.* Семейные обряды крестьян Раплаского района // *Семья и семейный быт колхозников Прибалтики.* М., 1962. С. 149–152.
- ⁷⁴ *Тедре Ю.* Знаменательные даты и связанные с ними обычаи // *Эстонские обычаи и традиции* / Сост. Юло Тедре. Таллин, 1991. С. 47–58.
- ⁷⁵ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 50; *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 135.
- ⁷⁶ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ⁷⁷ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кинас Мария Владимировна, 1929 г. р.
- ⁷⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁷⁹ Там же, она же.
- ⁸⁰ Там же, она же.
- ⁸¹ Там же, она же.
- ⁸² Там же, она же.
- ⁸³ ПМА. Октябрьский район, д. Новопетровка, от Алины Ивановны Лайд 1931 г. р.
- ⁸⁴ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ⁸⁵ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ⁸⁶ Архив школьного музея д. Новопетровка Октябрьского района.
- ⁸⁷ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 58–61; *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 133–158.
- ⁸⁸ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁸⁹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ⁹⁰ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ⁹¹ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 64.

- ⁹² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ⁹³ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ⁹⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ⁹⁵ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 74.
- ⁹⁶ *Калите В. Я.* Современная свадьба на острове Кихну // Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М., 1962. С. 121.
- ⁹⁷ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ⁹⁸ Архив школьного музея д. Новопетровка Октябрьского района.
- ⁹⁹ *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 142.
- ¹⁰⁰ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 85; *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 144.
- ¹⁰¹ Архив школьного музея д. Новопетровка Октябрьского района.
- ¹⁰² ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кинас Мария Владимировна, 1929 г. р.
- ¹⁰³ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 84.
- ¹⁰⁴ *Калите В. Я.* Указ. соч. С. 114–132; *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 139–145; Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.
- ¹⁰⁵ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.; ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹⁰⁶ *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 146.
- ¹⁰⁷ ПМА-2006, 2008. Октябрьский район, д. Новопетровка.
- ¹⁰⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹⁰⁹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ¹¹⁰ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹¹¹ Там же, она же.
- ¹¹² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹¹³ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹¹⁴ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹¹⁵ *Тедре Ю.* Указ. соч. С. 99.
- ¹¹⁶ См.: Рождение ребенка в обычаях и обрядах стран зарубежной Европы. М., 1997.
- ¹¹⁷ *Феоктистова Л. Х.* Указ. соч. С. 148.
- ¹¹⁸ Здесь и далее приводятся лишь русские названия праздников, которые используются эстонским населением Пермского Прикамья в настоящее время, так как эстонские хрононимы в речи давно не употребляются, многими они забыты.
- ¹¹⁹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кинас Мария Владимировна, 1929 г. р.
- ¹²⁰ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹²¹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹²² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.

- ¹²³ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.
- ¹²⁴ ПМА-2009. Сивинский район, с. Сива, Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.
- ¹²⁵ Праздники и обряды эстонцев [Электронный ресурс] // Информационный центр «Финноугория». URL: <http://www.finnougoria.ru/community/folk/>
- ¹²⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники. М., 1973. С. 129.
- ¹²⁷ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники... С. 106, 128.
- ¹²⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ¹²⁹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники... С. 103–134.
- ¹³⁰ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ¹³¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники... С. 103–134.
- ¹³² Праздники и обряды эстонцев [Электронный ресурс] // Информационный центр «Финноугория». URL: <http://www.finnougoria.ru/community/folk/>
- ¹³³ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 125.
- ¹³⁴ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ¹³⁵ Хагу П. С. Календарная обрядность русских и сету Печорского края // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1983. С. 51–52.
- ¹³⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Весенние праздники... С. 115, 127.
- ¹³⁷ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹³⁸ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Весенние праздники...
- ¹³⁹ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹⁴⁰ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ¹⁴¹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ¹⁴² ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.
- ¹⁴³ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹⁴⁴ Hiimae M. Der estnische Volkskalender. Helsinki, 1998. S. 141–147; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 95, 124.
- ¹⁴⁵ Праздники и обряды эстонцев [Электронный ресурс] // Информационный центр «Финноугория». URL: <http://www.finnougoria.ru/community/folk/>
- ¹⁴⁶ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹⁴⁷ Тынурист И. В. Эстонцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 423.
- ¹⁴⁸ ГАПК. Ф. 204, оп. 1, д. 68, л. 6; Д. 70, л. 55.

- ¹⁴⁹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹⁵⁰ ПМА-2009. Сивинский район, с. Сива, Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.
- ¹⁵¹ Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. (Составил диакон Петр Ершов). Пермь, 1911.
- ¹⁵² АОАСР. Ф. 75, оп. 1, д. 49, л. 40об., 86об.
- ¹⁵³ Там же. Д. 60.
- ¹⁵⁴ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.
- ¹⁵⁵ АОАСР. Ф. 75, оп. 1, д. 49, л. 40об., 368об.
- ¹⁵⁶ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹⁵⁷ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ¹⁵⁸ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ¹⁵⁹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹⁶⁰ ГАПК. Ф. 719, оп. 6, д. 205, л. 30.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Там же. Д. 205, л. 174.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 74, 154, 299.
- ¹⁶⁵ Там же. Л. 221.
- ¹⁶⁶ Вайман Д. И., Черных А. В. Указ. соч. С. 186–187.
- ¹⁶⁷ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.
- ¹⁶⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар.
- ¹⁶⁹ О формировании населения этого региона см.: Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в Южном Прикамье в XVI – первой четверти XX в. // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М., 1998. С. 39–113.
- ¹⁷⁰ Справка о положении инوгубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911.
- ¹⁷¹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹⁷² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ¹⁷³ Там же, она же.
- ¹⁷⁴ Там же, она же.
- ¹⁷⁵ Там же, она же.
- ¹⁷⁶ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹⁷⁷ Там же, она же.
- ¹⁷⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ¹⁷⁹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹⁸⁰ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.

¹⁸¹ Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Кунгурский округ. Свердловск, 1928.

¹⁸² ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кинас Мария Владимировна, 1929 г. р.

¹⁸³ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.

Глава IV

Эстонцы в Прикамье советского периода (1917–1991)

В советский период наше многонациональное государство пережило несколько войн, претерпело кардинальные преобразования в идеологической и социально-экономической сфере, при этом часто значительно менялись и приоритеты национальной политики. Потрясения и преобразования первой половины XX в. зачастую вызывали массовые (как добровольные, так и принудительные) миграции населения. Прикамье, находящееся фактически в центре России, испытало все трудности и особенности этого исторического периода.

События и потрясения Первой мировой войны не только способствовали установлению советской власти в России, но и вызвали массовый поток беженцев от линии фронта в глубь страны. Пермская губерния, находящаяся в глубоком тылу, приняла тысячи беженцев, в том числе эстонцев по национальности. Окончание войны и создание независимой Эстонии повлекло за собой реэвакуацию беженцев. События Гражданской войны часто вовлекали в противоборствующие армии жителей одной и той же деревни или села, жители прикамских эстонских деревень также принимали участие в Гражданской войне. В это же время на Урал прибыл Эстонский коммунистический батальон для боевых действий против белой армии Колчака.

Время коллективизации и индустриализации отмечено массовыми перемещениями населения страны – из деревень ехали на стройки и на заводы, и многие – добровольно, а десятки тысяч крестьянских семей подверглись раскулачиванию и принудительному переселению. Одним из мест спецссылки была территория Пермского Прикамья. Так в начале 1930-х годов на севере Пермской области появились семьи спецссыльных эстонцев.

1935 год для многих эстонцев и финнов, живших в Ленинградской области, стал годом высылки в Сибирь и на Урал.

Во время Великой Отечественной войны военнообязанные эстонцы – жители Прикамья – были мобилизованы в эстонские дивизии и сражались за освобождение Эстонии. В годы войны на территорию Пермской (в те годы Молотовской) области прибыли десятки стройбатальонов, среди которых несколько, состоящих из бойцов – эстонцев по национальности.

В послевоенное время начинается постепенный отток из Прикамья эстонского населения.

Эстонцы в Прикамье в первые годы советской власти

Первые послереволюционные годы не снизили миграционного притока с западных губерний России во внутренние районы страны. Эвакуационный поток был связан с вводом немецких войск в только что образованную Эстонскую Советскую Республику в начале 1918 г. Около 4 тысяч партийных и советских активистов бежали в Россию. Дальнейшие потрясения – немецкая оккупация, военные действия между Красной Армией и войсками Антанты – также вынуждали многих эстонцев бежать в глубь российской территории, в частности в Пермскую губернию¹. Так, пермская газета писала о том, что 9 июля 1918 г. при городском исполкоме беженцев состоялось собрание эстонских коммунистов и «им сочувствующих». «Собралось около 50 человек. Итак, можно сказать, что это было в Перми самое многочисленное собрание эстонцев». На повестке дня стоял выбор представителя для участия во Всероссийском съезде эстонских секций Российской коммунистической партии, который должен был состояться 13 июля 1918 г. в Москве. Кроме того, «выслушали многих товарищей, приехавших из Прибалтийского края» и «нашли нужным иметь постоянную связь со всеми эстонскими секциями Рос. Ком. Партии, чтобы знать положение товарищей, которые, ввиду занятия немцами Прибалтийского края, были рассеяны маленькими группами по всей России»².

За умы этих небольших групп эстонцев, беженцев и местных граждан, развернулась настоящая идеологическая война. Те, кто нес или высказывал идеи, не соответствующие большевистским, арестовывались Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ЧК). Так, приехавшего в Пермь в августе 1918 г. эстонского пастора Августа Карловича Ниголя арестовали прямо на вокзале. В Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ) сохранились несколько документов того периода:

«Удостоверение от 4 августа 1918 г.

Бюро Эстонских колоний Центральной России сим удостоверяет, что Пастор и учитель гимназии Август Карлович Ниголь приглашен Эстонскими колониями Вятской, Волжской и Пермской губерний, находящимися близ станций Глазово, Опарино и Пермь Пермской железной дороги для совершения богослужения, организации и устройства культурно-просветительных учреждений»³.

О цели приезда, мировоззрении, а также биографию Августа Ниголя можно узнать из его письма в следственную комиссию при Пермской ЧК:

«15 августа, по приезду в Пермь, я был арестован и направлен в тюрьму. Не зная сам положительно никакой причины, чтобы я заслуживал бы такую кару, я прошу покорнейше во имя справедливости разрешить мне дать о себе следующее объяснение: я сын очень бедного крестьянина, был сначала по получении начального образования работником у отца, потом у сельского учителя, потом учеником в аптеке, учился сам дальше, пока, при крайне тяжелых условиях, удалось кончить гимназию и университет.

...Как человек, не чувствующий себя призванным заниматься политикой, не считаю себя, таким образом, вправе работать против существующей власти. По убеждению я умеренный и не большевик, я считаю для себя первым долгом быть христианином, то есть относиться совершенно одинаково ко всем, без различия их национальности и религии...

Я недоволен нападками большевиков на церковь и неустойчивостью некоторых обещаний защищать идеи социализма...

Так как я прибыл к эстонским колонистам, то думал пока отдался только этой работе и заботиться не только как пастор, а главным образом о культурно-просветительских учреждениях, а именно, чтобы колонии получили бы школы, народные дома, хоры певческие, оркестры

музыки, библиотеки, читальные залы и т. д. Убежден и уверен, что такая работа будет признана и большевиками правильной.

В частной беседе я сказал ясно, что, хотя не одобряю действий финских красногвардейцев (убийства, отнимание церкви, причащение коровы и т. п.)⁴, мне все-таки симпатичны не белогвардейцы, слишком жестокой расправой которых я прямо возмущен.

Об эстонских большевиках скажу открыто и честно, что они оставили светлое воспоминание тем, что они не убивали.

Ввиду вышеперечисленного я смею надеяться и глубоко уверен, что меня освободят немедленно.

16 августа 1918 г.»⁵.

К сожалению, пермские чекисты с доводами эстонского пастора были не согласны:

«Постановление.

1918 г. августа 17 дня пермская Губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и преступлениями по должности, рассмотрев сего числа дело по обвинению эстонского пастора Августа Карловича Ниголь в контрреволюционных действиях и принимая во внимание, что задержанный пастор Ниголь преследовал цель пробраться через фронт, постановила: пастора Ниголь объявить вне закона и как врага Советской республики и трудового народа расстрелять.

Приговор привести в исполнение 17 августа сего года»⁶.

7 июля 1999 г. пастор Ниголь был реабилитирован прокуратурой Пермской области.

Богослужения и аполитичность рассматривались в то время властью как враждебные действия. Разрешенными были только эстонские секции РКП и соответственно – партийная литература, которой было крайне недостаточно, особенно на национальных языках. Осенью 1918 г. Пермская эстонская секция РКП занялась изданием книг на эстонском языке: «Ввиду того, что при оккупации Прибалтики немцами вся эстонская партийная литература осталась в распоряжении эстонских белогвардейцев и германского империализма <...> Пермская эстонская секция РКП решила удовлетворить сколько возможно большой спрос на эстонскую литературу. На днях вышла первая брошюра в переводе т. Лийва. Скоро издается для фронта листовка и т. д. Насколько нужна эстонская газета, показывают многочисленные запросы, поступающие ежедневно в бюро эстонской секции РКП, как почтой, так и по телеграфу»⁷.

В 1917–1918 гг. бежали не только из Эстонии, но и из районов, близких к военным действиям, и из крупных городов центральной России в провинцию. Биографии пермских эстонцев раскрывают особенности миграций того периода. Так, Март Денисович Антон приехал в Пермь на рубеже 1917 и 1918 гг.: «С места родины [из Эстонии] я выехал в 1912 году по разрешению властей того времени, мне выдали паспорт, по которому я имел возможность ехать в любую губернию того времени. С 1912 по 1917 год я проживал в Новгороде, а потом приехал в город Пермь и поступил работать на завод Мотовилиха. В 1921 году я принял Советское гражданство, а до этого я был как русскоподанный с николаевским паспортом, т. е. с паспортом старой России. После Октябрьской революции все время работал кирпичным мастером»⁸.

Паулина Петровна Оаго, родившаяся в г. Ревель Эстляндской губернии, а позже проживавшая в г. Петербурге, в 1918 г. приехала в прикамский город Осу. В 1919 г. Паулина Оаго переехала в Пермь. По своим убеждениям она была евангельской христианкой: «Уверовала в 1908 г. в г. Петрограде (в указанное в документе время город носил название Санкт-Петербург. – *Авт.*). Крещена 3 мая 1909 г. в Петроградской эстонской общине евангельских христиан»⁹. В Перми Оаго приняла активное участие в жизни евангельских христиан-баптистов. В сентябре 1920 г. в Перми начал работу областной съезд евангельских христиан Приуральской области. Паулина Петровна была избрана членом президиума этого съезда. 1 октября 1920 г. все участники съезда – 60 человек русских, литовцев, украинцев, эстонцев – были арестованы

пермской ЧК. После очень короткого следствия был вынесен приговор: «...заклЮчить в концентрационный лагерь на 1 год по решению Пермской губернской ЧК за участие в съезде евангельских христиан-баптистов в Перми». Отбыв полгода в концлагере, Оаго написала заявление:

*«Заведующему секретным отделом ВЧК
Арестованной Паулины Петровны Оаго*

Заявление.

Ввиду того, что с наступлением весны уже начались полевые работы и так как я состою членом сельскохозяйственной трудовой коммуны, находящейся в Добрянке Пермской губернии, прошу сократить мне срок наказания и освободить меня на сельскохозяйственные полевые работы. При чем обещаю, что работать против существующей Советской власти не буду.

12 мая 1921 г.»

Законы тогда были не столь суровы, как в 1930-е годы, потому появился следующий документ:

«Выписка из заседания Президиума ВЧК от 14 мая 1921 г.

Оаго, ввиду просьбы освободить ее для полевых работ... от дальнейшего заключения освободить, признать оставшийся неотбытый срок наказания условным...»¹⁰.

В годы Гражданской войны на Урал прибыл Эстонский коммунистический батальон. Этот батальон был создан 31 мая 1918 г. по решению Петроградского военного комиссариата для помощи уральцам. Численность его составляла 900 красногвардейцев, 12 офицеров. На Урал батальон прибыл 11 июня 1918 г. Командовал батальоном Якоб Пальвад्रे. Первые бои батальона прошли на территории современной Челябинской области – за населенные пункты Миасс, Тургояк, Селянкино. Причем на Урале, фактически в центре России, эстонцы вели бои с чехословаками¹¹. После боев на южном Урале батальон был переброшен в Пермь на отдых и переформирование. В это время из Петрограда в Пермь прибыло подкрепление, присланное Советом эстонских стрелков. В связи с увеличением числа бойцов батальон был переименован в Первый Таллинский эстонский стрелковый полк¹². После 8-дневного отдыха полк был направлен на Кунгурское направление и держал оборону на станциях Шаля, Вогулка. Я. Пальвад्रे вспоминал: «В Вогулке батальон принял участие в одном из крупных боев, завершившихся взятием рабочего поселка Сылва. Этот бой был по всем правилам военного искусства, бойцы наступали в цепи по грязи и болотистому месту. Батальон действовал в цепи как хорошо обученная и дисциплинированная воинская часть»¹³. В ноябре 1918 г. эстонский полк был передислоцирован в Ямбург (ныне г. Кингисепп Ленинградской области. – Авт.). Отправлялся полк с вокзала Пермь II, на котором был организован митинг и торжественное вручение Красного знамени: «...расставаясь с вами, герои-эстонцы, военный совет 3-й армии счастлив вручить вам в воздаяние боевых заслуг, проявленных вами на многочисленных полях сражений седого Урала, Красное знамя»¹⁴.

Жители эстонских колоний в Пермской губернии также не могли не участвовать в Гражданской войне. Часто было так, что жители одной деревни оказывались в противоборствующих армиях. Так, Воленс Иван Густовович, привезенный еще ребенком в 1902 г. с эстонского острова Даго в прикамскую деревню Новопетровку, вспоминал: «В ноябре месяце 1918 г. на территории Щучье-Озерского района находились белые войска. В то время была объявлена мобилизация, и мой год, т. е. 1898, подпал под мобилизацию. Вместе со мной были мобили-

зованы Ременс Яков и его брат Василий, Каер Густав и Яков и другие. Служил при штабе 4-й дивизии в качестве кузнеца. Отступал с белыми в обозе за Омск, не доходя Томска, перешел на сторону Красной Армии и в г. Томске поступил добровольцем на санитарные курсы, по окончании которых был отправлен на Восточный фронт. В 1920 г. я со своей частью был отправлен на Южный фронт против Врангеля. Я находился в хозяйственной команде, где служил до конца ликвидации Врангеля. В 1922 г. из рядов Красной Армии демобилизовался в бессрочный отпуск¹⁵. Житель той же деревни Ехвик Иван Михайлович изначально воевал на стороне красных: «С августа 1918 г. я ушел добровольцем в Красный партизанский отряд под командованием Деткина, который оперировал в районе Чернушка – Тауш против белогвардейских банд. Там был до декабря 1918 г. В декабре 1918 г. наш партизанский отряд влился в 21-ю стрелковую дивизию, которая была под командованием Овчинникова. До осени 1919 г. наша дивизия оперировала против Колчака, а осенью 1919 г. 21-ю дивизию перебросили на Южный фронт против Деникина. ...Всю Гражданскую войну я был младшим командиром. За партизанскую службу имею партизанский билет! После демобилизации я вернулся в свою деревню Новопетровку, Щучье-Озерский район, и начал восстанавливать свое хозяйство, так как после нашествия белогвардейских банд оно было разрушено. Так и работал в своем хозяйстве до 1929 г. Хозяйство мое было середняцкое. В 1929 г. я вступил в колхоз «Баррикада»¹⁶.

Вновь «эстонский вопрос» стал актуален в связи с заключением 2 февраля 1920 г. Юрьевского, или Тартуского мирного договора между РСФСР и Эстонской Республикой. Договор признавал независимость РСФСР (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики) и Эстонии, закреплял границы и статьей 4 давал право «лицам эстонского происхождения, проживающим на территории Советской России, в течение одного года со дня ратификации мирного договора оптировать гражданство Эстонии». В Москве была создана контрольно-оптационная комиссия, в задачи которой входила организация выезда из Советской России эстонцев в буржуазную Эстонию. Предполагалось, что Россию покинут 150 тысяч эстонцев. Контрольно-оптационной комиссии содействовали эстонские общества, возникшие во многих городах России. Поток эстонцев из России был довольно значительным – к 14 августа 1921 г. 87 361 человек заявили о своем желании оптировать гражданство Эстонии. В некоторых документах того времени этот исход эстонцев назван «оптационной лихорадкой», сравнимый по массовости и поспешности с бегством. Этот факт был быстро расценен соответствующими советскими силовыми органами (ЧК и НКВД) как «форма классовой борьбы между носителями буржуазно-националистической и социалистической идеологиями». Эстонские общества, активно содействующие оптации и выезду эстонцев из России, приобрели статус «антисоветских» и «большинство... были ликвидированы органами революционной власти»¹⁷.

Вероятно, такая судьба постигла и Пермское эстонское общество, которое было создано весной 1920 г. Сохранился протокол общего собрания эстонцев, проживающих в г. Перми, от 30 апреля 1920 г. Из этого протокола можно узнать, что собравшихся было 57 человек, а на повестку дня было вынесено четыре вопроса: 1) основание клуба; 2) выборы президиума; 3) об отправке эстонских беженцев на родину; 4) текущие дела. Резолюцией этого собрания стали следующие положения: «Постановили: основать общество и выбрать комиссию для разработки устава: Лемберг, Попс, Юрис, Антон, Сурра, Тамм. Об отправке эстонских беженцев постановили: просить соответствующих местных властей об ускорении выяснения настоящего положения эстонских беженцев и отправки их на родину»¹⁸.

С отправкой эстонских беженцев на родину действительно были сложности. После признания РСФСР независимости Эстонии и установления государственных границ зимой 1920 г. выезд беженцев приобрел статус межгосударственного дела, с соответствующим оформлением

документов и пересечением границ. Уже 8 марта Пермский исполком и Губотделуправ получили следующий циркуляр:

«Впредь до особого соглашения о порядке водворения на родину эстонских беженцев и выезда из России лиц, оптирующих в пользу Эстонии, выдача разрешений на выезд воспрещается за ответственностью заведуправ для открытия границы, о чем последует уведомление. Сообщить на места всем Исполкомам. НКВД, Москва»¹⁹. Таким образом, возвращение эстонских беженцев весной 1920 г. было приостановлено и потому так беспокоило пермскую эстонскую общественность в апреле 1920 г. Только 19 августа 1920 г. было заключено Соглашение с Эстонией по беженскому вопросу. Соглашение предусматривало: «Указанные в пункте 1 лица, не имеющие по статье 4 Тарту-Юрьевского мирного договора права оптации, подлежат реэвакуации на общих основаниях с другими. Государство, отправившее указанное в сей статье лицо, не имеет права отказаться от его обратного принятия в случае отсутствия согласия другого государства на его оставление на своей территории»²⁰. НКВД прислало на места образец специального удостоверения:

«Удостоверение

Дано настоящее удостоверение эстонскому гражданину _____ в том, что его семья состоит из _____ лиц, а именно: _____ и что следующее при нем имущество, а именно: _____ действительно принадлежит ему на основании временных правил от 21. 06. 1920 г. и может быть предъявлено для отправки за границу только вместе с владельцем в количестве _____ пуд.

Настоящее подлинное удостоверение отбирается пограничным таможенным надзором при следовании за границу.

*При утере не возобновляется»*²¹.

В январе 1921 г. НКВД разослало циркуляр, ограничивающий количество вывозимых беженцами вещей:

«НКВД. Циркулярно.

8 января 1921 г.

Ввиду того, что лица, оптирующие эстонское гражданство и переселяющиеся в Эстонию, стремятся перевезти с собой имущество сверх нормы, указанной во временных правилах о провозке имущества, разосланных 7 августа сего года за № 1979, и опираясь на разрешения, выдаваемые местной властью на вывоз, НКВД:

1. Разъясняет, что такие разрешения местной власти служат лишь доказательством принадлежности имущества.

2. Предлагает на будущее время при выдаче эстонским гражданам свидетельства о принадлежности им имущества точно руководствоваться временными правилами о провозе имущества в порядке эстонских оптантов, разосланное 7 августа с. г. № 1979 и указывая каждый развес имущества.

3. Предлагает принять к руководству, что таковые свидетельства, только в тех случаях, когда имущество перевозится эстонцем при себе и только на количество не свыше десяти пудов на каждого члена семьи, причем никаких отступлений в этом отношении не должно быть, так как на основании указанных временных правил железные дороги не вправе принимать от эстонцев свыше десяти пудов на каждого члена семьи.

4. Предлагает через Эваки сообщить уезжающим эстонцам, что для вывоза имущества они должны предъявлять свидетельства о принадлежности имущества, без таковых свидетельств имущество не будет приниматься железной дорогой к отправке.

5. Обращает внимание Предгубисполкомов на необходимость точного выполнения отделами управления настоящего циркуляра и просит иметь строгое наблюдение и не допускать отступлений предания за нарушения сего суду Ревтрибунала»²².

Несомненно, что в Пермском Прикамье оптация также имела место, однако каковы были ее масштабы, число и территории, которые покидали эстонцы, возвращаясь на родину, не известны.

Однако проблема отправки эстонских беженцев на родину была только одним из вопросов, обсуждаемых при создании Пермского эстонского общества. Интересен текст Устава пермского эстонского общества, разработанный летом 1920 г. комиссией в составе: Лемберг, Попс, Юрис, Антон, Сурра, Тамм.

«Устав Пермского Эстонского общества

§ 1.

Пермское Эстонское общество имеет целью сближение живущих в г. Перми эстонцев:

- 1. Для выяснения и осуществления культурно-просветительских нужд.*
 - 2. Для поднятия их культурного и экономического уровня.*
 - 3. Для создания и поддержания связи с эстонцами, проживающими на родине и вне ее.*
- Круг деятельности и местопребывание правления – г. Пермь.*

§ 2.

Для достижения своих целей общество между прочим может:

- 1. Устраивать рефераты, доклады, курсы и увеселения, открывать библиотеки и читальни.*
- 2. Открывать школы с преподаванием на родном языке и открывать воспомоществование таким школам.*

§ 3.

Общество состоит из членов и президиума. Членами могут быть граждане, которые соответствуют целям общества и которым вступление в общество не возбраняется действующим законодательством.

Члены уплачивают ежегодно членский взнос. Члены, не уплачивающие следуемого с них взноса в течение 6 месяцев, считаются выбывшими из общества.

Граждане, не достигшие совершеннолетия, могут участвовать в деятельности общества в качестве постоянных гостей.

При рассмотрении вопросов, касающихся общества, они пользуются совещательным голосом.

§ 4.

Доходы общества образуются:

1. Из членских взносов.
2. Из взносов, взимаемых с постоянных гостей.
3. Из добровольных пожертвований.
4. Из доходов от увеселительных вечеров и всех предприятий общества.

§ 5.

Общество пользуется правами юридического лица: оно имеет право иметь печать со своим наименованием.

§ 6.

Деятельностью общества руководит правление и собрание.

§ 7.

Сметы и отчеты общества проверяются ревизионной комиссией, состоящей не менее чем из 3 членов, избираемых на 1 год.

§ 8.

Правление или президиум избирается на 1 год, оно состоит по меньшей мере из 3 членов, в том числе председатель, казначей и секретарь. Заседания правления считаются состоявшимися при наличии не менее половины из числа членов правления.

Вопросы в правлении разрешаются простым большинством голосов. <...> ... в компетенцию правления между прочим входит:

1. Руководство деятельностью общества и распоряжение всеми делами в пределах сего устава и издаваемых собраниями наказов и инструкций.
2. Прием членов и постоянных гостей по рекомендации 2 членов общества.
3. Сношение от имени общества со всеми правительственными, общественными и частными учреждениями и лицами. Исходящие бумаги считаются действительными для общества, если они снабжены подписями по крайней мере 2 членов правления»²³.

К сожалению, в архивах не сохранилось документов о деятельности этого общества, но, судя по его Уставу, цели общества ставились самые благие и должны были содействовать сохранению эстонской культуры и языка.

Сведения о численности и расселении эстонцев в Прикамье в послереволюционный период передают материалы переписи 1920 г., которая отметила в регионе 782 эстонца. По уездам ситуация сложилась следующим образом: в Чердынском уезде – 10 чел., Усольском – 29, Пермском – 130, Оханском – 388, Кунгурском – 84, Осинском – 61, в Сарапульском уезде – 80 чел. (см. таблицу 1). Эстонцы, по данным переписи, преимущественно относились к сельскому населению. В городах и поселках городского типа проживал 241 (30, 8 %) эстонец. По сравнению с другими уездами больше всего эстонцев проживало в Оханском уезде – 388 чел. (49, 6 %) ²⁴. Данные о половозрастной структуре и о владении языками населения в переписи не отражены.

Таблица 1

Численность и соотношение эстонского населения в Прикамье по данным Всесоюзной переписи 1920 г.²⁵

Уезды	Чердын-ский	Усоль-ский	Перм-ский	Охан-ский	Кунгур-ский	Осин-ский	Сарапуль-ский	Итого
Всего/ По национальностям	132029	255240	362600	263016	202320	331867	217260	1764332
русские	91618	178204	342086	259589	193953	261453	210132	1534034
эстонцы	10	29	130	388	84	61	80	782
В т. ч. в городах	8	4	107	1	41	1	13	175
В т. ч. в местностях городского типа	–	20	21	22	1	–	2	66
В т. ч. в сельской местности	2	5	2	365	42	60	65	541

Следующая Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1926 г., зафиксировала в 16 округах Уральской области 2 167 эстонцев²⁶. Всего переписанного населения в Уральской области оказалось 6 784 469 человек, количество эстонцев (2 167) составило 0,03 % от общей численности населения области. По характеру расселения, согласно переписи 1926 г., эстонцы на территории Уральской области оставались преимущественно сельским населением. Всего в сельской местности проживало 1650 человек (76 %), из них 826 мужчин и 824 женщины. В городах проживали 517 эстонцев (23,8 %), из них 287 мужчин и 230 женщин. Количество грамотных в процентном отношении было выше в городах – 433 чел. (83,7 %), в сельской местности – 1 116 чел. (67,6 %). На территории современного Пермского края располагались Пермский, Кунгурский, Верхнекамский, Коми-Пермяцкий округа, часть территории относилась также к Сарапульскому округу Уральской области²⁷. Всего в отмеченных округах проживало 885 эстонцев, из них 456 мужчин и 429 женщин. По отношению к численности всех эстонцев, проживавших в 1926 г. в Уральской области, прикамские эстонцы составляли 40,8 %.

Самым крупным по численности проживающих эстонцев был Пермский округ – 516 эстонцев (58,3 %). В нем же большее количество эстонцев, проживающих в городах, – 69 человек. Вторым по количеству эстонского населения был Кунгурский округ – 262 человека. Значительное увеличение эстонского населения в Кунгурском округе в 1926 г. по сравнению с Кунгурским уездом 1920 г. (84 чел.) объясняется тем, что из-за изменения административно-территориального деления в состав Кунгурского района вошла часть Бирского уезда с эстонскими хуторами. Следующим следовали Сарапульский округ – 66 человек, Верхнекамский округ – 41 человек. В Коми-Пермяцком округе эстонцев вообще не оказалось. Эстонский язык в качестве родного указали 835 человек (94,3 %), из них 424 мужчины и 411 женщин, а русский – всего 49 человек (5,5 %) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Округ	Всего населения			Родной язык			Владеют грамотой	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (в т.ч. жен.)	Русский (в т.ч. жен.)	Проч. (в т.ч. жен.)	Всего (в т.ч. жен.)	В т.ч. на языке своего народа (в т.ч. жен.)
Верхнекамский	27	14	41	36 (13)	5 (1)		33 (11)	24 (9)
Кунгурский	137	125	262	262 (125)			172 (84)	141 (78)
Пермский	257	259	516	477 (245)	38 (14)	1	337 (166)	206 (119)
Сарапульский	35	31	66	60 (28)	6 (3)		53 (26)	33 (17)

Таблица 3

Область, округ	Всего населения	Все эстонское население	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Верхнекамский округ	203 181	41	27	14	33	8
Коми-Пермяцкий округ	152 491	–				
Кунгурский округ	479 519	262	137	125	16	246
Пермский округ	715 988	516	257	259	69	447
Пермский округ, городское население			37	32	69	
Сарапульский округ	539 746	66	35	31	8	58
Итого		885	456	429	126	759

Из результатов этой переписи видно, что большинство эстонцев жили в сельской местности, значительная их часть в тех территориях, которые освоили их предки в конце XIX – начале XX в. в Сивинском районе Пермского округа и Алмазовском районе Кунгурского округа. Сведения о численности эстонцев в Пермском округе известны и по другим документам. Из Отчета о состоянии работы среди нацмен по Пермскому округу на конец 1926 г. можно узнать, что в «городских и заводских районах насчитывается» 89 эстонцев²⁸. Докладная записка о состоянии работы среди нацмен в Пермском округе на 1 ноября 1928 г. зафиксировала 31 053 нацмена 46 национальностей, среди них 540 эстонцев²⁹. По сравнению с данными переписи 1926 г. число эстонцев в Пермском округе отмечено бóльшим на 24 человека. Таким образом, можно говорить о том, что переписные материалы и материалы текущей статистики дают реальную картину численности эстонского населения в округе в этот период.

Эстонцы в спецссылке в Прикамье (1930–1936)

В начале 1930-х годов³⁰ многих жителей Советского Союза коснулась коллективизация, раскулачивание и спецссылка. Раскулачиванию и ссылке подвергались все зажиточные крестьяне, в т. ч. эстонцы по национальности. Спецсводка ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки в Уральской области (куда в то время входила территория Пермской области) в августе 1931 г. сообщала о том, что в области находится 120 тысяч семей спецпереселенцев, или 600 тысяч человек³¹. Сколько из них было эстонских семей, выяснить невозможно. Но, обращаясь к базе данных на репрессированных жителей Пермского края, составленной специалистами Пермского государственного архива новейшей истории, можно узнать о нескольких эстонских семьях, высланных в Прикамье: в 1930 г. из д. Новая-Законе Волосовского района Ленинградской области была выслана семья Аброй Александра Густавовича в трудпоселок Булатово Чердынского района. В 1931 г. из д. Ословья Волосовского района Ленинградской области был выслан в Ныробский район Кангурт Федор Иванович. В этом же году в Белогорскую колонию был выслан родившийся в д. Семеро В. Корнинской волости Лифляндской губернии Вильбас Вильям Юрьевич. Иммис Данил Тимофеевич был раскулачен и выслан в 1930 г. из д. Печерская Сивинского сельсовета в п. Чусовской Ныробского района. Из сохранившихся документов можно узнать, что могло послужить причиной того, что семью объявляли кулацкой: «Своей земли не имел. Арендовал 15 га пахотной земли и 15 га луговой»³². «До 1929 г. имел посевных площадей 10 га, дом, держали батраков 6–10 человек, одну лошадь, двух коров» (из анкеты крестьянина-кулака Кангур Ивана Густавовича)³³. Житель Новопетровки Теор Александр Иванович имел жнейку и молотилку, которые «использовал для эксплуатации жителей ближайших деревень. Формой эксплуатации были «отработки за использование сельскохозяйственных машин в других хозяйствах», по характеристике председателя Тураевского сельсовета – «кулак». Кестер Иван Петрович из той же деревни по той же характеристике «имел зажиточное хозяйство, двух лошадей, 5–6 голов крупного рогатого скота и сельскохозяйственные машины, имел молотилку»³⁴. Для сравнения приведем список имущества крестьянина-бедняка Иммис Степана Осиповича из д. Сельково Сивинского района – 1 лошадь, 1 корова, 3 овцы, 1 свинья, 1 дом с надворными постройками³⁵. Фактически владение или аренда значительной площади земли служили разделительной гранью между кулаком и середняком.

Как видно из имеющихся материалов, основной поток раскулаченных эстонцев в Прикамье шел с северо-западных областей России. Другой категорией раскулаченных были жители пермских эстонских хуторов.

Раскулачивание и высылка эстонских семей происходили точно так же, как и у русских, украинцев, татар и др. Воспоминания переживших ссылку могут рассказать нам о жизни в спецпоселках и сообщить некоторые сведения об эстонских семьях в ссылке. Так, Литковская Ирина Егоровна вспоминала о высылке на спецпоселок Сухая:

«...целый состав везли.

– А сколько примерно вагонов?

– Вагоны были простые, телячьи... Большой состав. Вверх по Яйве, поселок Сухая... это поселок Ворониха. Привезли нас на пароходе. По железной дороге до Яйвы, с Яйвы некоторых высадили из вагонов, некоторых повезли дальше, их увозили в Чердынь, на Вишеру. А нас высадили на Яйве и отправили вверх по реке несколько барж...

– В Воронихе были местные жители или спецпереселенцы?

– Там жителей не было, местные жители были в деревнях, одна деревня была от нас в 11 километрах, другая в 12 километрах... Бараки были приготовлены, большие были, одно-

нарные, но было очень много клопов, тараканов... не было никакого покоя. Здесь скученность была большая. Охрана была. Мы выходили ночью на улицу только под окно, дальше охрана нас не выпускала.

– Сколько человек жило в бараке?

– Может, человек 50. А потом, через некоторое время, мужики сделали бунт. Их забрали, дали по 10 лет... кто выжил, кто не выжил, а нас уже после...

– А какой бунт подняли?

– Отказались выходить на работу, были условия такие ужасные, стройка другого поселка шла медленно...

– А поселок как назывался?

– Сухая, теперь он Александровского района, а раньше был Соликамского.

– Скажите, пожалуйста, когда вы туда приехали, вы только занимались строительством этого поселка?

– И лесоповалом тоже.

– Но лес шел только на поселок или еще куда-то сплавляли?

– Сплавляли по Яйве.

– А работали за деньги или за паек?

– Потом уже, когда я стала побольше, помню, что какие-то деньги давали, а сначала паек. На работе – 400, а иждивенцам – 200... Вы спрашиваете, много ли там умирало. Вот идут с работы и падают. Смерть наступила, тут же его и закапывают безо всякого гроба, безо всего, вырывают ямку и в чем он есть закапывают... Мы с отцом пошли, 11 километров деревня от нашего поселка, чтобы там выменять, что у нас осталось из одежды... на продукты, на хлеб, и с нами шли двое мужчин молодых, километра три они не дошли, упали... Это на моих глазах было. Мы пришли в деревню, в деревне нас, конечно, плохо встречали, а был такой старичок, который относился хорошо, говорил, что этих людей обижать не надо, они Богом сюда высланы. Мы ему сказали, что там двое умерли, папа говорит: у меня нет силы копать... если можно, то организуйте кого-нибудь закопать...

– Но люди в основном умирали от истощения?

– От истощения, от голода, от холода. Национальности были разные – и украинцы, и белорусы, и латыши, и эстонцы, и немцы.

– В 1937–1938 годах многих забирали?

– Многих забирали – и латышей, и эстонцев, и белорусов, и украинцев, в основном мужчин, женщин не брали.

– Кто-то из них вернулся, их освобождали потом?

– Никого не освобождали, один остался в живых, письмо присылал потом. Он уже отсидел, он и тут мастером работал на лесоповале, и на Дальнем Востоке тоже... Потом организовалась сельхозартель, начали разрабатывать землю, вырубку делали, разрабатывали землю, картошку выращивали... Начали давать землю населению, корчевали, разделявали землю, потом уже полегче было, потом уже разрешали телят покупать.

– Выходить за территорию поселка можно было?

– По разрешению коменданта.

– А какие развлечения были на спецпоселении?

– Клуб у нас был... Как бы голодно и плохо мы ни жили, а в клуб ходили. Танцы были под балалайку, потом гармошка появилась.

– А граммофон, патефон?

– Не было.

– А какие-то концерты устраивали?

– Самодеятельность была»³⁶.

Нейфельд Маргарита Даниловна, немка по национальности, родившаяся в Оренбургском районе, в 1935 г. вместе с родителями была выслана в спецпоселок Данилов Луг Чердынского района. В описании жизни на этом спецпоселке Нейфельд упоминает и эстонцев:

«... – Вас привезли в Данилов Луг, где вас поселили?

– Сразу мы были в бараке несколько дней.

– И чем начали заниматься?

– Как же, все мы на работу стали ходить. Ребята-то были еще маленькие, нетрудоспособные, но все равно. Мама ходила, где-то уборщицей была.

– И кем вы здесь работали?

– И лес валила, и лес возила, и в столовой работала, и уборщицей была у командировочных, и сено косила, и дрова пилила. Где только ни работала, все делала. Больше всего на лошади работала, возчиком, лес возила. Потом на лодке возила рабочим-сплавщикам обеды, потом командировочные были на воле, как едешь на Вишеру, там дома были, там жили рабочие, им возила продукты – и хлеб, и мясо, все-все продукты, они там по неделе жили, только в воскресенье приезжали домой.

– Мне говорили, что здесь немцев в поселке было достаточно много?

– Много, да.

– Сколько семей?

– Семей было не так-то много, тут были Лундрены, Кошман.

– Вы как общались? Наверное, на русском языке плохо общались, когда вас переселять начали?

– Тогда еще языка не знали.

– Вы на немецком разговаривали в детстве?

– Пока мама была, она нам с сестрой не разрешала на русском говорить.

– Дома?

– Да, в хате. А на работе ведь с 30-го года все время с русскими. И хоть были и латыши, и эстонцы – все на русском. А мама не разрешала. «Вы что, совсем орусели», – говорила. А сейчас я по-немецки плохо разговариваю.

Комендантом был Кибкало. Он был хозяин, у нас еще был председатель, эстонец, местный, тоже переселенец из ленинградских, Линденберг. Вот хороший мужик был, тоже порядок любил, он отругает, но не мстил никогда никому. Он отругал – и все, давай, ребята, сядем, покурим. Отругал, сказал свои права, и все»³⁷.

Коллективизация в районах Пермского Прикамья, заселенных эстонцами, имевшими хуторское хозяйство, имела свои особенности. Так, многие эстонцы, вступив в колхоз, продолжали жить на своих хуторах. Кроме того, оставалось немало хуторских хозяйств, не вошедших в колхозы. Сивинский район, имевший десятки эстонских хуторов, в 1933 г. характеризовался следующим образом: «Район хуторской, заселялся при Столыпинской реформе, хутора чрезвычайно разбросаны. В 1918–1919 гг. кулачество района принимало участие в Сепычевском восстании, при приходе колчаковцев повстанцы влились в белогвардейскую армию. В 1918 г. помимо этого было кулацкое восстание в бывшей Екатерининской волости. Бандитизм в районе в эти годы в условиях разбросанности хуторов по лесам имел прочные корни и возглавлялся доверенными приказчиками бывших помещиков, царскими офицерами, бывшими людьми из полиции и духовенства»³⁸. В июле 1940 г. в районе все еще имелось 209 хуторов и единоличных дворов³⁹.

В мае 1939 г. Пленум ЦК ВКП(б) одобрил проект постановления «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания». Это постановление предусматривало: «ликвидировать

расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников... и сселить этих колхозников к одному месту, наделив их приусадебными участками в местах сселения по установленным нормам»⁴⁰. В Сивинском районе был разработан специальный «План сселения хуторов и малодворных поселков в колхозы Сивинского района», который был осуществлен в течение 1940 г. Одновременно ликвидировались и единоличные хозяйства⁴¹. В результате ликвидации и сселения хуторов эстонские семьи оказались расселены в более крупные села и деревни района. К сожалению, данные планов и отчетов оперируют только цифрами – количеством хуторов в конкретном сельсовете и названием колхоза, в который были сселены хутора. В планах и отчетах нет разделения по национальному признаку, поэтому указать точные села и деревни, куда были сселены эстонские хутора Сивинского района, не представляется возможным. Имеются только общие данные: «Отчет о ходе сселения хуторских дворов на 10 июля 1940 г. Число колхозов, в которые необходимо сселить хуторские дворы, – 100. Число хуторских дворов, подлежащих сселению: А) колхозных дворов – 1 482; Б) единоличников – 209; В) других не членов колхозов – 67»⁴².

Из отчета о работе Щучье-Озерского райкома ВКП(б) за 1943 г. можно узнать о национальных колхозах в районе: «Состав населения – русские, татары, марийцы, чувашы, белорусы, эстонцы. Всего колхозов – 117. Из них русских – 84, татарских – 23, марийских – 3, чувашских – 2, эстонский – 1, белорусский – 1, смешанных – 3»⁴³.

Весной 1935 г. Ленинградское УНКВД получило из НКВД СССР инструкции «по очистке погранполосы Ленобласти и Карелии от кулацкого и антисоветского элемента в порядке репрессии». Высылке в первую очередь подверглись финские семьи⁴⁴, также были выселены многие эстонские семьи. Всего, согласно рапорту заместителя начальника ГУЛАГа Я. Д. Рапопорта, из Ленинградской области и Карелии было выселено 23 217 человек, или 5059 семей. Из них в Свердловскую область (большая часть территории современного Пермского края до 1938 г. входила в состав Свердловской области) было выселено 7 354 человека, или 1 692 семьи⁴⁵.

В электронной базе данных «Репрессированные жители Пермского края», составленной сотрудниками ПермГНИ, содержатся сведения о 473 эстонцах, из них 357 человек были репрессированы в период 1935–1940 гг. Таким образом, можно говорить о значительном притоке эстонцев в Пермский край в результате высылки из Ленинградской и Псковской областей. Так, из графы базы данных «Место рождения» можно узнать о том, что большинство эстонских семей было выслано из сел, деревень и хуторов Волосовского, Красногвардейского, Лядского, Гдовского, Середкинского, Струго-Красненского, Гатчинского, Новосельского, Идрицкого, Волховского районов Ленинградской области и Новосельского, Печорского, Великолукского районов Псковской области.

У большинства высланных эстонцев в анкете были сведения о том, что когда-то они имели «зажиточное хозяйство» или были «кулаками». Так, Ганзен Мартын Иванович – «до революции – крестьянин-кулак, имел 1 дом, 1 лошадь, 3 коровы, мелкий скот – 10, земли 12, 5 га»⁴⁶. Врезман Петр Иванович вспоминал: «Хозяйство моего отца раскулачено в 1930 г. и передано в колхоз. С 1930 по 1935 гг. работал в колхозе и состоял членом колхоза в деревне Ново-Волгово. В 1935 г. отца арестовали и через 7 суток после ареста отца нас всю семью с отцом выселили в Чердынский район Свердловской области»⁴⁷.

Ряхмонен Анна Осиповна, финка по национальности, вспоминала: «...в мае 1935 г. мы прибыли в Добрянский район из д. Пелли Гатчинского района Ленинградской области. Одновременно с нами прибыли Карро Александр, Кох Оскар, Куземин Иван, по национальности эстонцы»⁴⁸. Высланные финны и эстонцы часто прибывали в уже существующие спецпоселки, населенные спецпереселенцами – русскими, украинцами, белорусами. Полозов Васи-

лий Мефодиевич, высланный в 1931 г. из Украины, вспоминал: «В поселке Верх-Добрянка я проживаю с 1931 г., с момента основания этого поселка. ...Кох Оскар, работая бригадиром в сельхозартели, принимал активное участие в применении при посадках сельскохозяйственных культур агрономических новшеств, по своему характеру он был хлопотливым и заботливым. Кузенин считался лучшим кузнецом в поселке, кроме того, он был неплохим столяром и печником. Вообще, должен сказать, что все финны, прибывшие на поселок в 1935 г., были людьми мастеровыми, работающими, старательными. Каких-либо антисоветских высказываний мне от них слышать не приходилось»⁴⁹. Из этого текста видно, что для местного населения, в том числе трудпоселенческого, разницы между эстонцами и финнами не было, сами же финны и эстонцы в воспоминаниях четко выделяют свои национальности.

Из базы данных «Репрессированные жители Пермского края» можно узнать спецпоселки, в которых жили высланные эстонские семьи:

Чусовской район – Шишиха, Громовая, Лямино, Бревно, Мыс, Яйва;

Ныробский район – Богатырево, Чусовской, Колвинец, Ошья, Неча, Вижаиха;

Чердынский район – Данилов Луг, Красновишерск, Вишера, Булатово, Котомыш, Нижний Родник;

Добрянский район – Добрянка, Верх-Добрянка;

Ворошиловский район – Сухая, Камешки, Старый Чуртан, Усть-Долгая;

Кизеловский район – поселок шахты им. Урицкого, Ивака, Усьва.

Об уровне жизни еще недавно зажиточных эстонских семей можно судить по описи имущества Ароль Ивана Осиповича, трудпоселенца п. Ошья Ныробского района Свердловской области. Опись была составлена 13 февраля 1938 г. сотрудником РО НКВД:

Наименование	Количество	Цена	Примечание
Корова	1	500 р.	
Пальто мужское зимнее	1	50 р.	суконное новое
Пальто мужское летнее	1	10 р.	старое матерчатое
Костюм мужской	1	70 р.	шерстяной

Эстонцы в годы массовых репрессий (1937–1938)

В 1935–1936 гг. в СССР произошли значительные перемены в национальной политике. Это связано с беспокойной политической обстановкой в Европе и Азии и увеличивающейся опасностью войны. В Советском Союзе изменилось отношение к представителям национальностей тех государств, которые не входили в социалистический мир. По всей стране прошли «чистки» сотрудников организаций, рабочих заводов и фабрик. В большинстве случаев причиной увольнения послужил национальный признак. Сотрудник отдела найма и увольнения Пермского завода имени И. В. Сталина в своем отчете так описывал причины увольнения: «В результате проделанной работы было выявлено около 500 человек кулаков, белогвардейцев, попов, торговцев, харбинцев, бывших членов ВКП(б), троцкистов, правых и *лиц немецкого, польского, латвийского происхождения (выделено авт.)*... явно подозрительных»⁵⁰. В этом списке значатся несколько человек, у которых в графе «причина увольнения» записано: «сын эстонца» – и даже: «тетка жила в Эстонии».

В 1937–1938 гг. наркомат внутренних дел провел целый ряд репрессивных операций, когда только по национальному признаку человек становился «врагом народа». Бывший сотрудник НКВД так описал то время: «С 1931 года по 10 февраля 1938 года я работал в органах государственной безопасности. Сначала работал в городе Свердловске, в 1933 году был переведен в город Березники, бывшей Молотовской области. В городе Березники я работал уполномоченным Ворошиловского РО⁵¹ НКВД, затем в августе 1937 г. был переведен уполномоченным в город Соликамск, подчинялся же я Ворошиловскому РО НКВД.

В 1937 году, месяц точно не помню, но это было во второй половине года, заместитель начальника Ворошиловского РО НКВД Федосеев устно довел до меня директиву центральных органов НКВД, что необходимо арестовывать всех антисоветских националистических лиц. Я поинтересовался, кто к этим лицам относится и что это за антисоветские националистические лица. Федосеев пояснил, что это литовцы, латыши, эстонцы, немцы. Все те лица, государства которых не входили в состав СССР. Я ответил, что это чушь, так как необходимо арестовывать и некоторых членов Политбюро ЦК, так как они по национальности латыши или литовцы. В последующем я был вызван в город Березники, где в Ворошиловском РО проводилось совещание. Совещание проводил начальник Шейкман. На совещании присутствовал представитель НКВД из города Москвы. Было выдвинуто требование, чтобы мы больше проводили арестов и добивались признательных показаний от обвиняемых, но каким путем получать эти признания, он не разъяснял. В последующем стали производиться аресты. Березниковская тюрьма была заполнена, и в монастыре в городе Соликамске также организовали тюрьму. Я также принимал участие в арестах и допросах лиц»⁵². На языке сотрудников госбезопасности граждане СССР, будучи по национальности немцами, поляками, эстонцами, литовцами и др., назывались «инобаза» и воспринимались, как потенциальные иностранные разведчики. В апреле 1940 г. один из бывших начальников НКВД рассказывал: «...при арестах по инобазе я давал следователям установку: в зависимости от национальной принадлежности арестованного стараться вскрыть его связь с разведкой по его национальной принадлежности.

Вопрос: Что означало это ваше указание?

Ответ: Это означало – путем следствия установить причастность арестованного к ино-разведке.

Вопрос: Иначе говоря, обязательно сделать из арестованного шпиона?

Ответ: Давая такую установку, я не имел в виду обязательно «сделать» шпиона, а только путем следствия постараться доказать принадлежность арестованного к иноразведке. Возможно, что моя установка была следователями воспринята не так, как я мыслил...

Вопрос: Все-таки получается, что шпионов «делали»?

Ответ: Да, должен признать, что почти все арестованные по инобазе были именно «сделаны» шпионами»⁵³.

Из показаний другого сотрудника НКВД можно узнать, как определяли, к разведке какого государства должен принадлежать «шпион»: «...по национальным признакам, по указанию Шейкмана, определялась принадлежность арестованных к той или иной разведке: белорусы – к польской разведке, эстонцы – к эстонской или немецкой разведке, татары и другие национальности восточных народов – к японской»⁵⁴. К выявлению людей с «враждебной» национальностью привлекались различные организации – паспортный стол, отдел найма и увольнения, партийные ячейки. Затем «...составлялись списки на немцев, латышей, эстонцев, поляков и других лиц нерусской национальности. Впоследствии по этим спискам выписывались ордера на арест, и эти лица арестовывались. В большинстве своем на арестованных не имелось никаких компрометирующих материалов»⁵⁵.

В первую очередь были арестованы жители спецпоселков и жители национальных эстонских колоний – сел и деревень Щучье-Озерского и Сивинского районов. Так, большинство мужчин эстонской деревни Новопетровки были арестованы весной 1938 г. В архиве сохранилось письмо жительницы деревни Кестер Л. Н., адресованное К. Е. Ворошилову, Председателю Президиума Верховного Совета СССР:

«Здравствуйте, дорогой Климент Ефремович!

Я давно хотела обратиться к Вам с большой просьбой от имени всей нашей семьи и вот решила написать после долгих колебаний. Извините меня за то, что приходится отрывать у Вас и так дорогое время. Не знаю, сумею ли я изложить так, как мне бы хотелось.

Родные моего отца, еще задолго до революции, приехали из Эстонии, скупили у помещика землю, занятую под лесом, и начали на ней строиться. Это были честные трудолюбивые, но темные люди. Им очень хотелось, чтобы все сыновья занимались сельским хозяйством, так как находили только в этом цель жизни. Правда, Александр Кестер после Гражданской войны вернулся в Эстонию, где живет и сейчас, а моего папу потянуло к книге. И как ни против были дома, и как ни трудно было ему, он с 14 лет, уйдя из дома, стал учиться и работать на Казанской железной дороге. Рабочие его уважали, и он часто за хорошую работу получал благодарности.

И вот, работая уже диспетчером на этой железной дороге, он в феврале 1938 г. был вызван в МГБ г. Свердловска. Уехал и больше не вернулся. Обыска у нас не было, и об отце мы больше ничего не знаем.

Вскоре была арестована вся эстонская деревня, в числе их и братья моего отца. Через год они с некоторыми другими вышли, а младший брат, Василий Кестер, был осужден на 10 лет и увезен в г. Магадан, где он живет уже 16 лет и выехать к семье не может.

Я знаю, что у нас еще много врагов, желающих обессилить и уничтожить нас, но, с детства воспитанные школой, комсомолом, семьей и Родиной, мы научились ненавидеть их. И как тяжело и больно в то же время сознавать, что ты дочь врага; не утешает то, что дети не отвечают за поступки родителей, но буду говорить правду, – я не верю в виновность отца и дяди, ведь это тоже могло быть дело рук врага?

Дорогой Климент Ефремович, я вас очень, очень прошу, если можно, то пересмотреть дела Николая Петровича и Василия Петровича Кестер. В чем заключается их обвинение, и справедливо ли оно, и долго ли еще они не придут домой? Только бы знать правду!

Еще раз прошу извинить меня и не отказать в моей просьбе. Желаем Вам все здоровья и многих лет жизни!

До свидания!

Кестер Л. Н.»⁵⁶.

Жительница спецпоселка Верх-Добрянка, населенного финнами и эстонцами, в 1955 г. вспоминала: «Должна сказать, что в 1937–1938 гг. на поселке Верх-Добрянка были арестованы почти все взрослые мужчины из числа трудпоселенцев, в том числе мой престарелый отец, Никорев Семен Яковлевич, и мой муж, Местиляйнен Иван Андреевич, но за что арестовали их, я также ничего не знаю, и о судьбе их мне ничего не известно»⁵⁷. Большинство арестованных эстонцев обвинялось в причастности к эстонской разведке. Так, в обвинительном заключении Кангур Ивана Густавовича было написано: «...являлся агентом эстонской разведки. Проводил шпионско-повстанческую и диверсионную деятельность. Организовал повстанческое подразделение в числе 6 человек и готовился к вооруженному восстанию против соввласти»⁵⁸.

Об аресте родителей-эстонцев, живших на хуторе в Сивинском районе, рассказывала Шадрина Алвина Югановна: «Я родилась в Пермской области в Сивинском районе. Жили мы там на хуторе. Семья – папа, мама, нас было семь человек детей, но старший-то от нас уже отошел. Папу посадили в октябре 37-го года. У нас как-то ничего не отобрали. В 38-м посадили маму. Тут приехали на лошадях, все на свете увезли и нас выкидали в лог. Перед домом недалеко ложок был небольшой. Мы все ревели, кто за лошадь поймался, кто за что. Нас выгнали, а милиция-то взяла и рамы выбила у дома-то. Рамы выбиты, а мы один другого меньше – кто нам рамы-то будет делать? Старшей сестре – 14, мне не было 12, а там все меньше. Куда деваться? Снег пошел. А у мамы брат был на хуторе неподалеку, его тоже посадили, и там два парня остались, Степан да Иван. Мы пошли туда. Там печка у них большая, так мы и жили. Сестры кто по нянькам, кто в прислуги, кто, сколько могли шевелиться, все в работе были: и пряли, и шили, и вязали, шерсть, все делали, себе носки вязали, потому что купить не на что. А потом у нас всю шерсть увезли. Ограбили, все увезли, ничего не осталось. Мама когда пришла из тюрьмы, то корову отдали обратно. Сколь им было хлопот-то с этой коровой.

– А маму за что у вас посадили?

– Не знаю. Мы до сих пор не знаем. И у ней мы не знаем, какая статья-то, у папы – 58-я. В Сиве я была, всякая пакость там про нее написана, так неправда ничего, такого сроду не было. А унижение какое было! Мы там ходили в школу, в Сиве-то у себя. Все ребята учатся в школе, за партами сидят (а раньше все в лаптях ходили, грязи-то сколько), все ребята учатся, а директор школы придет, нас из-за парт вытаскивает, старшую сестру и меня, и говорит: «А эти все равно дураки, нечего их и учить, пусть пол скоблят да моют». Я поменьше была, пол скоблила, ведрами грязь выносила, сколько-то мыла. И сюда приехала, открыли здесь курсы медсестер в горздравотделе (скоросрочные – как перевязать, шину наложить), все девчушки закончили, всех куда-то на фронт отправили, а меня – нет. Потом только до меня дошло: вот ведь из-за чего, отец-то. Вот такая жизнь. Как ее вспомнешь, чем? А век-то прожит. А в войну-то! Холодные, голодные, кому-то родители что-то где-то сунут, а уж тут-то, у мамы-то, сколько! Брат младший, маленький, все пахал и боронил, все пахал и боронил. Из-под плуга не видать, а он боронит и пашет. А еще называли «кулацкие дочери». А какие мы кулаки-то были? В месяц раз вытрясут матрасник, солому вытрясут, свежей набьют, мы там и спали, сверху ночью накроют нас, когда родители-то были, а потом не стало. Все у нас забрали, все, все, последний весь хлеб, что было – все. Папа у нас никогда не пил, я не видывала.

Папку-то повезли... Их было двое, говорили, там соседи навстречу попадали, а к нам-то приходило человека три. А милиция – не люди были, а собаки. Ну ладно, я согласна, родители там. А мы откуда что знали? Ничего мы не знали. Мы-то при чем? Нас-то за что в лог выкидывать да рамы в доме выбивать? Подумали бы, где ребята-то должны жить? Они навредили что-то там, а что мы вредили-то? До меня это никак не доходит. И приходили все взрослые люди, у всех, наверное, дети. Никакой жалости, что ли, я никак понять не могу... Сапогами залезли, рамы выбили, а окон-то было сколько... Все повыбили, собрались и ушли...

– У вас папу арестовали по 58-й статье, а конкретно за что, не знаете?

– А конкретно не знаю. Это ведь политическая статья. А какой он политик? Он в земле рылся всю жизнь. Может, за то, что он эстонец был. Где-то у себя в Эстонии с братом пахали, какие-то войска шли, их забрали да сюда угнали, вот они тут и жили. На ту, германскую (имеется в виду Первая мировая война. – *Авт.*), ходили оба, папа-то с дядей. Дядю тоже посадили, тоже 58-я статья. Он мельником работал, сами [делали] с ним мельницу, у них руки-то золотые, они все делали сами. У нас в доме ничего не было купленного, все самодельное, начиная от чашек, кончая ложками и ведрами, ничего купленного. Все сам. Утром встанешь, папка уж вот такую корзину грибов волокет. Мы еще и спим. Мельню сами выстроили, все своими руками, все из дерева. А дядя сам пианино делал сестре, все было собрано, всякие штуки, все было приготовлено, и струны были.

Мама мне еще наказывала: из Верещагино на Сиву идешь, ты в Сиву как войдешь, на левой руке дом. Тут папкино пианино стоит и дядино пианино, дядя делал. Я все глядела, пока помоложе была, а теперь и дома того нет. Гармошки сами делали. Свету нет, меня все заставляли лучину щипать. Мужики придут из деревень, чтобы папка научил на гармошке играть, меня – лучину щипать. Ой, как мне это надоедало. Думаю, что они, дураки, что ли, долго не умеют научиться. Керосину-то не было, лучина. Толковые были папа с дядей, шибко толковые, они все умели делать. Папка-то в колхозе был, потом его из колхоза-то выгнали»⁵⁹.

Таблица 4, составленная на основе базы данных «Репрессированные жители Пермского края», показывает, что именно в 1938 г. происходили наиболее массовые аресты среди эстонцев.

Таблица 4

Годы	Число арестованных	Осуждено
1918	1	1
1919	1	
1920	2	2
1931	1	1
1935	1	1
1936	4	
1937	96	12
1938	256	141
1939	1	7
1941	12	4
1942	46	9
1943	28	67
1944	14	7
1945	2	6
1946	1	3
1947	2	2

В 1990-х годах все репрессированные эстонцы были реабилитированы Пермской областной прокуратурой.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. отметила в Пермской области⁶⁰ 1 120 эстонцев, из них 539 мужчин и 581 женщину. В городах жили 297 человек, в сельской местности – 823⁶¹. Количество эстонского населения ненамного увеличилось. Вероятно, значительная прибыль эстонского населения в результате спецсылки 1930 и 1935 гг. была уравновешена убылью в результате арестов целых эстонских деревень и спецпоселков.

Вторая мировая война в судьбах эстонцев

С началом Второй мировой войны Эстония объявила о своем нейтралитете. Но в результате дипломатических переговоров и прямого давления со стороны СССР был заключен пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией. На основании этого пакта на территории Эстонии размещались советские военные базы и 25-тысячный гарнизон. А 22 июня 1940 г. была принята декларация о вступлении Эстонии в состав СССР.

После присоединения Эстонии к СССР НКВД провело там несколько операций «по выселению антисоветского элемента». Первая масштабная операция началась в мае 1941 г. Была подготовлена специальная инструкция НКГБ СССР «О порядке проведения операции по выселению антисоветского элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». Итогом этой операции стал арест 3 173 человек и высылка 5 978 человек из Эстонской ССР⁶². Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа СССР не запланировал добавление спецпереселенцев в Пермскую область, но в пермские исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) прибыли в качестве заключенных многие офицеры эстонской армии. Члены правительства Эстонской Республики были заключены в ИТЛ Свердловской области⁶³.

В пермский Усольский ИТЛ были заключены бывшие начальник генерального штаба эстонской армии Реек Н.⁶⁴, военный министр Эстонии генерал Соотс Я.⁶⁵, полковник генштаба Курвиц и сотни офицеров рангом ниже, директор эстонской полиции Сооман. Сотрудники оперотдела Усольского ИТЛ вели наблюдение за 130 активными заключенными из числа бывших эстонских военных⁶⁶. Зимой 1942 г. прокуратурой Усольского ИТЛ НКВД было возбуждено дело о якобы «вскрытой среди эстонцев военно-фашистской организации, участники которой готовили вооруженное восстание среди заключенных». К 21 января 1942 г. были арестованы 51 человек по этому делу. Прокурор Усольлага НКВД писал в донесении начальнику отдела по надзору за местами заключения СССР: «В процессе расследования установлено, что в июле месяце 1941 г. под руководством бывшего начальника Генерального штаба эстонской армии генерала Реека, и бывшего полковника Генерального штаба эстонской армии Курвица, и активного деятеля фашистской армии в Эстонии капитана Холланда формировалась из числа контрреволюционно настроенных эстонцев военно-фашистская группа, которая готовила вооруженное восстание и захват власти в лагере, путем обезоруживания охраны в лагере, при участии старших офицеров эстонской армии. Группы строились по принципу военных подразделений, рот, взводов, отделений. Вербовку старшего офицерства проводил лично Реек, который поручил последним формировать военно-фашистское подразделение для того, чтобы по первому приказу Реека и Курвица поднять восстание среди заключенных эстонцев на помощь гитлеровским войскам». Одной из своих задач прокуратура Усольлага ставила «путем следствия установить причастность к организации государственных и политических деятелей буржуазной Эстонии, не проходящих по следственному делу». В Сахаровском центре имеется информация о бывшем министре иностранных дел Эстонии А. Пийп: «Окончил учительскую семинарию в Голдингене (г. Кулдига в Латвии) в 1903, гимназию экстерном в Курессааре в 1908, юридический ф-т Петербургского ун-та (1913). Учитель 1903–12, научный стипендиат Петроградского ун-та 1913–16, mag. jur. [магистр юридических наук] 1916, приват-доцент по международному праву 1917. В 1917 член Временного земского совета, его представитель на Госсессии в Москве и на Демократическом совещании в Петрограде. В ноябре 1917 первый дипломатический представитель Эстонии в Петрограде, в 1918–20 представитель и посланник в Лондоне (получил в 1918 г. признание *de facto* независимости Эстонии). В 1919–20 зам. и и. о. министра иностранных дел, участник Парижской и Тартуской мирных конференций. В 1920–21 премьер-министр (с дек. 1920 носил первым титул госстаршины) и воен-

ный министр. Депутат Учр. собрания и 1-го созыва Гос. Собрания (1919–23) от трудовой партии. Министр иностранных дел в правительствах К. Пятса (1921–22), Я. Теэманта (1925–26), Я. Тыниссона (1933). Главный редактор газеты трудовой партии «Ваба маа» (1923). Посланник в США (1923–25). Еще в 1919 был назначен профессором международного права ТУ [Тартуского университета], фактически выполнял эти обязанности в 1925–39. Член 2-й палаты Нац. собрания 1937 (представитель ун-та), депутат Гос. думы 1938–40 (состоял в так называемой демократической оппозиции, возглавляемой Я. Тыниссоном). Министр иностранных дел – единственный представитель оппозиции – в предвоенном правительстве Улуотса. Арестован 30 июня 1941 и отправлен в лагерь на Урале, откуда переведен в Ныробскую тюрьму (Молотовская обл.), где и умер»⁶⁷. Вполне вероятно, что Пийп был переведен в Ныробскую тюрьму в связи с делом эстонских военных. Далеко не все из обвиняемых дожили до конца следствия, а выжившие получили дополнительные сроки заключения.

С началом Великой Отечественной войны в самой Эстонии было сформировано 27 подразделений народного ополчения, в которые записались более 10 тысяч человек⁶⁸. Также проводились мобилизации в действующую армию среди эстонского населения в других территориях СССР. Из воспоминаний мы можем узнать, как менялась политика советской власти по отношению к эстонским солдатам: «4 июля 1941 г. я был из Эстонии призван в Красную Армию и находился в ней до сентября 1941 г., потом из армии меня демобилизовали и направили работать в г. Кировоград кочегаром на завод. В апреле месяце 1942 г. я был снова мобилизован в Красную Армию, в Эстонскую дивизию. С апреля по сентябрь с этой дивизией я находился в военных лагерях в г. Чебаркуле, а потом выбыл на фронт. Участвовал в боях под г. Великие Луки, в декабре месяце 1942 г. ранен осколком гранаты в руку. По этому случаю я был отправлен в госпиталь в г. Калинин и находился на излечении до марта месяца 1943 г., после чего возвратился снова в Эстонскую дивизию, откуда в июне месяце 1943 г. был отчислен и направлен работать на Камскую судовой верфь в Молотовскую область... На Камскую судовой верфь я прибыл 8 июня 1943 г. с группой эстонцев, состоящей более чем из 300 человек»⁶⁹.

«В армию я был мобилизован 27 июля 1941 г. в г. Таллин, откуда всех мобилизованных эстонцев привезли в г. Ленинград. В Ленинграде всех мобилизованных распределили по рабочим батальонам. Я был мобилизован в рабочий батальон, номера не помню – девятьсот с чем-то. Из Ленинграда были направлены в Татреспублику, близ г. Казани, пробыли там 6 месяцев, с 14 августа до января 1942 г. Откуда был направлен в Эстонскую 7-ю дивизию, которая находилась: разъезд Еланск Свердловской области. 16 августа 1942 г. продвинулись к г. Егорьевску близ Москвы, где пробыли до ноября 1942 г. После были направлены на Калининский фронт, г. Торопец. 7 декабря 1942 г. были направлены в г. Великие Луки. Из 7-й эстонской дивизии 23–24 апреля 1943 г. по неизвестным для меня причинам я был направлен в запасной Эстонский полк в Свердловскую область, откуда в первых числах июня был направлен на Камскую судовой верфь»⁷⁰.

«В июле 1941 г. меня мобилизовали в трудовую армию и отправили в г. Красноуфимск Свердловской области. Там я работал трактористом на строительстве завода до лета 1942 г., потом меня откомандировали в г. Свердловск в распоряжение УралВО, где я работал слесарем до августа месяца 1942 г. После этого меня, как эстонца, мобилизовали в Эстонскую дивизию и отправили в г. Камышлов. Там я пробыл до декабря 1942 г., а потом выехал на фронт, в район города Великие Луки, куда я прибыл 25 декабря. Приблизительно около месяца работал телефонистом и радистом при штабе роты 147-й Эстонской дивизии. Числа 10 января 1943 г. я был ранен во время боя в руку и в связи с этим обратно отправлен в г. Камышлов. С февраля 1943 года до лета того же года я находился в эстонском запасном полку и проходил военную подготовку, а потом меня отправили на Камскую судовой верфь, где я работал плотником и трак-

тористом до осени 1944 г. С декабря 1944 г. и до июня 1946 г. я работал шофером Военной прокуратуры и Военного трибунала Камского бассейна»⁷¹.

Во всех приведенных воспоминаниях имеются общие моменты: первое – мобилизация в РККА в июле 1941 г.; второе – отправка не на фронт, а на строительные или промышленные объекты; третье – вторичная мобилизация в эстонские боевые части в 1942 г. Можно предположить, что доверия у советской власти к еще недавним буржуазным соседям было мало, и это выражалось в том, что вместо оружия мобилизованным эстонцам дали лопаты, пилы и топоры. В период наивысшего напряжения военных сил СССР в 1942 г. многие эстонцы получили оружие и в составе эстонских военных формирований – 7-й и 8-й стрелковые корпуса, 249-я стрелковая дивизия – принимали участие в боях. Ветераны эстонских военных формирований вспоминали: «Сначала была сформирована 7-я Эстонская стрелковая дивизия в Камышлове, а затем в Чебаркуле была создана и 2-я дивизия – 249-я Эстонская стрелковая. Основным костяк эстонских частей и соединений составляли участники боев на фронтах Отечественной войны, а также те, кто был призван из запаса, но уже имел соответствующие военные специальности. 14 марта 1942 года 7-я Эстонская стрелковая дивизия приняла военную присягу и была готова к боям. Чуть позже, в июне того же года, была готова к боевым действиям и 249-я стрелковая дивизия»⁷². Боевой путь эстонских военных формирований в составе Красной Армии хорошо описали ветераны: «Вместе с другими частями фронта наш корпус участвовал в тяжелейших боях под Великими Луками. Там погибло немало наших товарищей. Корпус принимал участие также в освобождении городов Невель, Новосокольники, [населенного пункта] Насва.

После прорыва Ленинградской блокады, выхода войск на рубеж реки Нарова Эстонский стрелковый корпус был переброшен на Ленинградский фронт и подчинен его командованию. Надо ли говорить, как радовались, как волновались бойцы и командиры корпуса. Ведь перед нами лежала родная наша Эстония.

Нам, стрелковому корпусу, предстояло ее освободить от гитлеровских захватчиков.

Наши артиллерийские части и подразделения сражались под Нарвой. Теперь уже все, наверное, знают, какие это были тяжелые бои. А потом корпус совершил ускоренный 400-километровый марш под Тарту и сосредоточился, говоря военным языком, на рубеже реки Эмайыги.

С этого рубежа 17 сентября 1944 г. мы начали наступательную операцию на Таллин. Обе стрелковые дивизии корпуса наступали в первом эшелоне. И 22 сентября 44-го года был освобожден родной наш Таллин. 7-я стрелковая дивизия получила название Таллинской.

Мы были горды тем, что освободили от фашистов столицу Эстонии, наш Таллин. Победа далась нам нелегкой ценой. Но мы пришли в город победителями.

Самые тяжелые бои были на Сааремаа, вернее, на полуострове Сырве. Они продолжались до второй половины ноября. И только в 6 часов утра 24 ноября 44-го года полуостров Сырве, а тем самым и вся Эстония были освобождены от гитлеровских войск. Обе дивизии корпуса, многие полки, бойцы и командиры были награждены боевыми орденами. Действия корпуса были отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего.

А потом корпус участвовал в ликвидации Курляндской группировки гитлеровских войск. Война для бойцов и командиров корпуса закончилась в 6 часов 8 мая полной капитуляцией немецко-фашистских войск в Курляндии»⁷³.

Жители Молотовской области – эстонцы по национальности – наравне со всеми жителями области приняли участие в обороне страны. Так, в списке народного ополчения при фабрике «Северный Коммунар» (Сивинский район), сформированного в августе 1941 г., значатся эстонские фамилии – Афор, Иммис, Лусис⁷⁴. В списке личного состава 243-й танковой

бригады особого Уральского Добровольческого танкового корпуса есть фамилия призванного Щучье-Озерским РВК эстонца Пелло Владимира Алексеевича⁷⁵.

В Молотовскую область и г. Молотов в годы Великой Отечественной войны эстонцы попадали и в качестве эвакуированного населения. Так, Грюнер Карл Эрнестович, бывший певец таллинского оперного театра, а в годы войны учащийся Ленинградской консерватории, был эвакуирован вместе с Кировским театром оперы и балета: «В Молотове я имел надежду оформиться на работу в театр, но в театре мест для работы не было, я после этого пытался поступить в филармонию, но меня там не устраивала зарплата, и я поступил работать в Гор-зеленхоз шофером»⁷⁶.

В 1942 г. в Молотовскую область прибыли десятки стройбатальонов, или строительных колонн, для возведения новых цехов военных предприятий или модернизации и расширения старых цехов и заводов. В стройбатальонах служили обычные мобилизованные красноармейцы, которые не попали в строевые части из-за здоровья, социального происхождения или национальности. По национальности это были русские, российские немцы, латыши, эстонцы, финны и др. Так, стройбатальон № 18 состоял в основном из украинцев; стройбатальон № 1572 был сформирован из бойцов Ленинградского фронта, многие из которых уже получили ранения, и по национальному признаку состоял из немцев, финнов, латышей, эстонцев. Стройбатальон № 1293 был сформирован из спецпоселенцев Молотовской области. Всего по данным Молотовского обкома партии в области было дислоцировано 56 строительных рабочих колонн, в которых находилось 50 тысяч человек⁷⁷.

В строительной колонне № 792 работало много эстонцев. Колонна была занята на строительстве порохового завода и строительстве объектов нефтяной отрасли. Арола Энди Идович прибыл в Молотов в составе этой колонны в 1941 г.: «После 1941 г. 21 июня, т. е. прихода советской власти в Эстонию, я служил вплоть до мобилизации меня в РККА бухгалтером в артели грузчиков. После мобилизации был отправлен в Молотовскую область в 792-ю отдельную строительную колонну... В октябре 1941 г. врачебной комиссией был освобожден от военной службы, но до получения необходимых документов находился и работал при колонне». В архиве сохранились письма Аролы жене Анне в г. Таллин:

«Закамск, 29 октября 1941 г.

Дорогая старуха.

Три долгих месяца прошли с тех пор, когда мы расстались, полные надежд. Много бессонных и грустных ночей провели с того времени и много горя пережили, думаю, что ты больше меня. У нас здесь о войне нет запаха и представления. <...> Сейчас испытываем здесь в скверных бараках холод и голод, несмотря на то, что еще холодов не было больших. Одежда у нас та, в которой выехали из дома. Также еще переживаем о неизвестности, что нас ждет в будущем, и еще больше – о судьбе родных-домашних.

Работаем здесь в «Красной Армии» на постройке в рабочей колонне на лесных и земляных работах. Меня освободили Молотовской врачебной комиссией от военной службы как непригодного три недели тому назад, и документы на проезд, слышно, скоро появятся, завтра – послезавтра из штаба – если в это время ничего не случится. <...> Но, рано или поздно, обратно я вернусь обязательно. А пока теплые поцелуи и приветы.

Будем надеяться на счастливую звезду».

Арола также выслал жене стихотворение на эстонском языке, но, к сожалению, в архиве сохранился только подстрочный перевод на русский, сделанный сотрудником НКВД:

«Теперь разделяют бесконечные пространства,
Но слышится, как арфа, твой голос.
Навсегда ли мы разлучились?
Встретимся ли в жизни, где земля отцовская?
Судьба руководит нами, как рекой.
Скоро увидит тебя мой усталый глаз?
Дорогая, я так тебя хочу увидеть.
Дорогая, на чужбине я не хочу быть.
Пусть раздается гром, пусть стреляет мир.
Скоро увижу тебя.
Приду обратно издалека, вместе с победителями
Спасать Родину с братьями.
Тогда встретятся наши усталые потухшие глаза,
И тогда вновь зацветут черемуха и сирень.

Закамск»⁷⁸.

Энде Раймонд Карлович, родившийся в эстонском уезде Ярвамаа, вспоминал: «По прибытии в Молотовскую область работал совместно с другими бойцами 4-го взвода на корчевании пней на месте будущего нефтехранилища. В конце сентября или в начале октября 1941 г. меня перевели в транспортный взвод, где работал на выгрузке из вагонов железных конструкций, прибывавших на стройплощадку. Затем работал в гараже «Укрнефтестрой» на ремонте автомашин»⁷⁹.

В декабре 1941 г. эстонцы, бойцы колонны № 792, справляли Рождество Христово: «24 декабря 1941 г. поздно вечером в помещении 4-й роты со всей стройколонны собрались бойцы-эстонцы. Когда все были в сборе, организатор этого вечера Луутус спросил у окружающих, все ли в сборе, и, получив утвердительный ответ, скомандовал: «Шапки снять!». После чего все присутствующие стали петь на эстонском языке лютеранские молитвы. За пением (после пения) выступил боец Вальпи, который читал из Евангелия главу о рождении Иисуса Христа, после чего снова все присутствующие стали петь рождественскую песню. Этим была окончена первая часть выступления.

Первым номером второй части было выступление бойца писателя Вайчур, где он продекламировал несколько написанных им стихов. После выступления Вайчур с чтением отрывков из романа писателя Руллито, который был здесь, выступил Халлоп Хейно. В прочитанных им отрывках говорилось о нашей мобилизации в РККА, о проводах нас из гавани Таллина, когда толпа народа на берегу, а мы с корабля пели «Эстонский гимн» и другие песни, и как мы ехали на поезде в Молотовскую область, и как начали жить в Закамске.

За Халлапом с воззванием ко всем присутствующим обратился боец 4-й роты Пиллар: «...мы должны держаться друг друга, ибо в единстве – сила для того, чтобы легче пережить это тяжелое для нас время, чтобы потом всем вместе вернуться в нашу дорогую Эстонию».

После окончания речи Пиллара присутствующие начали было аплодировать, но в это время заиграл оркестр «Эстонский буржуазный гимн», все встали, в том числе и я, и стали петь. Когда пение гимна окончилось, чей-то голос сообщил, что следующей вещью исполняет оркестр песню «Эстонский флаг», после чего были использованы ряд других эстонских маршей и песен. Когда оркестр играл последнюю вещь, то присутствующие стали расходиться, а оркестр пошел в другие роты. Таким образом «патриотический вечер» был закончен»⁸⁰.

Следователи УНКГБ определили это собрание как «антисоветскую демонстрацию и сборище»: «На сборище обсуждался вопрос возможности приземления или высадки на парашютах нескольких немцев с грузом оружия поблизости расположения стройколонны № 792. <...>

Немцы, зная о местоположении военных заводов в городе Молотов и Закамске и зная местоположение эстонцев и других западников в Закамске и их враждебность к Советскому Союзу, могут спустить своих парашютистов и с ними оружие для того, чтобы эти парашютисты организовали бы среди враждебного к Советской власти элемента восстание и под руководством их захватили или уничтожили бы военные заводы, раздав для этого привезенное оружие». В итоге было арестовано 38 человек, 27 из них осуждено⁸¹. В июне 1943 г. против эстонцев, рабочих стройколонны № 792, вновь было возбуждено уголовно-политическое дело. Но к этому времени колонны уже не существовало – еще в апреле 1942 г. ее расформировали, большинство бойцов отправили в действующую армию (в эстонские формирования), а остальные были переведены в трест «Укрнефтестрой». Всего за 1942–1943 гг. было арестовано 49 бойцов стройколонны № 792, из них 7 человек – расстреляны, 22 человека получили 10 лет ИТЛ, 15 – от 5 до 8 лет⁸².

Многие эстонцы, бывшие бойцы стройколонн, вспоминали время расформирования: «В 1939 г. в ноябре месяце я был призван в бывшую эстонскую армию. Из эстонской армии, т. е. от военной службы, я освободился в апреле 1940 г. После военной службы я снова поступил на строительные работы в качестве десятника. Продолжал работать на разных стройках до дня мобилизации. 27 июля 1941 г. я был мобилизован и направлен совместно с другими эстонцами в Молотовскую область, где был определен в стройколонну № 792. После расформирования стройколонны № 792 в апреле месяце 1942 г. я остался работать на строительстве треста «Укрнефтестрой» в Закамске. После расформирования колонны я остался жить в том же бараке, где до расформирования находилась 1-я рота. В этом помещении жили все эстонцы, а подразделение стали называть 1-м отрядом. Начальником отряда был эстонец Соовик»⁸³.

«В 1936 г. начал работать матросом на торговом корабле «Тина», с которым совершал рейсы по Балтийскому морю. 27 июля 1941 г. был мобилизован в Красную Армию и направлен в Молотовскую область, в стройколонну № 792, где служил бойцом-рабочим до расформирования стройбата в 1942 г.»⁸⁴. Имеющих специальное образование могли перевести в особые строительные части: «...имея техническое образование, командованием стройбатальона использовался на инженерном деле по строительству насосной станции в Закамске. С 15 сентября по 27 января 1942 г. работал старшим бригадиром 2-го взвода 3-й роты и руководил как техник строительными работами при постройке насосной. В мае 1942 г. был переведен в особую монтажную часть № 104, где и работал на проводке труб до декабря 1942 г.»⁸⁵

Изменение статуса эстонцев – из военнослужащих многие стали обычными рабочими и служащими – не уменьшило внимания к ним со стороны НКГБ. Так, Антон Рудольф Янович вспоминал о своей военной судьбе: «До 1940 г. работал радиотехником на таллинском заводе «РЭТ», после «восстановления советской власти остался работать на этом же заводе, который был переименован в «Радиоопионер». В 1941 г. был эвакуирован в г. Ленинград, после – в Астрахань. В июле 1942 г. был мобилизован в эстонскую военную часть. В 1943 г. работал диспетчером Камской судоверфи». 29 декабря 1943 г. Рудольф Янович был арестован НКГБ и осужден к 5 годам лишения свободы.

В его дневнике имеется и такой текст (в изложении военного переводчика): «Поздней ночью на чужой стороне ходит печально странник. Печальна песнь о Родине, которую он поет. Слезы льются из глаз, песнь жалобно звучит сквозь тишину ночи. Почему ты так печален? И так поздно в дороге? Дома (на родине) ждет тебя жена, жаждет еще сегодня ночью твоих поцелуев... Нет у меня Родины, дом мой – это дорога, странствуя по дорогам, я нахожу успокоение. Поздней ночью на чужой стороне ходит печальный странник. Печальна его песнь о Родине, его дорога далека и найдет ли он когда-нибудь любовь в сердце? Усть-Нытва. 26.07»⁸⁶. Вполне вероятно, что это было стихотворение, не совсем умело переведенное и оставшееся в деле только в виде подстрочника.

В результате мобилизации на фронт из Молотовской области ушли тысячи рабочих и служащих, их заменили дети, женщины, пенсионеры, инвалиды и мобилизованные в строительные батальоны и колонны. Военно-хозяйственным планом, утвержденным СНК СССР и ЦК ВКП(б) 16 августа 1941 г., на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии предусматривалось резкое увеличение выпуска вооружения, военной техники, боеприпасов и снаряжения, добычи топлива, производства электроэнергии, черных и цветных металлов, станков, котлов, турбин, металлургического, горного и другого оборудования⁸⁷. На территории Молотовской области строились новые и расширялись старые производства – березниковские калийный и магниевый, соликамские магниевый, целлюлозно-бумажный, сульфитспиртовой⁸⁸, Пермский пушечный № 172, пороховой № 98, авиамоторный № 19, карбюраторный № 33-бис и многие другие. На территорию области были эвакуированы 124 предприятия. Большинство эвакуированных предприятий прибывали с значительным недостатком рабочих рук. Кроме того, рабочие требовались для разгрузки и установки оборудования, строительства новых цехов и заводов.

За годы войны Мотовилихинским заводом было выпущено 48, 6 тысячи пушек, т. е. каждая четвертая из произведенных в стране. Пороховой завод в Закамске в годы войны стал основным поставщиком порохов⁸⁹, в том числе здесь освоили специальное производство термических снарядов для реактивных установок «Катюша». Рабочие стройбатальонов и строительных колонн внесли свою лепту в увеличение военного производства, так нужного стране в то время. Политдонесение о работе стройбатальонов отметило, что «...многие бойцы пишут заявления о добровольном уходе на фронт. Уже отправлено 285 наиболее здоровых человек. В январе 1942 г. общая выработка составила 130,7 %»⁹⁰. То есть работали «стройбатовцы» хорошо.

После войны большинство эстонцев вернулись к месту своего постоянного жительства – в Эстонскую ССР.

В годы Великой Отечественной войны национальные эстонские части формировались как со стороны Советского Союза, так и со стороны фашистской Германии. 18 декабря 1941 г. было принято постановление Государственного комитета обороны (ГКО) СССР о формировании 7-й Эстонской стрелковой дивизии РККА. Ее личный состав намечалось укомплектовать эстонцами, людьми других национальностей – уроженцами и жителями Эстонии⁹¹. Дивизия формировалась в Уральском военном округе, в Свердловской области. К осени 1942 г. дивизия насчитывала 26 445 человек. В составе этих частей было много жителей Молотовской области, призванных из эстонских деревень. Одной из главных задач эстонского корпуса было освобождение территории Эстонии от фашистских войск. Боевой путь корпуса начался под Великими Луками, затем было освобождение Нарвы, 17 сентября 1944 г. корпус вошел на территорию Эстонии и 22 сентября участвовал в освобождении Таллина.

Немецкая армия также формировала национальные батальоны и легионы. Около 90 тысяч эстонцев воевали в форме вермахта⁹². После войны участники повстанческих отрядов и немецких национальных формирований были репрессированы – заключены в ИТЛ или высланы. Из справки о наличии спецпоселенцев Молотовской области за 1954 г. можно узнать, что всего в области находилось 82 203 спецссыльных самых разных национальностей и категорий ссылки. Из них «высланных из Эстонской ССР за пособническую деятельность немцам – 32 семьи, 66 человек. Трудоустроены в сельском хозяйстве Фокинского района Молотовской области. <...> Членов буржуазных партий, повстанческих и националистических организаций, учитываемых по контингенту ссыльнопоселенцев, имеется 18 человек, из них эстонцев 6 человек»⁹³. Сравнительно небольшое количество эстонцев объясняется тем, что высылка из Эстонии изначально планировалась не в Молотовскую область. В приказе МВД СССР № 00225 «О высылке с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и нацио-

налистов» от 12 марта 1949 г. указаны иные места ссылки – Красноярский край, Новосибирская, Томская, Омская, Иркутская области⁹⁴.

В послевоенный период уже не наблюдалось значительных миграций и притока населения из Эстонии. Кроме того, сохранилось достаточно немного источников об эстонцах Прикамья этого периода. Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1959 г., зафиксировала в Пермской области 1128 эстонцев⁹⁵. Это почти столько же, сколько было в 1939 г. (1 120 человек). Всесоюзная перепись населения 1970 г. отметила в Пермской области всего 594 эстонца⁹⁶. По результатам переписи 1979 г., в Пермской области находился 681 эстонец, из них 11 человек в Коми-Пермяцком округе⁹⁷. Перепись 1989 г. показала в Пермской области 496 эстонцев⁹⁸. Таким образом, можно отметить значительное уменьшение эстонского населения в Пермской области во второй половине XX в.

Пермский край, находящийся в тысячах километрах от Эстонии, в течение XX в. не раз давал приют эстонским беженцам, но также стал и местом ссылки для многих эстонцев. Эстонцы, приехавшие в край еще в XIX в., интегрировались в общее многонациональное население и не отделяли свою судьбу от судьбы всей страны. В годы Великой Отечественной войны они записывались добровольцами на фронт, трудились на оборонных предприятиях и переносили все невзгоды военного времени вместе со всей страной. Вероятно, именно в военное время число эстонцев в крае (Молотовской области) было максимальным – это и эвакуированные, и бойцы стройбатальонов, и ссыльные.

Примечания

¹ *Маамяги В. А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М., 1990.

² Эстонские коммунисты // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. Пермь, 1918. 17 июля.

³ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 11919, л. 1.

⁴ Вероятно, речь идет о Петроградской финской армии, сформированной из финнов – рабочих петроградских фабрик. Финские роты участвовали в Гражданской войне // *М. Энгман.* См.: Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 411–413.

⁵ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 11919, л. 6.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Брошюры на эстонском языке // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. Пермь, 1918. 10 окт.

⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4162, л. 9.

⁹ Там же. Д. 11970. Из протокола допроса от 5 октября 1920 г. Л. 484.

¹⁰ Там же. Д. 11970.

¹¹ Гражданская война на Южном Урале (1917–1918 гг.): Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 74, 102–107.

¹² *Маамяги В. А.* Эстонцы в СССР... С. 54.

¹³ *Маамяги В. А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). М., 1987. С. 56–57.

¹⁴ Он же, там же.

¹⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 3529, л. 12.

¹⁶ Там же. Ф. 641/1, оп. 1, д. 3570, л. 6–7.

¹⁷ *Маамяги В. А.* Эстонцы в СССР.... С. 77–79.

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-17, оп. 1, д. 48. Протокол общего собрания эстонцев, проживающих в г. Перми, от 30 апреля 1920 г., л. 9.

¹⁹ ГАПК. Ф. Р-301, оп. 1, д. 75. Циркуляр от 08. 03. 1920 г.

²⁰ Соглашение с Эстонией по беженскому вопросу [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. URL: [http://www. worklib. ru/laws/ussr/10013620. php](http://www.worklib.ru/laws/ussr/10013620.php)

²¹ ГАПК. Ф. Р-301, оп. 1, д. 90, л. 4.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. Р-17, оп. 1, д. 48, л. 10–12.

²⁴ Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39.

²⁵ Распределение населения (обоого пола) в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 г. // Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39.

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. М., 1928. С. 103.

²⁷ Сарапульский округ включал в себя 15 районов, из них 10 позже вошли в состав Пермской области (Бардымский, Еловский, Куединский, Пожевский, Осинский, Усинский, Фокинский, Частинский, Черновской, Чернушинский). См.: Населенные пункты Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928.

²⁸ ПермГАНИ. Ф. 2, оп. 3, д. 211, л. 59.

²⁹ Там же. Оп. 5, д. 246, л. 21.

³⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000. Л. 126–130.

³¹ Спецсводка № 3 СПО ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки по Уральской области, не позднее 14 августа 1931 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 156–161.

³² ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 7307. Архивно-следственное дело Иммис Д. Т., л. 12–13.

³³ Там же. Ф. 641/1, оп. 1, д. 1275. Архивно-следственное дело Кангур И. Г., л. 20.

³⁴ Там же. Д. 3569. Архивно-следственное дело Кестер И. П., л. 11–12.

³⁵ Там же. Д. 5295. Архивно-следственное дело Иммис С. О., л. 20.

³⁶ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Кассета «Litkov». Записано в 2000 г., г. Березники.

³⁷ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Кассета «Neifeld». Записано в 2000 г., п. Данилов Луг.

³⁸ ПермГАНИ. Ф. 769, оп. 1, д. 190, л. 16.

³⁹ Там же. Оп. 18, д. 278, л. 3.

⁴⁰ *Маамяги В. А.* Эстонцы в СССР... С. 190.

⁴¹ ГАПК. Ф. Р-647, оп. 2, д. 129.

⁴² ПермГАНИ. Ф. 769, оп. 18, д. 278. Отчеты о сселении хуторов Сивинского района, л. 1.

⁴³ Там же. Ф. 596, оп. 1, д. 83, л. 36.

⁴⁴ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М., 2003. С. 5.

⁴⁵ Из рапорта заместителя начальника ГУЛАГа Я. Д. Рапопорта наркомун внутренних дел СССР Г. Г. Ягоде об окончании приема в трудпоселки кулацкого и антисоветского элемента, выселенного из приграничной полосы Ленинградской области и Карелии. 11 июня 1935 г. //

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 220.

⁴⁶ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 29775. Архивно-следственное дела Ганзен М. И., л. 6.

⁴⁷ Там же. Д. 5696. Архивно-следственное дело Вerezман П. И., л. 13.

⁴⁸ Там же. Ф. 641/1, оп. 1, д. 14850, л. 28.

⁴⁹ Там же. Д. 14850, л. 35.

⁵⁰ Там же. Ф. 231, оп. 1, д. 21, л. 33–53.

⁵¹ РО – районный отдел.

⁵² ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 16850, л. 19–22.

⁵³ Там же. Д. 12753, л. 39–41.

⁵⁴ Там же. Д. 10271, л. 66–69.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Д. 5657, л. 16.

⁵⁷ Там же. Д. 14850, л. 32.

⁵⁸ Там же. Д. 1275, л. 18.

⁵⁹ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Кассета «Shadrina». Записано в 1999 г., г. Пермь.

⁶⁰ В октябре 1938 г. из состава Свердловской области была выделена Пермская область.

⁶¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁶² Из докладной записки наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии об окончательных итогах операции по выселению антисоветского элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. 17 июня 1941 г. // История сталинского ГУЛАГа. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. Т. 1. С. 394–405.

⁶³ Мотревич В. Свердловская история. Правительство Эстонской республики на Урале // Ретроспектива. 2009. № 4. С. 30–31.

⁶⁴ Реек Николай (1890–1942). Сын городского из Таллина. Окончил в 1910 г. Чугуевское военное училище и в 1917 г. Академию Генштаба. Штабной офицер в Первой мировой войне, в февр. 1918 г. – нач. штаба Эстонской армии, подполковник. В Освободительной войне: командир 5-го пехотного полка, нач. штабов 1-й, 3-й дивизий и Вирусского фронта; ком. группы войск в боях с ландесвером. В конце войны полковник, награжден Крестами Свободы 1/2, 11/2, 11/3 (единственный генерал среди трижды кавалеров). В 1920–23 гг. – инспектор военных училищ, в 1923–25 гг. учился во Французской военной академии; нач. генштаба 1925–26 гг., ком. 2-й дивизии 1926–27 и 1929–34 гг.; военный министр в правительствах Теэманта и Тыниссона 1927–28 гг., нач. штаба войск в 1934–39 гг. (одновременно до 1938 г. зам. военного министра). Ген. – лейт. с февр. 1938 г. Военный министр в 1939–40 гг., уволен в отставку 22 июня 1940 г. Вскоре арестован и в авг. 1941 г. отправлен в Россию, где умер в Усольском лагере (Молотовская обл.). См.: Тиуф О. Из воспоминаний и заметок о 1939–1969 гг. [Электронный ресурс] // Минувшее: Ист. Альманах. Вып. 7. М., 1992. URL: http://www.sakharovcenter.ru/asfcd/auth/auth_pages5ee4.html?Key=6916&page=152. С. 152–171.

⁶⁵ Яан Соотс, военный и государственный деятель Эстонии, генерал-майор. Служил офицером в русской армии, участвовал в русско-японской войне, работал в Генеральном штабе. С 1918 г. служил в эстонской армии, участвовал в Освободительной войне: начальник оперативного штаба, с 24 февраля 1919 г. – начальник штаба Верховного главнокомандующего. В 1921–23, 1924–27 гг. – военный министр. В 1942 г. погиб в Усольском ИТЛ. См.: Яан Соотс [Элек-

тронный ресурс] // Сайт «Википедия. Свободная энциклопедия». URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Coorg>

⁶⁶ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 94. Из Донесения прокурора Усольяга НКВД СССР начальнику отдела по надзору за местами заключения помощнику прокурора СССР. 21 января 1942 г. Л. 8–12.

⁶⁷ *Тииф О.* Указ. соч. С. 152–171.

⁶⁸ Мы, Эстонский стрелковый корпус... / Кол. авторов. [Электронный ресурс] // Молодежь Эстонии. [20. 09. 2002]. URL: <http://www.moles.ee/02/Sep/20/11-1.php>

⁶⁹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 24933. Воспоминания Вахтра Эльмара Августовича, л. 10.

⁷⁰ Там же. Д. 24284. Воспоминания Аасве Иоганнеса Карловича, л. 11–14.

⁷¹ Там же. Д. 503. Воспоминания Кяярт Яна Гансовича, л. 10.

⁷² Мы, Эстонский стрелковый корпус...

⁷³ То же, там же.

⁷⁴ ПермГАНИ. Ф. 769, оп. 18, д. 316. Список личного состава отряда народного ополчения при фабрике «Северный Коммунар» на 01. 08. 1941, л. 90.

⁷⁵ Там же. Ф. 105, оп. 9, д. 332, л. 145.

⁷⁶ Там же. Ф. 643/2, оп. 1, д. 28901. Архивно-следственное дело Грюнер Карла Эрнестовича.

⁷⁷ Там же. Ф. 105, оп. 8, д. 439. Из стенограммы совещания начальников строек, директоров заводов при обкоме ВКП(б) о работе строительных колонн области. 15. 01. 1942 г.

⁷⁸ Там же. Ф. 641/1, оп. 1, д. 5069. Пакет с вещдоками.

⁷⁹ Там же. Ф. 643/2, оп. 1, д. 23686. Архивно-следственное дело Энде Р. К., л. 15.

⁸⁰ Там же, то же. Л. 180–181.

⁸¹ Там же. Ф. 641/1, оп. 1, д. 11301. Архивно-следственное дело Кивинди А. Д., л. 8.

⁸² *Обухов Л. А.* Репрессированные дважды (латыши, литовцы, эстонцы в Прикамье. 1940 – начало 1950-х гг.) // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2009. С. 205–207.

⁸³ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 23686. Из воспоминаний Лепик Юхана Федоровича, л. 13–15.

⁸⁴ Там же. Из воспоминаний Тимм Аарне-Энн Миновича, л. 161.

⁸⁵ Там же. Из воспоминаний Вальпи Эльмара Яновича, л. 233–234.

⁸⁶ Там же. Д. 24946. Архивно-следственное дело Антон Рудольфа Яновича.

⁸⁷ Урал – фронту. М., 1985. С. 45.

⁸⁸ ГАПК. Ф. Р-783, оп. 1, д. 8, л. 1–2.

⁸⁹ *Плюснина О. М., Степанов М. Н.* Военно-промышленный комплекс Западного Урала // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 20.

⁹⁰ ПермГАНИ. Ф. 105, оп. 8, д. 439, л. 120–124.

⁹¹ *Петренко А. И.* От Великих Лук до Курляндии. Боевой путь 8-го Эстонского стрелкового корпуса [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/history/2007-04-27/5_korpus.html

⁹² Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.

⁹³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 142. Л. 8–14.

⁹⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. С. 519–522.

⁹⁵ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁹⁶ Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁹⁷ Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

⁹⁸ Всероссийская перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Глава V

Современные этнокультурные процессы

Расселение и численность

Материалы рубежа XX–XXI вв. свидетельствуют о сохранении этнической группы эстонцев на территории Пермского Прикамья. В полиэтнической структуре края они являются этническим меньшинством, сформировавшимся в течение чуть более одного столетия из различных миграционных потоков.

Наиболее подробные сведения о современном расселении и количественном составе эстонцев на территории Пермского Прикамья отражены в результатах Всероссийской переписи населения 2002 г. В целом по Российской Федерации численность эстонцев с прошлой Всесоюзной переписи населения (1989) к этому времени сократилась на 39, 4 %. Число эстонцев в Пермской области в 1989 г. составляло 496 человек. Среди всех субъектов Приволжского и Уральского регионов это был пятый по величине результат после Челябинской, Тюменской, Свердловской и Куйбышевской областей. В 2002 г. эстонцев насчитывалось всего 196 человек, что на 60, 5 % меньше прежних показателей. Во многих других субъектах Приволжского и Уральского федеральных округов их численность оставалась прежней, в пяти – сократилась от 25, 7 до 51 % (см. таблицу 1). Отметим, что убывание эстонского населения наблюдается во всем Уральском округе и лишь в двух областях Приволжского. В Пермской области (ныне – Пермский край) среди остальных рассматриваемых территорий сокращение числа эстонцев самое большое, по их количественному составу эта территория перешла с пятого на десятое место. Доля эстонского населения в общей численности жителей области также сократилась с 0, 016 до 0, 007 % (таблица 2). Среди остальных народов области эстонцы по численности оказались на 37-м месте, тогда как в 1989 г. занимали 31-е. Причинами демографического снижения эстонского населения являются миграционные и ассимиляционные процессы, а также естественная убыль жителей страны и региона в целом.

Таблица 1

**Численность эстонцев в Поволжье и на
Урале по данным переписей 1989¹ и 2002² гг.**

Субъект РФ	Численность эстонцев, 1989 г., чел.	Численность эстонцев, 2002 г., чел.	Общая численность населения, 2002 г., чел.	Процент от общей численности
РФ	46 390	28 113	145 166 731	0,019
Приволжский федеральный округ				
Республика Башкортостан	447	447	4 104 336	0,011
Республика Марий Эл	40	40	727 979	0,005
Республика Мордовия	33	33	888 766	0,004
Республика Татарстан	191	191	3 779 265	0,005
Удмуртская Республика	131	131	1 570 316	0,008
Чувашская Республика	37	37	1 313 754	0,002
Кировская область	410	213	1 503 529	0,014
Нижегородская (бывшая Горьковская) область	135	235	3 524 028	0,006
Оренбургская область	155	155	2 179 551	0,007
Пензенская область	57	57	1 452 941	0,004
Пермская область	496	196 ³	2 819 421	0,007
в т.ч. Коми-Пермяцкий АО		2	136 076	0,001

Субъект РФ	Численность эстонцев, 1989 г., чел.	Численность эстонцев, 2002 г., чел.	Общая численность населения, 2002 г., чел.	Процент от общей численности
Самарская (бывшая Куйбышевская) область	600	600	3 239 737	0,019
Саратовская область	396	396	2 668 310	0,015
Ульяновская область	463	463	1 382 811	0,033
Уральский федеральный округ				
Курганская область	104	51	1 019 532	0,005
Свердловская область	706	437	4 486 214	0,010
Тюменская область	786	584	3 264 841	0,018
в т. ч. Ханты-Мансийский АО			1 432 817	0,012
в т. ч. Ямало-Ненецкий АО			507 006	0,017
Челябинская область	791	504	3 603 339	0,014

Таблица 2

Эстонское население Пермской области по данным переписей 1989 и 2002 гг.⁴

По Всероссийской переписи населения 1989 г., чел.	По Всероссийской переписи населения 2002 г., чел.	Доля в общей численности жителей Пермской области (по указанным годам, %)		Численность отмеченных в 2002 г. по отношению к 1989 г., %
496	196	0,016	0,007	39,5

На территории края эстонское население представлено как городскими, так и сельскими жителями. Причем в 2002 г. большинство из них, а именно 148 человек, что составляет 75,5 %, проживало в городах и лишь небольшое число – 48 человек, или 24,5 % – в сельской местности. Женщин (110 человек) значилось больше мужчин на 56,1 %. Существенный разрыв числа жен-

щин и мужчин имеется среди городского населения – 63 мужчины и 85 женщин, а в сельской местности разница между ними незначительна – 23 мужчины и 25 женщин (см. таблицу 3).

Таблица 3

Распределение сельского и городского эстонского населения Пермской области по данным переписи 2002 г.⁵

	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Лица обоего пола, чел. (%)
Городское население	63	85	148 (75,5)
Сельское население	23	25	48 (24,5)
Общая численность	86	110	196 (100)

Эстонское население в 2002 г. было зафиксировано в большинстве районов Пермской области. В основном оно сосредоточивалось в крупных городских центрах, таких как Пермь (71 чел.), Соликамск (10 чел.), Чусовой (10 чел.), Краснокамск (7 чел.), Кунгур (6 чел.) и др. В сельской местности выделяются районы со старыми эстонскими поселениями: Октябрьский район (20 чел.), Сивинский район (8 чел.); а также промышленные и лесохозяйственные территории: Горнозаводский район (11 чел.), Красновишерский район (6 чел.), Чердынский район (4 чел.) (см. таблицу 4).

Таблица 4

Численность эстонцев в районах Пермской области по данным переписи 2002 г.⁶

	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Оба пола, чел.
г. Пермь и подчиненные населенные пункты	28	43	71
г. Александровск и подчиненные населенные пункты	2	3	5
г. Березники и подчиненные населенные пункты	3	4	7

	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Оба пола, чел.
г. Гремячинск и подчиненные населенные пункты	—	—	—
г. Губаха и подчиненные населенные пункты	—	—	—
г. Добрянка и подчиненные населенные пункты	—	2	2
г. Кизел и подчиненные населенные пункты	1	—	1
г. Краснокамск и подчиненные населенные пункты	3	4	7
г. Кунгур	3	3	6
г. Лысьва и подчиненные населенные пункты	1	—	1
г. Соликамск	4	6	10
г. Чайковский и подчиненные населенные пункты	2	3	5
г. Чусовой и подчиненные населенные пункты	3	7	10

Бардымский район	—	—	—
Березовский район	—	—	—
Большесосновский район	—	—	—
Верещагинский район	—	—	—
Горнозаводский район	7	4	11
Еловский район	—	—	—
Ильинский район	2	—	2
Карагайский район	—	2	2
Кишертский район	—	—	—
Красновишерский район	3	3	6
Куединский район	1	1	2
Кунгурский район	1	—	1
Нытвенский район	—	1	1
Октябрьский район	10	10	20
Ординский район	—	—	—
Осинский район	1	1	2
Оханский район	1	—	1

	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Оба пола, чел.
Очерский район	—	—	—
Пермский район	1	—	1
Сивинский район	1	7	8
Соликамский район	1	—	1
Суксунский район	—	—	—
Уинский район	—	—	—
Усольский район	—	—	—
Частинский район	—	—	—
Чердынский район	1	3	4
Чернушинский район	2	3	5
Коми-Пермяцкий автономный округ	1	1	2
Всего в Пермской области	86	110	196 (100%)
из них: городского населения	63	86	149 (75,5%)
сельского населения	23	25	48 (24,5%)
Временно находящиеся на территории Пермской области	1	—	1 (0,5%)
Всего	87	110	197

Приведенные сведения указывают на дисперсное расселение эстонцев по территории Пермского края, их географическую разобщенность. Рассеянный характер проживания этнической группы определен разными мотивациями эстонцев-переселенцев нескольких миграци-

онных потоков от конца XIX до рубежа XX–XXI вв. Концентрирование эстонцев в городах Пермского Прикамья может быть связано, отчасти, как с насильственным переселением народа в середине XX в., так и с переездами последних лет и общей тенденцией урбанизации населения страны. В то же время следует констатировать размывание ареалов компактного проживания эстонцев в Сивинском и Октябрьском районах Пермского края, численность эстонского населения которых представляется сегодня незначительной.

Особенности сохранения и владения родным языком

Одним из важнейших показателей межэтнического взаимодействия, этнокультурного развития и условий поддержания этнической идентичности народа является владение родным языком и языками соседних народов. По данным переписи 2002 г. все 196 эстонцев, проживающие в Пермском крае, знают русский язык. К сожалению, сведения об употреблении родных языков по Пермскому краю не опубликованы.

Небольшая информация о характере этноязыковых процессов среди эстонцев получена в ходе полевых исследований среди старожильского эстонского населения Октябрьского и Сивинского районов. Первые поселенцы из Эстонии общались между собой преимущественно на родном языке, на русском многие говорили с трудом: «Мама, она до конца плохо говорила по-русски. Она понимать понимала, а отвечала по-эстонски» (Октябрьский район, д. Новопетровка)⁷; «Бабушка вообще не умела говорить по-русски, а понимала. Идешь, скажешь: «Здравствуйте», – молчит. Скажешь: «Терэ», – головой закивает, улыбнется» (Октябрьский район, д. Тюинск)⁸. Однако уже второе поколение переселенцев указывает на владение как родным, так и русским языком. Как старшие, так и младшие поколения постепенно начинают общаться на русском. Третье поколение, как правило, слабо владеет основными компонентами эстонского языка, указывая в лучшем случае лишь на аудирование (понимание). В то же время фонетические особенности родного языка повлияли на их русскую речь, которая выделяется особым акцентом, отличающимся приглушенными согласными звуками, более твердым произношением гласных: «А потом так обрусилась все. Так быстро. Акцент у них был, так был: «Итти томой»» (Октябрьский район, д. Тюинск)⁹. Тем не менее в деревне Новопетровке, в которой эстонцы составляли основное население, до середины XX в. эстонский оставался основным языком бытового общения, и ее население 1920–1930-х годов рождения знает и свободно говорит по-эстонски: «Разговариваем. Я все понимаю. Иван говорит... Эльвина Меас, Сальма тоже эстонка. Она ее дочь. Она тоже по-эстонски знает» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹⁰. Языковые процессы во многом зависели от коммуникативной среды в обществе в целом, которое было полиэтническим, и в отдельных семьях. В моноэтнических семьях эстонский язык функционировал дольше. Примером этого может служить семья Меас, в которой два поколения и в настоящее время владеют родным языком: «У меня сын хорошо по-эстонски говорил. А теперь все забыл, говорить уж не может. Понимать-то понимает, а говорить не может. Дочь у меня тут живет. Она еще говорит, она не забыла свой язык родной» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹¹. В смешанных семьях предпочтение отдавалось русскому языку: «У нас очень русская семья была. Мама очень хорошо говорила по-русски. Я говорю – учи детей по-эстонски. Она говорит – как буду учить, если всегда по-русски говорим» (Октябрьский район, д. Тюинск)¹².

Общение с русскоязычным населением, как правило, неблагоприятно сказывалось на сохранении эстонцами родного языка. Но нужно отметить, что оно имело двухстороннее значение: влияло на обрусение эстонцев и одновременно на восприятие русскими эстонского языка. Респонденты отмечают, что русские, достаточно долго прожившие в эстонской деревне или эстонской семье, хорошо понимали их речь: «А русские женщины жили в деревне, они говорить не научились, а понимать они понимали, что эстонцы при них говорят. Что-нибудь секретное сказать нельзя было, они уже понимали это» (Октябрьский район, д. Новопетровка)¹³. Александра Аркадьевна Ульяс, бывшая замужем за эстонцем и общавшаяся с его матерью-эстонкой, смогла вспомнить до двадцати слов и выражений на эстонском языке: *терэ* – «здравствуйте», *ядайга* – «до свидания», *иза* – «отец», *исту* – «садись», *минэ коду* – «иди домой» и др.¹⁴ Некоторые из этих слов знают ее дети, но в современной разговорной речи

они их практически не используют: «Я по-эстонски вообще ни слова, но поздороваться смогу. По-эстонски поздороваться – *терэ*. Дети маленькие были, вроде спать не хотят, мы по-эстонски: *Мина магама!* – «Иди спать!». Знаю, что «мама» – *эма*. *Ванна эма* – «бабушка, старая мама» (Октябрьский район, д. Тюинск)¹⁵.

В Сивинском районе процесс обрусения шел интенсивнее, чем в Октябрьском. Из опрошенных в 2008 г. жителей района с эстонскими корнями лишь один человек в детстве говорил по-эстонски. Остальные отмечают совершенное незнание языка: «[– Мама по-русски говорила, по-эстонски?] – Да, она понимала... Ой, она много знала. Где тут запомнишь. Я не запоминала. Ниче не понимала, так она и не связывалась с нами: «Ничё не знаете, так чё! Ни одну букву не знаешь, не пишешь! Какая ты?! Ты не эстонка вовсе!». [– А кто Вы?] – Русская. Так и написано в документах было. Если языка не знаю, какая я эстонка» (Сивинский район, с. Сива)¹⁶;

«[– Языку мама не учила?] – Нет. Да и мы как-то не старались. Уже как-то привыкли к русскому» (Сивинский район, с. Екатерининское)¹⁷. Сохранение языка в одной из семей, возможно, связано с ее эстонско-латышским составом и отсутствием в ней русского компонента. Старшее поколение семьи (мать-эстонка и отец-латыш) в начале XX в. не было мотивировано к окончательному переходу в быту на русский язык, так как, по-видимому, оба родителя хорошо знали свои родные языки и понимали язык супруга(и). Поэтому в семье сложилась сложная языковая ситуация: родители продолжали говорить на родных языках, при общении с ними дети вынуждены были применять оба языка, а вне семьи им приходилось общаться по-русски: «Мы говорили на трех [языках]. Ну, я конечно, мала еще была, велик ли у меня там запас был. Маме надо было обращаться на эстонском, к отцу – на латышском. Общий язык – русский.... Я несколько слов всего знаю и по-эстонски, и по-латышски. Например, по-эстонски «хлеб» – *лейп*. Эстонский язык как-то понежнее. А латышский более такой грубоотрывистый. Хлеб по-латышски *мáйзус*» (Сивинский район, п. Северный Коммунар)¹⁸.

Совместное освоение земель эстонцами и латышами повлияло на развитие у населения новых хуторов в начале XX в. двуязычия. Респонденты иногда даже затрудняются в определении этничности своих двуязычных родителей: «У нас отец был и латыш, и эстонец. По-латышски знал и по-эстонски знал. Не знаю, как. То ли родители тоже так. Говорили, что отец был и латыш, и эстонец вместе. Некоторые были так, что по-латышски знали и по-эстонски знали» (Октябрьский район, п. Северный Коммунар)¹⁹.

Общение эстонцев с другими народами на понятном для последних языке считалось актом уважения к представителю чужого этноса, было проявлением своеобразия этнического менталитета: «Если пришел русский человек, а я не умею говорить по-русски, я молчу, ухожу. А который умеет говорить по-русски, этот будет говорить, разговаривать с тобой, пока он не уйдет. Это у них было как уважение» (Октябрьский район, д. Новопетровка)²⁰.

На отношение эстонцев к родному языку, помимо его функционального применения, несомненно, оказали влияние политические события в стране в 1930–1950-х годах, затронувшие эстонцев репрессии. Другой причиной можно назвать и отсутствие на протяжении XX в. преподавания родного языка в местах компактного расселения эстонцев. Эстонский язык использовался лишь как язык бытового общения, навыки чтения и письма были свойственны только первому, в лучшем случае – второму поколению переселенцев. Рамки применения эстонского языка ограничивались небольшим по числу сообществом народа, и в настоящее время они сузились до нескольких человек. Даже при знании языка эстонцам сейчас не с кем общаться на нем: «[– Вы по-эстонски разговариваете?] – Разговариваем. Я все понимаю. [– С кем здесь разговариваете?] – Не с кем...» (Октябрьский район, д. Новопетровка)²¹.

Сохранение комплексов этнической культуры

Комплексы традиционной материальной и духовной этнической культуры эстонцев Прикамья подробно уже описаны выше. Они достаточно рано потеряли свою целостность, подверглись процессу изменения в сторону восприятия локальной специфики региональных традиций и массовых универсальных форм культуры. Уже во второй половине XX в. сохранялись лишь элементы эстонских традиций, часть из которых можно наблюдать и в современное время – в организации жилища, в проведении некоторых семейных и календарных обрядов. Эстонцам остаются дороги семейные фотоальбомы, предметы хозяйственного и домашнего быта, связанные в их памяти с историей и культурой их семьи и народа. Некоторые обычаи вместе со сберегаемыми вещами становятся главными признаками их этнической уникальности.

Общественные институты и связи с метрополией

Национальное развитие эстонцев на территории Пермского края, в силу малочисленности народа, его дисперсного расселения и слабых консолидационных связей, не выразилось в сложении общественных организаций и иных коллективных форм поддержания этнической самобытности, в отличие от регионов с крупными группами эстонского населения²². Даже в период 1990–2000-х годов, времени активизации общественного национального движения в регионе, эстонских общественных организаций создано не было. Небольшими центрами по собиранию и сохранению информации и артефактов этнической культуры эстонского населения Пермского Прикамья можно назвать школьные музеи (д. Новопетровка и д. Тюинск Октябрьского района, с. Сива, п. Северный Коммунар Сивинского района).

Также среди эстонцев края слабо развиты связи с другими территориальными эстонскими группами России и их исторической родиной. До революции эстонцы контактировали с оставшимися в Прибалтике родственниками: одни продолжали прибывать на новые осваиваемые территории, другие возвращались на родину, сохранялась переписка с оставшимися на родной земле. После революции, с образованием самостоятельной Эстонской Республики и с установлением новой политической системы в России, связи осложнились. По воспоминаниям эстонцев Прикамья, в этот период взаимодействие с родственниками и знакомыми, оставшимися в Эстонии, было прекращено. Во второй половине XX в. существовали эпизодические случаи отъезда или посещения эстонцами районов Прибалтики, возобновления контактов с оставшимися родственниками, переезда на историческую родину на постоянное место жительства. Эмиграция эстонцев на историческую родину была характерна и для рубежа XX–XXI вв. Оттоку населения содействовала осложнившаяся социально-экономическая ситуация в России и благоприятная по отношению к эстонским эмигрантам политика в Эстонии. Миграция эстонцев с уже обжитой территории шла в русле миграционных потоков соседних народов – латышей, немцев, покидавших страну в это же время. Оставшееся эстонское население проявляет интерес к своей исторической родине и к своему народу, поддерживает контакты с уехавшими в Эстонию близкими и знакомыми людьми.

Таким образом, для современных этнокультурных процессов эстонцев Пермского Прикамья характерны продолжающие процессы ассимиляции, размывания этнической культуры. Дисперсное расселение, разрушение ареалов компактного проживания, доминирование городского населения, слабое сохранение языка и этнической культуры, отсутствие общественного движения и системных связей с метрополией, высокая степень адаптации к региональной этнокультурной среде способствуют продолжающемуся процессу растворения эстонцев в полиэтническом сообществе региона. Распад СССР, изменение политической ситуации на постсоветском пространстве кардинальным образом сказались и на миграционных потоках, которые приводили в регион выходцев из Прибалтики. «Западный» вектор миграции, дававший наибольшее число мигрантов в регион, сменился «восточным». За пределами Российского государства оказалась и основная территория расселения этноса. Численность эстонцев в России уменьшается. Тенденции уменьшения эстонского населения характерны и для Пермского края. Прошедшая в 2010 г. перепись, скорее всего, покажет дальнейшее сокращение численности эстонского населения Пермского края.

Примечания

- ¹ По материалам: Всероссийская перепись населения 1989 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
- ² По материалам: Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.
- ³ Здесь и далее, – включая эстонцев-сету, 1 чел. (жен.).
- ⁴ По материалам: Национальный состав населения Пермской области...
- ⁵ По материалам: Национальный состав населения Пермской области...
- ⁶ По материалам: Национальный состав населения Пермской области... В используемых сведениях имеется небольшая погрешность: число женщин по приведенным материалам оказывается на 1 человека больше, а число мужчин – на 3 человек меньше. В таблице цифры даются в соответствии с используемым источником без корректировки.
- ⁷ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ⁸ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Елена Николаевна.
- ⁹ ПМА-2008. Она же.
- ¹⁰ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ¹¹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р., родилась в Кировской области.
- ¹² ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.
- ¹³ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.
- ¹⁴ Эстонские слова даются в варианте записи А. А. Ульяс, ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка.
- ¹⁵ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Тюинск, Ульяс Елена Николаевна.
- ¹⁶ ПМА-2009. Сивинский район, с. Сива, Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.
- ¹⁷ ПМА-2009. Сивинский район, с. Екатерининское, Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.
- ¹⁸ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Иогансон Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.
- ¹⁹ ПМА-2009. Сивинский район, п. Северный Коммунар, Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.
- ²⁰ ПМА-2006. Октябрьский район, д. Новопетровка, Кестер Нина Иосифовна, 1930 г. р.
- ²¹ ПМА-2008. Октябрьский район, д. Новопетровка, Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.
- ²² *Тьинурист И. В.* Эстонцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 425; Народы и народности, населяющие Красноярский край. Эстонцы [Электронный ресурс] // Официальный портал Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/krasnoyarskkray/narod/0/etno_id/34; Эстонцы в России [Электронный ресурс] // Сайт Генерального консульства Эстонской Республики в г. Санкт-Петербурге. URL: http://www.peterburg.estemb.ru/estonia_i_rossija/estontsi

Заключение

История эстонцев Пермского Прикамья начинается на рубеже XIX–XX вв. и продолжается до настоящего времени. Формирование группы длилось более полу столетия, с момента поселения в крае первых крестьянских семейных коллективов и городских жителей и до массовых насильственных и добровольных переселений эстонцев в середине XX в. Более поздние миграции носили, в основном, индивидуальный характер и меньше сказывались на численности представителей этноса и его этнокультурной составляющей. За всю историю проживания на территории Прикамья эстонцы оставались малочисленной этнической группой, максимальная их численность была зафиксирована в середине XX столетия, в последней четверти века наблюдается резкое ее сокращение. В формировании этнодисперсной группы принимали участие выходцы из нескольких районов Эстонии, и на уральские земли ими были привнесены разные национальные культурно-бытовые черты, что повлияло на общую культурную составляющую их этнической группы и территории Прикамья в целом. Для группы эстонцев характерно дисперсное расселение по территории Пермского края, но в нем выделялось несколько ареалов компактного проживания с наибольшим количественным составом представителей народа и центров, в которых сохранялась их этнокультурная специфика (д. Новопетровка Октябрьского района, группа хуторов Сивинского района).

Поселенцы эстонских хуторов Прикамья быстро приспособились к новой для них природно-климатической и социально-бытовой среде, даже некоторые суровые условия они стойко переносили, что объясняется относительным сходством природных характеристик Урала с их старой родиной, высокой степенью адаптационных возможностей. Поэтому их хозяйственная деятельность имела в основном положительные результаты. Адаптация к иноэтническому окружению также проходила достаточно гладко. На первом этапе освоения преобладали отношения внутри группы, со временем их сфера общения расширилась. Коммуникация с соседними народами осуществлялась в разных областях деятельности и значительно повлияла на процессы поддержания этнической идентичности и развитие культурно-бытовых навыков населения.

Адаптационные процессы в местах компактного расселения эстонцев лишь выборочно сказались на изменении народных традиций, обычных видов и форм хозяйственной деятельности, сохранении языка и других этнических особенностей, так как в течение первого полувека эстонцы продолжали следовать своим национальным обычаям. Достаточно рано ассимиляционные процессы начали проявляться на западных территориях края, где изначально эстонцы были расселены дисперсно. Крупное компактное поселение на юге края способствовало более длительному сохранению их традиционной специфики. Но в то же время сложились те условия, которые позже воздействовали на ассимиляцию и аккультурацию эстонцев, наблюдаемую на рубеже XX–XXI вв., когда в быту эстонской группы начали преобладать современные массовые формы культуры, привычными стали воспринятые иноэтнические элементы. Наибольшее влияние на эстонцев имела русская традиция. Происходили интенсивные процессы обогащения эстонской культуры посредством восприятия опыта, традиций и знаний соседних народов, но эти же процессы и стали причиной нивелирования этнических черт. В результате приспособления к новым условиям, взаимодействия с несколькими этносами и историческим развитием разных компонентов жизнедеятельности сложился особый вариант культуры группы эстонцев Пермского Прикамья. Особенностью ее является сочетание изначальных прибалтийско-эстонских элементов с пермскими русскими чертами и вариантами немецких, латышских и других этнических и прикамских территориальных составляющих.

Иначе характеризуются процессы в среде вынужденных переселенцев середины XX в. и городского эстонского населения. Первые из них не были достаточно мотивированы к адап-

тации в новой местности, многие при появившейся возможности покидали территорию Прикамья. Городское эстонское население имело мало благоприятных условий для сохранения своих национальных черт культуры и было сильнее подвержено ассимиляционным процессам. Но пребывание и деятельность тех и других групп отразилась в истории Пермского края, в формировании полиэтничного общества и сложении локальных вариантов культуры местного населения.

Сохранение этнической идентичности эстонцев поддерживалось благодаря компактным местам поселений, семейным и родовым традициям. Сегодня внутри пермской группы эстонцев отсутствуют консолидационные процессы. Современные процессы растворения этноса в полиэтничной среде Прикамья во многом обусловлены историческими изменениями, миграционными процессами, социально-экономическим развитием страны и общей тенденцией унификации культуры. Этому также способствовала малочисленность группы и дисперсный характер ее расселения. Происходящие в среде пермских эстонцев процессы обыкновенны для настоящего времени и типичны для малочисленных и рассеянных на большой территории этнических групп.

Список источников и литературы

Источники

Архив МЦИПР (Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36»).

Кассеты «Litkov» (2000 г., г. Березники); «Neifeld» (2000 г., п. Данилов Луг); «Shadrina» (1999 г., г. Пермь).

ПКМ (Пермский краевой музей, г. Пермь).

Коллекция № 18380, Материалы экспедиции в Сивинский район Пермской области (1988 г.), рук. С. А. Димухаметова.

Коллекция № 18672/2, Карта Сивинского имения Крестьянского поземельного банка.

АОАСР (Архивный отдел Администрации Сивинского района Пермского края).

Ф. 75, оп. 1, д. 49, 60.

Архив школьного музея д. Новопетровка Октябрьского района.

Рукопись материалов по истории деревни.

ГАПК (Государственный архив Пермского края, г. Пермь).

Ф. 165, оп. 1, д. 50.

Ф. 204, оп. 1, д. 11, 12, 68, 70, 98.

Ф. 297, оп. 3, д. 314.

Ф. 454, оп. 1, д. 12.

Ф. 719, оп. 6, д. 205.

Ф. Р-17, оп. 1, д. 48.

Ф. Р-301, оп. 1, д. 75, 90.

Ф. Р-647, оп. 2, д. 129.

Ф. Р-783, оп. 1, д. 8.

ПермГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории, г. Пермь)

Ф. 2, оп. 3, д. 211, 246.

Ф. 105, оп. 21, д. 94, 142, 332, 439.

Ф. 231, оп. 1, д. 21.

Ф. 596, оп. 1, д. 83.

Ф. 641, оп. 1, д. 3570.

Ф. 641/1, оп. 1, д. 65, 701, 1269, 1275, 1629, 1995, 3355, 3529, 3569, 3689, 4039, 4162, 5069, 5295, 5657, 7330, 8652, 10271, 11301, 11970, 12329, 12753, 14850, 16622.

Ф. 641/2.

Ф. 643/2, оп. 1, д. 503, 5696, 7307, 11919, 23686, 24284, 24933, 24946, 28901, 29775.

Ф. 769, оп. 1, д. 190.

Ф. 769, оп. 18, д. 316, 278.

СРКМ (Сивинский районный краеведческий музей).

Разные коллекции.

ЦГАОО РБ (Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан, г. Уфа).

Ф. 122, оп. 4, д. 156.

ЦГИА РБ (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан, г. Уфа).

Ф. 107, оп. 3, д. 42.

Ф. 336, оп. 1, д. 852, 972, 2899.

Ф. 351, оп. 1, д. 3544.

ПМА (Полевые материалы авторов) – 2006–2009.

Октябрьский район, д. Новопетровка

Кестер Нина Иосифовна, 1929 г. р.;

Кинас Мария Владимировна, 1929 г. р.;

Лайд Алина Ивановна, 1931 г. р.;

Лякк Иван Михайлович, 1921 г. р.

Меас Эльвина Юлисовна, 1919 г. р.;

Октябрьский район, с. Тюинск

Ульяс Александра Аркадьевна, 1931 г. р.

Сивинский район, п. Северный Коммунар

Иогансон (Лимонова) Валентина Рудольфовна, 1927 г. р.;

Костицына Зинаида Никитична, 1919 г. р.;

Нагель Эрнальдтина Августовна, 1926 г. р.;

Сивинский район, с. Екатерининское

Коков Михаил Андреевич, 1934 г. р.

Сивинский район, с. Сива

Иммис Зоя Михайловна, 1925 г. р.

Литература и опубликованные источники

- Алексеев Ю. В., Манаков А. Г. Народ Сету: между Россией и Эстонией. М., 2005.
- Алферова Е. Ю., Бакунин А. В., Иванов В. П., Крючков М. Т. Железнодорожный транспорт // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
- Бараишков В. Ф. Топонимия эстонских селений Ульяновской области // Ученые записки УГПИ. Т. 27. Вып. 3. Ульяновск, 1973.
- Большая энциклопедия народов. М., 2007. С. 615–617.
- Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М., 1990.
- Брошюры на эстонском языке // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. Пермь, 1918. 10 окт.
- Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008.
- Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты). Таллин, 1986.
- Все страны мира. Энциклопедический справочник. М., 2005. Всесоюзная перепись населения 1926 года. В 56 т. М., 1928–1929.
- Выйме Л. Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа (вторая половина XIX – 1929 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Таллин, 1975.
- Высочков Л. В. Об этническом составе населения северо-запада России (вторая половина XVIII–XIX в.) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989.
- Голева Т. Г., Черных А. В. Эстонцы // Разноцветный ковер: Пермский край, Октябрьский район / Сост. А. В. Черных. Пермь, 2010. С. 74–81.
- Гражданская война на Южном Урале (1917–1918 гг.): сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 74, 102–107.
- Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана в конце XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Уфа, 2002.
- Гурт Я. О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия императорского русского общества. Т. XLI. 1905. СПб., 1906. С. 1–22.
- Давыдов Л. Биография края Тюменского // За коммунизм (газета Сивинского района). 1968. 20 янв. С. 3.
- Димухаметова С. А. Коллекция Пермского областного краеведческого музея как источник изучения народной культуры старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья (Мир старообрядчества. Вып. 6). Ярославль, 2005. С. 82–93.
- Дриздо А. Д. К историографии эстонского населения Петербурга (60–80-е годы XIX в.) // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. М., 1982. С. 70–79.
- Дриздо А. Д. Из истории Петербургского эстонского просветительского общества // Этнография Петербурга-Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 13–20.
- Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001.
- Засецкая М. Л. К вопросу об истории формирования «петербургской группы» эстонцев-переселенцев (опыт периодизации эстонской миграции) // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 55–70.
- Засецкая М. Л. Система социализации у эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) Из истории Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб., 1997.

Засецкая М. Л. Сету. История, культура, современные этнические процессы: Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1998.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М., 2003. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004.

История сталинского ГУЛАГа. Массовые репрессии в СССР. Т. 1. М., 2004.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1958.

История Эстонской ССР. Таллин, 1966. Т. 2.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники. М., 1973.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978.

Калите В. Я. Современная свадьба на острове Кихну // Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М., 1962. С. 114–132.

Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.

Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.

Колоткин М. Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994.

Колчина Е. В., Куликова Е. А. Этномедицинский подход к исследованию традиционной системы питания (проблемы и перспективы) // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2009. С. 48–52.

Коровушкин Д. Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири. Расселение и численность в конце XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2008.

Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: формирование и этнокультурная адаптация. Новосибирск, 2003.

Лоткин И. В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. М., 1996.

Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: учебное пособие. Омск, 2003.

Лоткин И. В. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 4. С. 207–211.

Мамяги В. А. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940). Таллин, 1977.

Мамяги В. А. В огне борьбы (красные эстонские стрелки). М., 1987.

Мамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М., 1990.

Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 180–196.

Майничева А. Ю. Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Диаспоры. 2002. № 3. С. 153–164.

Малиновский Л. В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 202–213.

Манаков А. Г. Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографического исследования летом 1999 г.) // «Псков»: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. Псков, 2001. № 14. С. 189–199.

Моора Х. А. Об историко-этнографических областях Эстонии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Сборник статей. Таллин, 1956. С. 243–292.

Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 127–132.

Моора Х. А. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (Новая серия.) Т. XXIII. 1954. С. 138–151.

Мотревич В. Свердловская история. Правительство Эстонской республики на Урале // Ретроспектива. 2009. № 4. С. 30–31.

Мухин В. В. Всеволожские // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 132.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. Народы Европейской части СССР. Ч. 2. М., 1964.

Населенные пункты Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928.

Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.

Обухов Л. А. Репрессированные дважды (латыши, литовцы, эстонцы в Прикамье. 1940 – начало 1950-х гг.) // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2009. С. 205–207.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.

Переселенцы и переселенческое дело в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1898.

Пермская область: Административно-территориальное деление. Справочник. Пермь, 1963.

Плоткин К. М. Ареал сету: жертвоприношения и границы // Финноугры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб., 2002. С. 197–209.

Плюснина О. М., Степанов М. Н. Военно-промышленный комплекс Западного Урала. // Бессмертный подвиг народа. Пермь, 2000. С. 20.

Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914.

Поездка в Сивинское имение // Пермские губернские ведомости. 1909. 12 сент.

Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / Под ред. А. В. Черных. СПб., 2009.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000.

Похлебкин В. В. Национальные кухни наших народов (Основные кулинарные направления, их история и особенности. Рецепттура). М., 1990.

Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39.

Рихтер Е. В. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti palu rahva maj anduse ja olme arengu-jooni 19. ja 20. saj. Tallinn, 1979. С. 90–119.

Рихтер Е. В. Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г. // *Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. (Новая серия.) Т. XXIII. М., 1954. С. 183–193.*

Рождение ребенка в обычаях и обрядах стран зарубежной Европы. М., 1997.

Рябов В. Хутора // *Волжские зори. 1992. № 137, 141, 145, 150, 151.*

Садиков Р. Р. Эстонцы Башкортостана: Обзор архивных источников // *Археография Южного Урала. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции 16 сентября 2004 года. Уфа, 2004. С. 174–184.*

Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // *Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. М., 1982. С. 80–97.*

Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899.

Сивинский район: От истоков до наших дней. Сива, 2004.

Смирнов Н. Ф. Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1908.

Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Эстония. М., 1967.

Список населенных пунктов Уральской области. Кунгурский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных пунктов Уральской области. Пермский округ. Свердловск, 1928.

Справка о положении иногубернских и иноуездных переселенцев в Сивинском имении, согласно данным подворной переписи 1910 г. Пермь, 1911.

Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. (Составил диакон Петр Ершов). Пермь, 1911.

Старовойтова Г. В. Эстонские молодежные общества в Петербурге в начале XX века // *Этнография Петербурга-Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 21–25.*

Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. Страны мира. М., 2006.

Тедре Ю. Знаменательные даты и связанные с ними обычаи // *Эстонские обычаи и традиции / Сост. Юло Тедре. Таллин, 1991. С. 46–100.*

Терехин А. А. Ссылка в Пермской губернии в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Пермь, 2003.

Традиционная обувь народов России: Учебное пособие / Сост. Н. М. Калашникова, И. В. Грязева. СПб., 2006.

Трошина Н. К. Особенности национальной самоидентификации сету в русско-эстонской этноконтактной зоне // *Геосистемы Севера. Тезисы научно-практической конференции. Петрозаводск, 1998. С. 35–36.*

Трусман Ю. О происхождении псково-печорских полуверцев // *Живая старина. 1897. Вып. 1. СПб. С. 37–47.*

Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печорского края // *Живая старина. 1890. Вып. 1. СПб. С. 31–62.*

Тынурист И. В. Эстонцы // *Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 423–425.*

Урал – фронту. М., 1985.

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Феоктистова Л. Х. Семейные обряды крестьян Раплаского района // *Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М., 1962. С. 133–158.*

Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

Хагу П. С. Календарная обрядность русских и сету Печорского края // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1983. С. 51–52.

Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. Пермь, 2002.

Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в Южном Прикамье в XVI – первой четверти XX в. // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М., 1998. С. 39–113.

Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX в. (По материалам южных районов Пермской области). Пермь, 2002. С. 66–68.

Черных А. В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь, 2007.

Черных А. В. Традиции и технологии земледелия в эстонских хуторах Прикамья // Хлеб-батюшка: Хлеб в традиционной культуре народов Октябрьского района. Пермь, 2010. С. 77–84.

Шабалина Л. П. Эстонцы Ульяновского Поволжья // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

Шлыгина Н. В. Эстонское крестьянское жилище в XIX – начале XX в. // Балтийский этнографический сборник. М., 1956. С. 48–94.

Шумилов Е. Н. Сива // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 477.

Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960. Эстонские коммунисты // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов. Пермь, 1918. 17 июля.

Эстонцы в Крыму. Очерки истории и культуры / Сост. Е. А. Лагода, Ю. Н. Лаптев, М. Р. Никольская. Симферополь, 2008.

Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987.

Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Статистический анализ. Л., 1984.

Юхнева Н. В. Этнический состав населения Петербурга в конце XIX – начале XX в. // Этнографические исследования северо-запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 192–216.

Hüema M. Der estnische Volkskalender. Helsinki, 1998.

Jürgenson A. Siberi eestlaste territoriaalsus ja identiteet. Tallinn, 2002.

Karjahärm T, Sirk V. Eesti haritlaskonna kujunemine jai deed 1850–1917. Tallinn, 1997.

Korb A. Seitse kula Siberis. Tartu, 1998.

Kulu H. Eestlased maailmas. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest. Tartu, 1992.

Kulu H. Eestlaste tagasiranne 1940–1989: Lääne-Siberist pärit eestlaste näitel. Helsinki, 1997.

Laar M. Äratajad. Rahvuslik ärkamisaeg Eestis 19. sajandil ja selle kandjad. Tartu, 2006.

Meomuttel J. Eesti asunikud lailises Vene riigis. Esimene katse sõnumid kõikide Eesti asunduste üle tuua. – Jurjevis (Tartus), 1900.

Nigol A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartus, 1918.

Piho M. Siperian setukaiset. Saarinen, Tuija & Suhonen, Seppo (toim.) // Koltat, karjalaiset ja setukaiset. Pienet kansat maailmojen rajoilla. Kuopio, 1995. S. 200–219.

Vassar A. Uut maad otsimas. Agraarne ümberasumisliikumine Eestis kuni 1863 aastani. Tallinn, 1975.

Электронные ресурсы

Бирюков А. М. Раскопки в районе исчезнувшего села Лифляндка [Электронный ресурс] // Сайт «Этноархеология на Алтае». URL: <http://www.seas.altnet.ru/library/articles/biruk.html>

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>;

Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Всероссийская перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>

Голева Т. Г. Эстонцы. [Электронный ресурс]. // Пермский край. Энциклопедия. URL: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803974742&idParentObject=1803974726>.

Горнухова А. В. Миграционные процессы в республиках Прибалтики в XX веке.: Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08. 00. 05. [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: <http://www.diplomnie.com/publ/118-1-0-28321>

Майничева А. Ю. Эстонцы в Верхнем Приобье в конце XIX – первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Сибирская заимка». [2001. № 5]. URL: <http://www.zaimka.ru/culture/mainicheva13.shtml>;

Мы, Эстонский стрелковый корпус.../ Кол. авторов. [Электронный ресурс] // Молодежь Эстонии. [20. 09. 2002]. URL: <http://www.moles.ee/02/Sep/20/11-1.php>

Народы и народности, населяющие Красноярский край. Эстонцы [Электронный ресурс] // Официальный портал Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/krasnoyarskkray/narod/0/etno_id/34;

Петренко А. И. От Великих Лук до Курляндии. Боевой путь 8-го эстонского стрелкового корпуса [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/history/2007-04-27/5_korpus.html

Праздники и обряды эстонцев [Электронный ресурс] // Информационный центр «Финноугория». URL: <http://www.finnougoria.ru/community/folk/>

Соглашение с Эстонией по беженскому вопросу [Электронный ресурс] // Законодательство СССР. URL: <http://www.worklib.ru/laws/ussr/10013620.php>

Тишф О. Из воспоминаний и заметок о 1939–1969 гг. [Электронный ресурс] // Минувшее: Ист. Альманах. Вып. 7. М., 1992. URL: http://www.sakharovcenter.ru/asfcd/auth/auth_pages5ee4.html?Key=6916&page=152. С. 152–171.

Эстония [Электронный ресурс] // Сайт «Единство непохожих». URL: http://europeanport.narod.ru/cul_estonia.htm

Эстонская община Абхазии [Электронный ресурс] // Сайт «Абхазия». URL: <http://www.apsny.ru/ethnic/ethnic.php?page=content/estonci/estonci.htm>;

Эстонцы [Электронный ресурс] // Сайт «Академик». URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29556>